

История исчезнувших цивилизаций Запада

Ф.А.С.М.А. Роберт Э. Андерсон

The Story of Extinct Civilizations of the West

F.A.S. M.A. Robert E. Anderson

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная истории исчезнувших цивилизаций Запада

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История исчезнувших цивилизаций Запада

Автор: F.A.S. М.А. Роберт Э. Андерсон

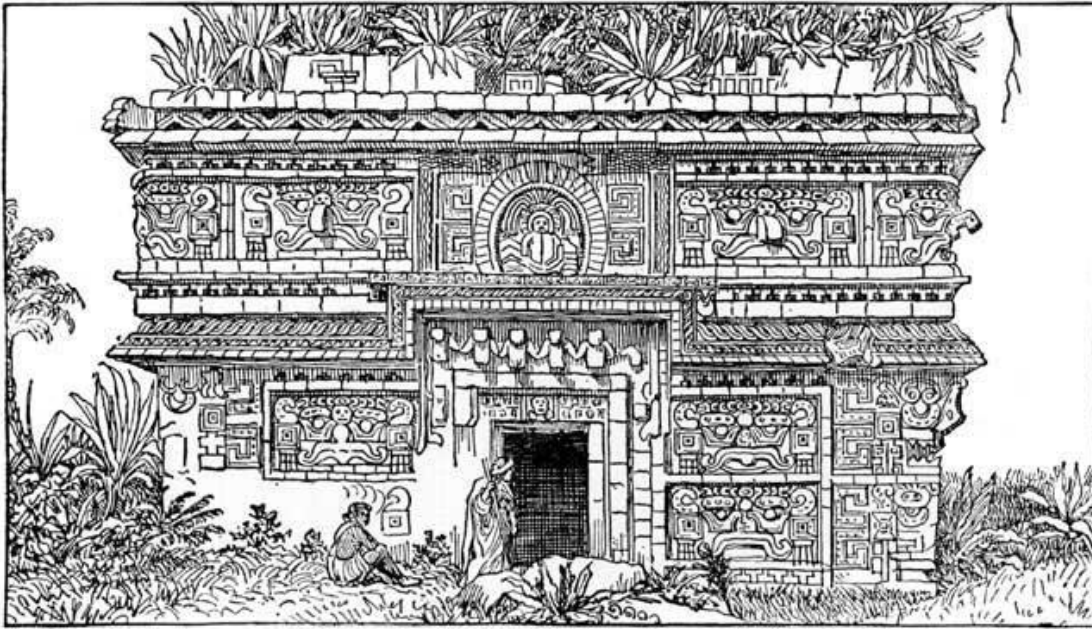
Дата выхода: 26 февраля 2010 [Электронная книга №31413]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен командой онлайн-корректур Project Gutenberg

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЗАПАДА" ***

Электронный текст подготовлен
командой распространяемой онлайн-корректур Project Gutenberg
(<http://www.fadedpage.com>)

Доисторическое сооружение, Ушмаль (Юкатан) (стр. 76).

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЗАПАДА

АВТОР Роберт Э. АНДЕРСОН, магистр, F.A.S.

АВТОР КНИГИ " ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА "

Venient annis saecula seris
Quibus Oceanus vincula rerum
Laxet, et ingens pateat tellus
Tethys que novos detegat orbes.

— Сенека.

НЬЮ-ЙОРК McClure, PHILLIPS & CO. MCMIV

Авторское право, 1903,

Д. ЭППЛТОН И КОМПАНИЯ

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Введения	9
I. Доколумбовы открытия Америки	19
II. "Открытие мира и человека"	36
III. Исчезнувшая цивилизация ацтеков	54
IV. Американская археология	71
Против Мексики до испанского вторжения	88
VI. Прибытие испанцев	106
VII. Кортес и Монтесума	135
VIII. Бальбоа и перешеек	164
IX. Вымершая цивилизация Перу	172
X. Писарро и инки	186

КАРТЫ И Т.Д.

	СТРАНИЦА
Доисторического сооружения, Ушмаль (Юкатан), Воображаемого континента, Юг Африки и Азии	<i>Фронтиспис</i> 12
Остатки скандинавской церкви в Катортукке, Гренландия	21
Карта Винланда	24
Дайтонский камень на реке Тонтоу, Массачусетс	27
Дайтонский камень. Рис. 2.	28
Зашифрованный автограф Колумба	46
Чулпа или Каменная гробница перуанцев	87
Кецалькоатль	93
Древний мост близ Тецкоко	100
Теокалли, ацтекский храм для человеческих жертвоприношений	105
Дверной проем из монолита. Недалеко от озера Титикака. Рис. 1.	173
Изображение над дверным проемом, показанное на рис. 1. Недалеко от озера Титикака. Рис. 2.	175

ВЫМЕРШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА

Введение

На протяжении всех периодов европейской истории, древней или современной, ни одна эпоха не была более примечательной событиями первостепенной важности, чем вторая половина пятнадцатого века. Расцвет Новой науки, "открытие мира и человека", вытеснение многих устаревших верований - все это вместе с другими факторами привело к пробуждению, которое поразило королей и народы. Потом почувствовали, что им нравится Бальбоа, когда

орлиным взором

Он смотрел на Тихий океан, а все его люди
молча, с дикой догадкой,
переглянулись на вершине Дариена.

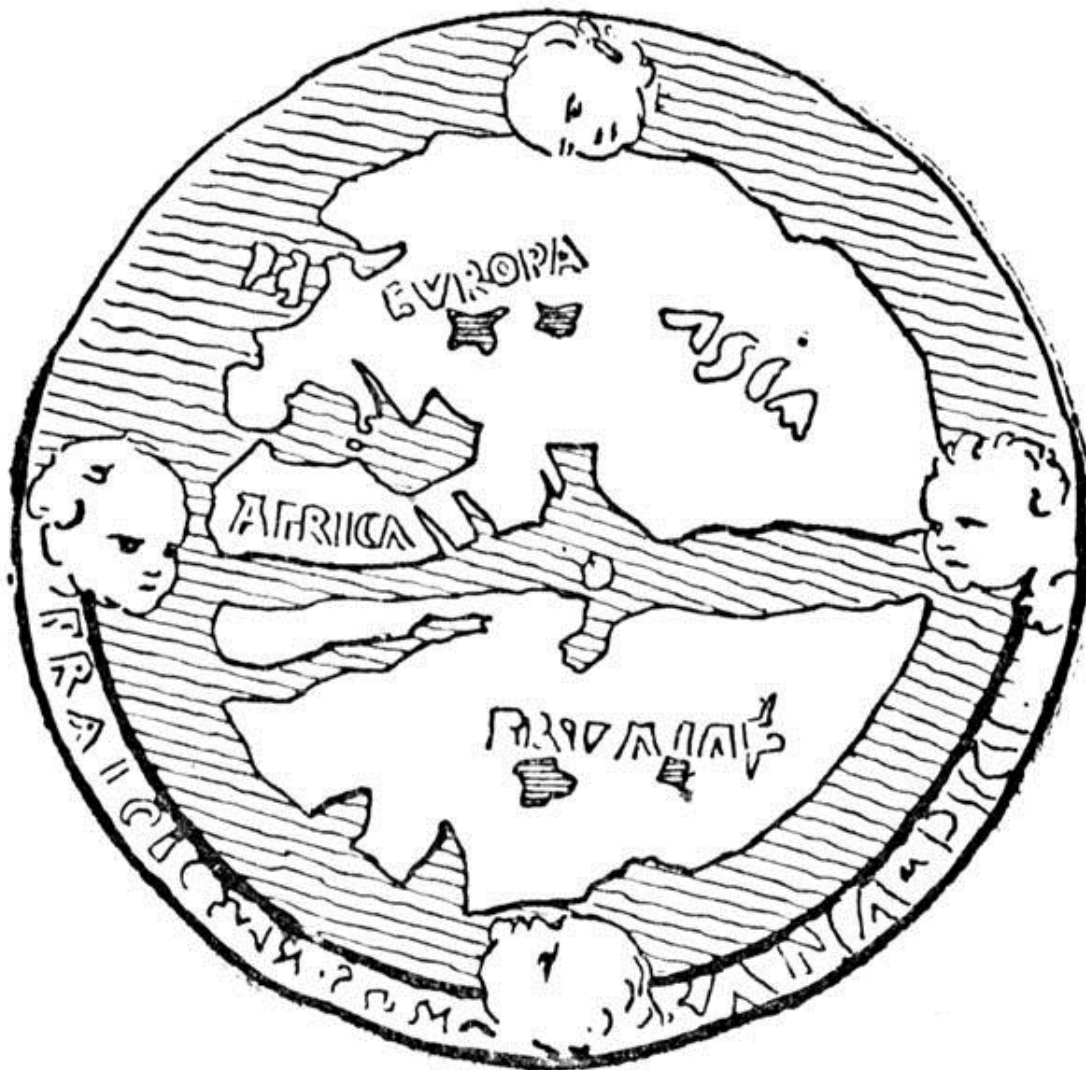
Именно на этом историческом этапе "средние века" подошли к концу, и началась современная Европа. (См. ГлавуII.)

Почему Европа так долго не открывала для себя огромный Континент, который все это время лежал за Западным океаном? Просто потому, что каждый шкипер и каждая "Коллегия адмиралтейства" верили, что этот мир, в котором мы живем и перемещаемся, плоский и ровный. Они совершенно не осознавали того факта, что он имеет форму *шара*; и что когда шар очень большой (скажем, размером с воздушный шар), то любая небольшая часть поверхности должна казаться плоской мухе или "клещу", путешествующему поблизости. Гомер верил, что наш мир представляет собой плоскую равнину, по которой протекает великая река Океан; и на протяжении многих веков это казалось очень естественной и достаточной теорией.

Пифагорейцы, это правда, утверждали, что наша земля должна быть сферической, но почему? О, сказали они, потому что в геометрии сфера является "самой совершенной" из всех объемных фигур. Аристотель, будучи ученым, дал больше оснований полагать, что земля имеет сферическую форму. Он сказал, что тень земли всегда круглая, как тень от шара; и тень земли можно увидеть во время любого лунного затмения; следовательно, все, кто видит эту тень на лунном диске, знают или должны знать, что земля имеет форму шара. Другая причина, приведенная Аристотелем, заключается в том, что высота любой звезды над горизонтом меняется, когда наблюдатель движется на север или юг. Например, если в Лондоне звезда находится на высоте 40° над северным горизонтом, а в Йорке та же звезда в тот же момент находится на высоте $42\frac{1}{2}^\circ$, очевидно, что $2\frac{1}{2}^\circ$ - это разница (увеличение) высоты в Йорке по сравнению с Лондоном. Такое наблюдение показывает, что дорога из Лондона в Йорк проходит не по плоской плоскости, а по искривленной поверхности сферы, фактически дуге окружности.

Геродот, отец истории, был хорошим географом и опытным путешественником, однако его единственным представлением о мире была плоская, широко раскинувшаяся поверхность. В Египте ему рассказали, как фараон Нехо отправил команду финикийцев исследовать побережье Африки, отправившись из Красного моря, и как они плыли на юг, пока *солнце не оказалось по правую руку от них*. "Абсурд! - говорит Геродот в своей наивной манере. - Я не могу поверить в эту историю". В Египте, как и в Греции или Европе в целом, солнце встает по левую руку и в полдень отбрасывает тень, указывающую на север; тогда как в Южной Африке солнце в полдень отбрасывает тень, указывающую на юг, и, следовательно, восход солнца происходит по *правую руку*. Честные моряки сказали правду; они просто "переступили черту", сами того не зная. Если бы Геродот знал, что мир имеет сферическую форму, он мог бы легко понять, что, двигаясь прямо на юг, солнце должно, наконец, появиться в полдень на севере, а не на юге. Аналог истории о финикийских морях встречается у Плиния: он рассказывает, как несколько послов прибыли к римскому императору Клавдию с острова на юге Азии и, находясь в Италии, были очень удивлены, увидев, что солнце в полдень на юге отбрасывает тени на север. По его словам, они также удивились, увидев Большую Медведицу и другие группы звезд, которые никогда не были видны на их родине (Nat. Hist., vi, 22).

То, что в Западном океане были острова или даже континент, было традицией, нередкой в классические и средневековые времена, как мы сейчас увидим, но поместить континент в Южном океане было большим простором воображения. Великая нерешенная проблема истоков Нила, вероятно, навела кого-то на мысль об этом Южном континенте. Птолемей, великий египетский географ, даже выдвинул гипотезу, что Южный континент соединялся с Африкой широким перешейком, как указано на некоторых картах. Такое соединение двух континентов сразу же опровергло бы версию о том, что финикийские моряки "обогнули мыс вдвое". На нескольких картах со времен Колумба Австралия вытянута на запад, чтобы пройти проверку для Южного континента.

Воображаемый континент, к югу от Африки и Азии. [Стороны света показаны четырьмя ветрами.] Начало пятнадцатого века. Слово Brumæ = зимнее солнцестояние.

Однако нас сейчас в основном интересует Западный континент. Какие земли представляли древние на дальнем Западе под заходящим солнцем? Могучий океан за пределами Испании был для греков и латинян местом ужаса и тайны.

"Крепким было его сердце, опоясанное тройной медью, - говорит римский поэт, - который первым рискнул бросить свое слабое судно в безжалостном океане".

Согласно "Одиссее", даже западные районы Средиземного моря были оставлены без внимания, не говоря об ужасах великого океана за их пределами. "За Гадесом", то есть едва ли за пределами Геркулесовых столпов, крайней границы древнего мира, "ни один человек, - сказал Пиндар, - каким бы отважным он ни был, не мог пройти; только бог мог путешествовать по этим водам!"

Несмотря на страх, который древние мореплаватели испытывали перед великим Западным океаном, их поэты находили его полным очарования и тайны. Воображение рисовало эти золотые закаты и чудесные истории, которые после долгих перерывов рассказывали морские

мореплаватели о далеких землях на Западе. Поэты поместили там счастливый дом, предназначенный для душ героев. Так (Одис. iv, 561):

Там нет ни снега
, ни сильной бури, ни дождя,
Но с океана всегда дует пронзительный западный бриз
и обдувает людей прохладой.

Итак, Гомер. Его современник Гесиод так описывает Елисейские поля как острова под заходящим солнцем:

Там, на крайних границах Земли, Зевс назначил
жизнь, место, отличное от человеческого рода,
Рядом с углубляющимися водоворотами Майна,
На тех благословенных Островах, где правит Сатурн,
Отдельно от спокойствия бессмертных Небес, которое они разделяют,
Покой, незапятнанный облаками заботы:
И ежегодно трижды в год, увенчанный сладкой роскошью,
С изобильной Земли срывается спелый урожай.

Поэт Пиндар помещает на том же таинственном Западе "замок Хроноса" (то есть "Старое время"), "где над островами дуют самые благословенные океанские бризы, и цветы сверкают золотом, некоторые с суши на блестящих деревьях, в то время как другие питает вода; и браслетами из них они обвивают свои руки и делают короны для своих голов".

Веспер, вечерняя звезда, греки называли Геспером; и поэтому Гесперидам, дочерям Западной Звезды, было поручено наблюдать за золотыми яблоками, посаженными богиней Герой в саду богов на другом берегу реки Океан. Одним из подвигов Геракла было добыть три этих таинственных яблока для царя Микен. Поэт Еврипид так обращается к Садам Запада, когда Хор желает взлететь "над адриатической волной":

Или на знаменитые равнины Гесперии,
Чьи богатые деревья цветут золотом,
Чтобы присоединиться к настроенным на скорбь звукам
Моего крылатого продвижения;
За пределы берегов которого не было прохода
Повелителю пурпурной волны.

Из всех земель, которые греки считали лежащими в Западном океане, самой важной была "Атлантида". Некоторые полагают, что, возможно, это было доисторическое открытие Америки. В любом случае, в этом проявилась изобретательность многих современных ученых. Рассказом об Атлантиде мы обязаны самому Платону, который, возможно, узнал об этом в Египте, точно так же, как Геродот подхватил там рассказ о кругосветном плавании финикийских мореплавателей.

"Когда Солон был в Египте, - говорит Платон, - у него был разговор с пожилым жрецом из Саиса, который сказал: "Все вы, греки, дети: вы знаете только об одном потопе, тогда как человечество

было много раз уничтожено как наводнениями, так и пожарами".... В далеком Западном океане лежал континент, по размерам превышающий Ливию и Азию вместе взятые"....

В этой Атлантиде выросло могущественное государство, цари которого происходили от Посейдона и распространили свою власть на многие острова и часть великого континента; даже Ливия вплоть до ворот Египта и Европа вплоть до Тиррении подчинились их власти.... После этого наступили день и ночь великих наводнений и землетрясений; Атлантида исчезла, поглощенная волнами.

Геологи и географы всерьез пытались найти доказательства существования Атлантиды в Атлантике, будь то как части американского континента или как огромного острова в океане, который мог бы служить связующим звеном между Западным миром и Восточным. Из серии глубоководных зондирований, заказанных правительствами Великобритании, Америки и Германии, теперь очень хорошо известно, что в середине Атлантического бассейна есть горный хребет, тянущийся с севера на юг, глубина которого составляет менее 1000 морских саженей, в то время как долины к востоку и западу от него составляют в среднем 3000 морских саженей. У Азорских островов Североатлантический хребет становится шире. Теория состоит в том, что частью хребта-плато была Атлантида Платона, которая "исчезла, поглощенная волнами". (Природа, xv, 158, 553, xxvii, 25; Наука, 29 июня 1883 г.)

Натуралист Бюффон, ссылаясь на фауну и флору, датировал разделение нового и старого света "катастрофой Атлантиды" (Eroques, ix, 570); а сэр Чарльз Лайелл признался в искушении "принять теорию острова Атлантида в северной Атлантике". (Геология, стр. 141.)

Следующий отчет "от историка четвертого века до нашей эры" является еще одной возможной ссылкой на часть Америки — из перевода, "доставленного по-английски", 1576г.

Селенус сказал Мидасу, что за пределами этого мира существует континент или часть суши, величие которой (как он сообщил) неизмеримо; что она питает и поддерживает благодаря зеленым лугам и пастбищам множество крупных и могучих животных; что люди, населяющие тот же климат, превосходят ростом нас двоих, и все же продолжительность их жизни не равна нашей.

Историк Плутарх в "Своих Нравоучениях" описывает Оигию с иллюзией существования континента, возможно, Америки:

Остров Оигия лежит в объятиях океана, примерно в пяти днях плавания к западу от Британии.... Прилегающее море называется Сатурнианским, а континент, которым великое море окружено по кругу, удален от Оигии примерно на 5000 стадиев, но от других островов не так далеко.... Один из мужчин посетил великий остров, как они называли Европу. От него рассказчик узнал многое о состоянии людей после смерти — пришел к выводу, что души людей прибывают на Луну, где лежат Елисейские поля Гомера.

У греческого историка Диодора Сицилийского есть похожий рассказ с любопытными подробностями об "острове", который вполне мог быть частью континента. Колумб до последнего верил, что Куба - это континент.

В океане, на расстоянии нескольких дней плавания к западу, лежит остров, омываемый несколькими судоходными реками. Почва здесь плодородная, холмистая и необычайной

красоты Здесь есть красиво построенные загородные дома с беседками и цветочными клумбами. Холмистая местность покрыта густыми лесами и всевозможными фруктовыми деревьями. Жители много времени проводят на охоте и таким образом добывают отличную пищу. У них, естественно, хороший запас рыбы, их берега омывает океан.... Одним словом, этот остров кажется счастливым домом скорее для богов, чем для людей (ст. 19).

Другой греческий писатель, Лукиан, в одном из своих остроумных диалогов упоминает остров в Атлантике, который находится в восьмидесяти днях плавания к западу от Геркулесовых столбов — крайней границы древнего мира, как мы уже видели. Читатели Генри Филдинга и поклонники сквайра Вестерса, вероятно, помнят, как в Лондоне восемнадцатого века в западной части Пиккадилли на углу Гайд-парка находилась таверна под названием "*Столпы Геркулеса*", на месте будущего Апсли-хауса.^[1]

Хотя ни греческие, ни римские мореплаватели, скорее всего, не предпринимали попыток выйти в океан за Гибралтарский пролив, тем не менее торговое судно из Карфагена или Финикии могло легко быть унесено восточным штормом в Атлантику или даже пересечь ее. Некоторые невольные открытия, без сомнения, были сделаны благодаря этой случайности, и сообщения, доставленные в Европу, вероятно, были зародышами тех сказок, которые поэты придумали о прекрасных регионах Запада. Более того, в кельтской литературе "Авалон" помещался далеко под заходящим солнцем, за океаном — Авалон, или "Глас-Инис", был для бардов Страной Мертвых, чудесной и таинственной.

В английской литературе средних веков есть замечательный отрывок, относящийся к нашей нынешней теме, который был написан задолго до появления Нового Учения, упомянутого в начале этой главы. Это заявление сделал Роджер Бэкон, величайший из оксоновских ученых XIII века, который задолго до Возрождения много сделал для восстановления изучения естественных наук, особенно в области географии, хронологии и оптики. В своем "Великом труде" Бэкон-старший писал:

Более четвертой части земли, на которой мы обитаем, нам до сих пор неизвестно.... Следовательно, очевидно, что между крайним Западом и границами Индии должна быть поверхность, занимающая более половины земли.

Хотя Роджер Бэкон, по его собственным словам, умер "неуслышанным, забытым, похороненным", наши недавние историки ставят его имя на первое место в великом списке современной науки.

Теперь остается привести только одну цитату из древних. Мы приберегли его по двум причинам — во-первых, потому, что это необычайно счастливое предвкушение открытия Нового Мира, настолько счастливое, что оно стало любимой строфой самого первооткрывателя. Об этом мы узнаем из жизнеописания "Великого адмирала", написанного его сыном Фердинандом.

Во-вторых, потому что оно украшает наш титульный лист и было охарактеризовано как "счастливое пророчество", написанное в первом веке нашей эры. Автор, Сенека, был драматургом, а также философом, строки встречаются в конце одного из его припевов — "Медя", 376. Мы можем таким образом перевести пророческую строфу:

Ибо в отдаленные времена этот древний мир
расширит свои границы на запад, а затем раскроет

За пределами Мейна огромный новый Континент,
с царствами богатства и могущества.

ГЛАВА I

ДОКОЛУМБОВЫ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ

1 *Норвежское открытие.* Взглянув на карту северной Атлантики, читатель сразу увидит, что естественным путем из Европы на Западный континент можно было попасть через Исландию и Гренландию — особенно в те первые дни, когда океанское судоходство было неизвестно. Исландия ближе к Гренландии, чем к Норвегии, а Гренландия - часть Америки. Но в первые века в Исландии были кельтские поселенцы; и даже король Артур, согласно истории Джеффри Монмутского, плыл на север к этой "Ультима Туле". В девятом веке там была основана христианская община под руководством неких ирландских монахов. Однако этой ранней цивилизации было суждено в настоящее время исчезнуть.

Это было в 875 году нашей эры, то есть во время правления Альфреда Великого в Англии, норвежский граф Ингольф основал колонию в Исландии. Более энергичные и свирепые, чем кельты-христиане, которых они там нашли, последние со своими монахами-проповедниками вскоре отплыли на юг, оставив северян хозяевами острова. Норвежская колония под властью Ингольфа была сильно укреплена норвежцами, которые нашли там убежище, чтобы избежать тирании своего короля Гарольда Светловолосого. Ингольф построил город Ингольфсхоф, названный в его честь, а также Рейкьявик, впоследствии ставший столицей, названный так из-за "вони" или пара его горячих источников. Эта колония стала настолько важной, что во втором поколении ее население составило 60 000 человек.

Ингольфом восхищался поэт Джеймс Монтомгери (не путать с Робертом, которого Маколей так сурово критиковал), который в 1819 году так написал о нем и его острове:

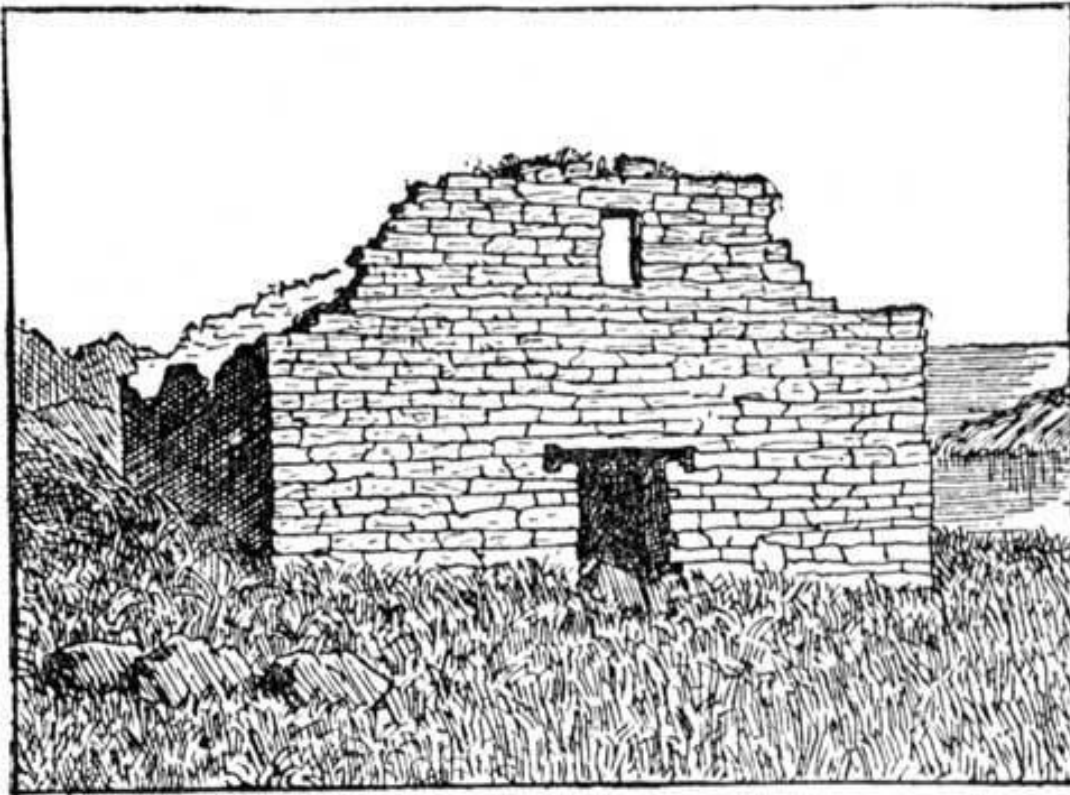
Там, на бездомной земле, он поставил свою ногу,
Построил свою хижину-дворец, колонизировал пустошь,
И правил своей ордой патриархально
— Там, где царит Справедливость, есть Свобода повиновения....
И Исландия прославилась щедрыми преданиями,
Северным сиянием, когда все вокруг было во мраке.

На следующий год после того, как Ингольф прибыл в Исландию, Гуннбьорн, отважный норвежец, направлявшийся на своем корабле на запад, увидел незнакомую землю.... Примерно полвека спустя, судя по исландским сагам, мы узнаем, что раскачиваемое ветром судно было выброшено на берег далеко от нас, который назывался "Микл Айрленд" (*Irland it Mikla*) - [История Уинзора. Америка, i, 61].

Открытие Гуннбьорна было использовано Эриком Рыжим, другим морским путешественником, в 980 году нашей эры, который приплыл к нему и после трехлетнего пребывания вернулся с благоприятным отчетом, дав ему справедливое название *Гренландия*. Норвежцы основали два

населенных пункта в Гренландии. Сейчас считается, что после удвоения мыса Прощания они построили свой первый город недалеко от этого мыса, а второй - дальше к северу. Первый, *Эйстрибигд* (то есть "Пасхальный Биггинг"), превратился в крупную колонию, насчитывавшую в четвертомXVI веке 190 поселений с кафедральным собором и одиннадцатью церквями, а также два города и три или четыре монастыря. Второй город, *Вестрибигд* (то есть "Западный Биггинг"), за то же время вырос до девяноста поселений и четырех церквей.

Зародыш и корень этой цивилизации (впоследствии исчезнувшей, как мы увидим) был заложен Лейфом, сыном Рыжего Эрика, который посетил Норвегию, метрополию, в самом конце десятого века.

Остатки

скандинавской церкви в Катортукке, Гренландия.

Он обнаружил, что тамошний король и народ с энтузиазмом приняли новую религию, *христианство*. Вскоре Лейф разделил их пыл и решил отвергнуть Водана, Тора и других богов древней Скандинавии. Священнику было приказано сопровождать Лейфа обратно в Гренландию и проповедовать новую веру. Так христианская цивилизация впервые обосновалась в арктической Америке.

Руины этих раннехристианских церквей (см. Иллюстрацию выше) являются самыми интересными объектами в современной Гренландии; рядом с главными руинами находится любопытная круглая группа больших камней.

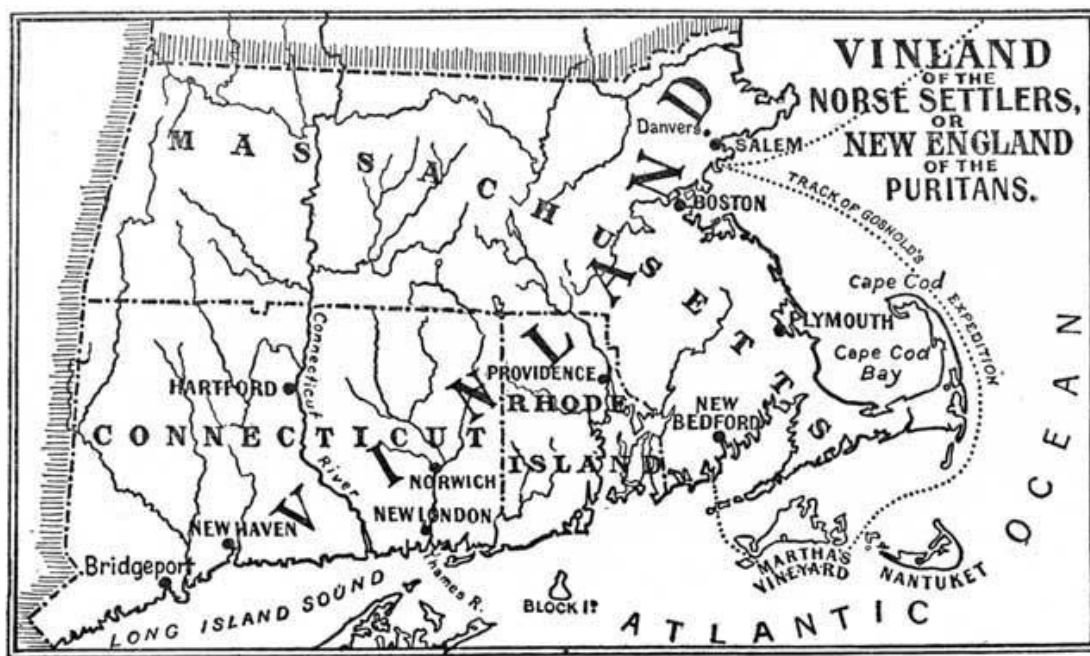
Поэт "Гренландии", на которого мы уже ссылались, цитирует датскую хронику о том, что в золотой век колонии насчитывалось сто приходов, образующих епископство, и что с 1120 по 1408 год нашей эры престолом управляли семнадцать епископов. Последним упоминается епископ Андрей, рукоположенный в 1408 году архиепископом Дронтгеймским.

Из того же источника мы узнаем, что, согласно некоторым летописям, "лучшая пшеница в совершенстве росла в долинах; леса были обширными; стада были многочисленными, очень большими и тучными". Монастырь Святого Фомы отапливался трубами из теплого источника, а к монастырю был пристроен богато возделанный сад.

После того, как Лейф, сын Эрика, ввел христианство в Гренландию, его следующим шагом было распространение скандинавской цивилизации еще дальше в пределах американского континента. До него дошли вести о новой земле с ровным берегом, лежащей в девяти днях плавания к юго-западу от Гренландии. Подобрал тридцать пять человек, Лейф отправился на дальнейшие исследования. Одна часть новой страны была бесплодной и скалистой, поэтому Лейф назвал ее *Хеллуланд* (то есть "Каменная земля"), которая, по-видимому, была Ньюфаундлендом. Дальше на юг они обнаружили песчаный берег, за которым тянулась равнинная лесистая местность, которую Лейф назвал *Маркленд* (то есть "Лесной край"), отождествляемый с Новой Шотландией. Согласно саге, после двухдневного плавания, высадившись и исследовав новый континент на берегах реки, они решили перезимовать там. В ходе одного из таких исследований немец по имени Тюркер нашел немного винограда на дикой лозе и принес образец для восхищения Лейфа и его спутников. Поэтому эта страна была названа *Винланд* (то есть "Винная страна") и отождествляется с Новой Англией, частью Род-Айленда и Массачусетса.^[2]

Наш гренландский поэт так описывает высадку Лейфа:

Радостные первооткрыватели назвали этот берег Уайнлендом,
И обратно принесли весть о его богатствах;
Но вскоре вернулись с отрядами колонизаторов.

Карта Винланда

Норвежцы основали обычное поселение в Винланде, основав там христианскую общину, родственную гренландской. Брат Лейфа, Корвальд, исследовал внутренние районы во всех направлениях. С туземцами, которых в сагах называют "скрелингами", они торговали мехами;

эти люди, которые норвежцам казались карликами, пользовались кожаными лодками и, без сомнения, были эскимосами:

Низкорослый, суровый, неотесанный вид амфибий.

Главным поселенцем в Винланде был исландец Торфинн, который женился на невестке Эрика Рыжего. Она убедила Торфинна отплыть в новую страну, чтобы основать там постоянное поселение. В 1007 году нашей эры он отплыл со 160 людьми, имея живой скот и другое колониальное снаряжение. Через три года он вернулся в Гренландию, поскольку его жена родила сына в первый год их пребывания в Винланде. Некоторые норвежские историки утверждают, что от этого сына, Снорре, происходит Торвальдсен, выдающийся датский скульптор. После правления Торфинна поселение в Винланде продолжало процветать, налаживая хорошую экспортную торговлю древесиной с Гренландией. Согласно исландской саге, в 1121 году нашей эры епископ Эрик Упси посетил Винланд, эту страну, которая, как Исландия и Гренландия, входила в его епископство. Согласно сагам, последнее путешествие в Винланд за древесиной было в 1347 году.

Профессор Хорсфорд из Кембриджа, штат Массачусетс, находит место расположения Норумбеги, упомянутое на различных старых картах, на реке Чарльз, недалеко от Уолтема, штат Массачусетс, и утверждает, что этот город идентичен Винланду скандинавов. Чтобы доказать свою веру в эту теорию, профессор построил башню в память о скандинавских открытиях. Он утверждал, что Норумбега - это искаженное индейцами слово *Норвег*, являющееся скандинавской формой слова "Норвегия".

Оставление Винланда норвежскими поселенцами можно сравнить с экспедицией Госнольда в тот же регион ближе к концу правления королевы Елизаветы. Госнольда послали основывать английскую колонию в Америке после провала поселения сэра Уолтера Рэли в Роаноке (Северная Каролина); и исследованное побережье в точности соответствовало тому, которое норвежские поселенцы называли Винландом, лежащему между Бостоном и Нью-Йорком. Он дал название Кейп-Код этому мысу, а также назвал острова Нантакет, Мартас-Винъярд и группу Элизабет. Выбрав один из них для заселения колонии, он построил на нем склад и форт. План, однако, провалился из-за угроз местных жителей и нехватки припасов, и все колонисты отплыли из Массачусетса, точно так же, как норвежские поселенцы сделали много поколений назад.

Однако экспедиция Госнольда в Винланд принесла хорошие плоды, судя по благоприятным отзывам о новой стране, которые он составил дома. Бристольские купцы снарядили два корабля под командованием Мартина Принга, и в первом плавании была исследована большая часть штата Мэн (лежащего к северу от Массачусетса) и южное побережье до Мартас-Винъярда, где побывал Госнольд. Это привело к прибыльной торговле с местными жителями, и три года спустя Принг провел более полное обследование штата Мэн.

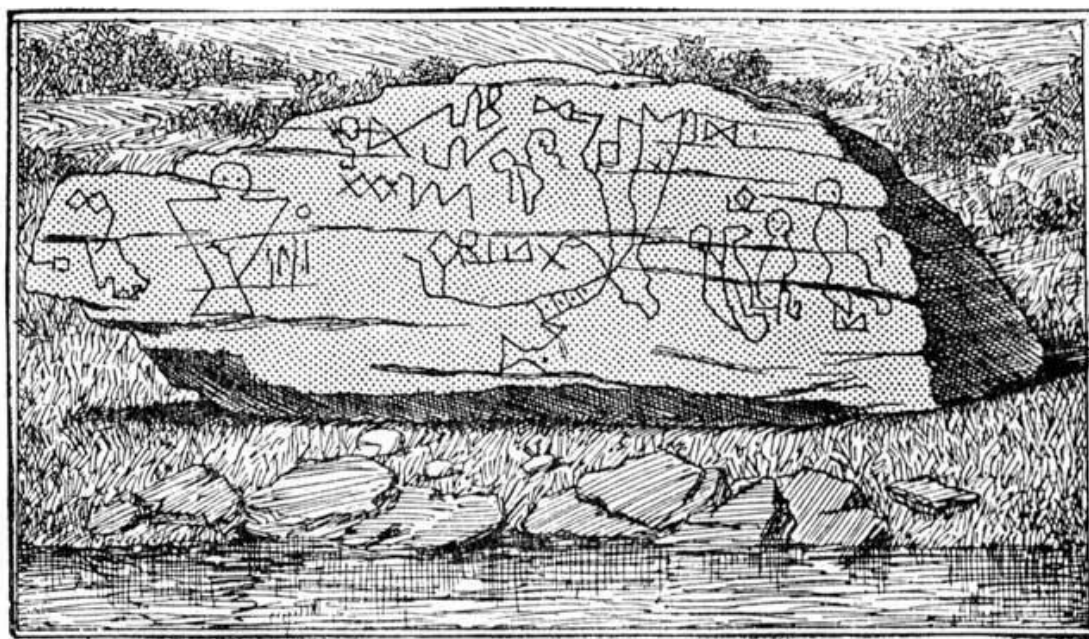
Винланд также был местом знаменитой высадки "Мэйфлауэра", доставившего своих пуритан из Англии. Впервые судно было пришвартовано в заливе Кейп-Код. После изучения новой страны, точно так же, как Лейф Эриксон делал это многими поколениями ранее, они выбрали место на западной стороне залива и назвали маленькое поселение "Плимут" в честь последнего английского порта, из которого они отплыли. Дальше на север, все еще в Винланде, они вскоре основали два других города, "Салем" и "Бостон". С тех пор эти три поселения являются важными

центрами энергии и разведки в Массачусетсе, а также памятниками норвежской оккупации Винланда.

По случаю установки общественного памятника в Бостоне, штат Массачусетс, в память Лейфа Эриксона комитет Массачусетского исторического общества официально постановил следующее: "Вполне вероятно, что северяне открыли Америку в начале одиннадцатого века".

Проф. Дэниел Уилсон в своем научном труде "Доисторического человека" (ii, 83, 85) так высказывает свое мнение о норвежской колонии:

При всех разумных сомнениях относительно точности деталей, существует большая вероятность в пользу подлинности американского "Винланда".

Дайтонский

камень на реке Тонтон, Массачусетс.

От норвежских колоний в Гренландии сохранилось несколько несомненных останков, одним из которых является каменная надпись *рунами*, доказывающая, что она была сделана до Реформации, когда такой способ письма был запрещен законом. Камень находится в четырех милях от Упернавика. Надпись, по словам профессора Раска, гласит:

Эрлинг, сын Сигвата, и Энрайд Оддсоен
Расчистили это место и воздвигли курган
В пятницу после дня Рогатины;

—датируется либо 1135, либо 1170 годом.

Рафн, знаменитый датский археолог, утверждает в результате многолетних исследований, что исландцы неоднократно посещали Америку в одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом веках; что устье реки Святого Лаврентия было их главной стоянкой; что они продвигались вдоль побережья на юг до Каролины, повсюду привнося туземцам немного христианской цивилизации.

Дайтонский

камень. Рис. 2.

Предполагаемым скальным памятником скандинавам является Дайтон-Стоун на реке Тонтон, штат Массачусетс; одно из его предложений, по словам профессора Рафна, таково:

"Торфинн со 151 норвежским мореплавателем завладел этой землей".

Цифры и буквы (будь то рунические или просто индийские), начертанные на Дайтонской скале, были скопированы антикварами в следующие даты: 1680, 1712, 1730, 1768, 1788, 1807, 1812. На приведенной выше иллюстрации (рис. 2) показано последнее из упомянутых.

Помимо уже приведенных, в Америке было найдено много вероятных следов древних скандинавов. На Кейп-Коде, в прошлом поколении, под слоем торфа было найдено несколько камней для очага. Более известной реликвией был скелет, выкопанный в Фолл-Ривер, штат Массачусетс, с декоративным поясом из металлических трубок, сделанных из фрагментов плоской латуни; были также наконечники для стрел из того же материала. Лонгфелло, поэт из Новой Англии, естественно, обратил свое внимание на это открытие (сделано в 1831 году) и основал на нем свою балладу "Скелет в доспехах", соединив ее с Круглой башней в Ньюпорте. Последнее, по словам профессора Рафна, "было возведено явно не позднее двенадцатого века".

Я был старым викингом,
 Мои деяния, хотя и многообразны,
 Ни один скальд в песне не поведал,
 Ни одна сага не научила тебя!..
 Далеко в Северной Стране,
 На берегу дикого Балтийского моря,
 я своей детской рукой
 Приручил немецкого сокола.
 Часто к его замерзшему логову
 Следил я за ужасным медведем,
 В то время как заяц
 Убегал с моего пути, как тень.

Едва я вышел в море,
Взяв с собой служанку —
Прекраснее всех была она
Среди скандинавов!
Три недели мы плыли на запад,
И когда шторм утих,
Облачный, мы увидели берег,
Простиравшийся с подветренной стороны;
Там для приюта миледи
Построил я эту высокую башню,
Которая по сей день
Стоит, глядя в сторону моря!

Сэр Клементс Маркхэм из Королевского географического общества считает, что норвежские поселенцы в Гренландии были изгнаны из своих поселений эскимосами, пришедшими не из внутренних районов Америки, а из Западной Сибири вдоль полярных регионов, со стороны Земли Врангеля [v. Journal, R, G. S., 1865, и Arctic Geography, 1875].

С шестнадцатого по девятнадцатый век было очень любопытно узнать, где находились исчезнувшие колонии Гренландии, которые так долго процветали. В 1568 и 1579 годах король Дании отправил две экспедиции, последнюю возглавлял англичанин, но никаких следов обнаружено не было. В начале восемнадцатого века некоторый свет на эту проблему пролил миссионер по имени Эгед, который первым описал руины и реликвии, видимые на западном побережье. Успех его проповеди среди гренландцев в течение пятнадцати лет при содействии других евангельских миссионеров побудил моравов основать свои поселения в стране, главным образом на юго-западе.

Представляется вероятным, что в прежние времена климат Исландии был более мягким, чем сейчас. Колумб примерно за пятнадцать лет до своего великого путешествия через Атлантику приплыл к этому северному "Туле" и сообщает, что там не было льда. Если это так, то вполне возможно, что Гренландия также могла быть более зеленой и привлекательной, чем в последние столетия. Почему бы ей в свое время не быть полностью заслуживающей названия, под которым мы ее до сих пор знаем? Некоторые объяснили бы изменение климатических условий закрытием ледяных покровов. В настоящее время Гренландия погребена глубоко под обширной, прочной ледяной шапкой, из которой выступают лишь несколько самых высоких вершин, указывающих на положение затопленных гор, но в прежние периоды, по словам геологов, здесь были сады и фермы, процветавшие в благоприятном климате. Другие предполагают, что, если бы лед растаял, мы увидели бы архипелаг возвышенных островов.

2. Кельтское открытие Америки.— Мы уже обращали внимание на тот факт, что когда скандинавы впервые захватили Исландию, они обнаружили, что этот остров населен ирландскими кельтами. Эти обращенные в христианство кельты уступили дорогу диким захватчикам, которые не принимали католическую религию примерно до конца десятого века. Плывая на юг, эти обездоленные ирландцы, вероятно, присоединились к своим братьям кельтам, которые уже давно владели районом на восточном побережье Северной Америки, который

некоторые норвежские шкиперы называли "Землей белого человека", а также *Ирландией-ит-Микла* (то есть "Микл-Ирландией"). Профессор Рафн помещает этот район на побережье Каролины. Ученые мемуары, опубликованные в 1851 году, пытаются доказать, что таинственные "строители курганов" из долины Огайо принадлежали к той же расе, что и поселенцы в Микл-Айрленд, и были связаны с "белобородыми мужчинами", которые основали вымершую цивилизацию в Мексике. Французский антиквар в 1875 году отождествил Микл-Ирландию с Онтарио и Квебеком. Бовуа в своем "Трансатлантическом Елисейском дворце" получил название Лабрадор от *Иннис Лабрада*, острова, упомянутого в древнем ирландском романе.[3] Другим ирландским первооткрывателем был святой Брандан,[4] Аббат Клуайнферта, Ирландия (умер 16 мая 577 г.), которому сказали так далеко в океане лежал остров, который был землей, обетованной святым. Святой Брандан отправился в плавание в компании семидесяти пяти монахов и провел семь лет в океане в двух плаваниях, открыв этот остров и многие другие, не менее удивительные, в том числе тот, который оказался спинкой огромной рыбы, на которой они праздновали Пасху.[5]

К числу кельтских претендентов на открытие мы должны также отнести валлийцев, которые подчеркивают определенное сходство между своим языком и диалектами коренных американцев. Лучшим аргументом является исторический отчет, взятый из их анналов, об экспедиции принца Мэдока, сына валлийского вождя, который отплыл прямо на запад в 1170 году, после того как слух о норвежских открытиях достиг Британии. Он высадился на обширном и плодородном континенте, где поселил 120 колонистов. По возвращении в Уэльс он снарядил второй флот из десяти кораблей, но летописи не сообщают о результате. Несколько авторов утверждают, что место высадки находилось недалеко от Мексиканского залива: Хаклуит связывает открытие с Мексикой (1589) и снова с Вест-Индией (издание 1600 года). В семнадцатом веке некоторые авторы хотели обосновать историю принца Мэдока, чтобы британские притязания на Америку предшествовали притязаниям Испании через Колумба. Большинству читателей принц Мэдок известен только по стихотворению Саути.[6]

3. *Открытие Америки басками.*—Кто такие баскский народ? Любопытная раса испанских горцев, которые были такой же большой загадкой для этнологов и историков, как их язык был для филологов и ученых. Однако мы знаем, что в прежние времена почти все они были моряками, совершавшими длительные плавания на север в поисках китов и ньюфаундлендской трески. Из них вышли превосходные мореплаватели; и, возможно, они предшествовали Колумбу в открытии Америки. Себастьян, лейтенант "Магеллана", принадлежал к расе басков. Магеллан не дожидаясь завершения своего знаменитого путешествия, поэтому Себастьян был первым настоящим кругосветным мореплавателем нашего земного шара.

Франсуа Мишель в своей работе "Баск платит" говорит, что баскские моряки знали берега Ньюфаундленда за столетие до времен Колумба; и что именно от одного из этих океанских мореплавателей он впервые узнал о существовании континента за Атлантикой. Другие аргументы вытекают из сравнения особенностей баскского языка с особенностями американских диалектов. Американский ученый Уитни приходит к выводу, что "Ни один другой диалект Старого Света так не похож по структуре на американские языки, как баскский".

4. *Открытие Америки евреями.*— Существует одно утверждение об открытии Америки, которое, хотя и является совершенно невероятным, если не невозможным, было поддержано и санкционировано многими научными работами на нескольких языках. Утверждается, что

краснокожие индейцы представляют десять "Потерянных племен" еврейского народа, которые были депортированы в Ассирию и Мидию (*против* Вымерших цивилизаций Востока, стр. 109). Эта теория была впервые выдвинута некоторыми испанскими священниками-миссионерами, и с тех пор ее защищали многие ученые богословы как в Англии, так и в Америке, одним из ведущих аргументов было определенное сходство в языках. Кэтлин (*против* Смитсоновского института, 1885) перечисляет множество аналогий, которые он обнаружил у западных индейцев. Наиболее авторитетным заявлением является высказывание лорда Кингсборо в "Известных мексиканских древностях" (1830-48), главным образом в томе VII. Некоторые авторы фактически цитируют утверждение, сделанное в Библии мормонов! Ведущие богословы Новой Англии, такие как Мэйхью и Коттон Мэзер, поддерживали это дело с такой же верой, как Роджер Уильямс и Уильям Пенн.

5. *Итальянское открытие Америки.* — Не через генуэзца Колумба или флорентийца Америго Веспуччи, хотя они, безусловно, были итальянцами, а через двух венецианцев, Николо и Антонио Дзено. В 1380 или 1390 году нашей эры эти братья Зени потерпели кораблекрушение в Северной Атлантике и, остановившись во Фрисленде, познакомились с моряком, который после двадцатилетнего отсутствия вернулся, передав им следующий отчет:

"Будучи отнесенным штормом на запад, он нашел остров с цивилизованными жителями, у которых были книги на латыни, но они не могли говорить по-норвежски, и страна которых называлась Эстотиландия, в то время как область на материке, дальше к югу, куда он также отправился, называлась Дрогео. Здесь он встретился с каннибалами. Еще дальше на юг была огромная страна с городами и храмами".

Два брата Зени в конце концов передали этот отчет другому брату в Венеции вместе с картой тех отдаленных регионов, но этими документами пренебрегали до 1558 года, когда один из потомков составил книгу, в которой эта информация была воплощена, сопровождаемую картой, ныне известной как "карта Дзено".

Гумбольдт, ссылаясь на эту карту, отмечает, что удивительно, что название Фрисланда было применено Колумбом к острову к югу от Исландии. Вашингтон Ирвинг (в своей "Жизни Колумба") объясняет эту книгу желанием воззвать к национальной гордости Италии, поскольку, если это правда, открытие братьев произошло бы на столетие раньше открытия Колумба.

Мальте-Брун, выдающийся географ, безоговорочно принял повествование зенийцев за правду и полагал, что латинские книги попали в Эстотию благодаря колонистам из Гренландии. Позже появился еще один решительный сторонник в лице мистера Мейджора, сотрудника картографического отдела Британского музея, который считал, что большая часть рассматриваемой карты представляет подлинную информацию четырнадцатого века, смешанную с некоторыми поддельными частями, вставленными младшим Зеноном. Статья мистера Мейджора о том, как определено местоположение Потерянной колонии Гренландия и подтверждены доколумбовы открытия Америки, появилась в R. Geog. Soc. Журнал, 1873; v. также Proc. Mass. Hist. Soc., 1874. Норденшельд также согласился с основными результатами этого итальянского открытия, и как опытный исследователь арктики, его мнение имеет вес. Меркатор и Гуго Гроций также верили в историю зенитов.

ГЛАВА II

"ОТКРЫТИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА"

В начале этой книги была сделана ссылка на великий переворот в европейской истории, названный "Возрождением" (фр.*renaissance*) или Возрождением образования. В 1453 году турки взяли Константинополь, вынудив греческих ученых найти убежище в Италии, которая сразу же стала самой цивилизованной нацией в Европе. Поэзия, философия и искусство оттуда попали во Францию, Англию и Германию, чему в значительной степени способствовало изобретение книгопечатания, которое как раз тогда начало делать книги дешевле, чем они когда-либо были. В то же время феодализм был разрушен, потому что изобретение пороха ранее меняло военное искусство. Например, король Франции Людовик XI, а также король Англии Генрих VII полностью располагали национальной артиллерией и поэтому внушали благоговейный страх баронам и рыцарям в доспехах. Ни крепости со рвами, ни воины в кольчугах, ни лучники с луками и стрелами не могли противостоять пороху и дроби. Средневековые подошло к концу; зарождалась современная Европа. Благодаря союзу юга с севером Франция сосредоточилась на завершении "Столетней войны", окончательном изгнании англичан и упразднении всех крупных феодальных владений королевства. В то же время Англия полностью свергла власть баронов в результате недавней "Войны Алой и Белой розы", а Генрих укрепил свои позиции союзом с Францией, Испанией и Шотландией. Испания, после изгнания мавров из Гранады в 1492 году нашей эры, впервые была объединена в одно большое государство в результате объединения королевства Кастилия-Леон при Изабелле с королевством Арагон-Сицилия при Фердинанде.

Исходя из важности слова *ренессанс* как обозначающего "движение перехода от средневековья к современности", Мэтью Арнольд дал ему английскую форму "renascence", принятую Дж. Р. Грином, Кольриджем и другими. В Германии это великое возрождение письменности и учености произошло одновременно с Реформацией, которая долго готовилась (например, в Англии со времен Джона Уиклифа), и ей особенно способствовало изобретение книгопечатания, о котором мы только что упомянули. Умы людей повсюду были расширены: "любые произведения по истории, науке, морали или развлечениям, которые казались способными поучать или забавлять, печатались и распространялись среди широких слоев населения типографиями и книготорговцами".

Таким образом, хотя турки никогда не претендовали на ученость или культуру, все же их действия в середине пятнадцатого века косвенно вызвали чудесный прилив цивилизации, захлестнувший все западные страны Европы. Другим результатом того же века стал рост мореплавания и научных исследований — открытие как мира, так и человека. Когда турки стали хозяевами восточных берегов Средиземного моря, европейским купцам запретили отправляться в Индию и на Восток сухопутным путем, как это делалось на протяжении многих поколений. Таким образом, поскольку география в это самое время была усовершенствована наукой Коперника и других ученых, естественным вопросом было, как добраться до Индии морем, а не по суше. Следовательно, Колумб плыл прямо на запад, чтобы достичь Азии, и наткнулся на "Новый Свет", сам не зная, что делает; затем Кэбот, отплыв из Бристоль, поплыл на северо-запад, чтобы достичь Индии, и наткнулся на Американский континент; и во время того же правления (Генриха VII) атлантическое побережье Северной и Южной Америки посещали английские, португальские или испанские мореплаватели. Третьей экспедицией, предпринятой

для достижения Индии морским путем, руководил Де Гама. Он отправился в тот же год, что и Кэбот, в Южную Атлантику и в конце концов действительно нашел западное побережье Индии в Каликуте, обогнув мыс.

Простое перечисление стольких событий, причем всех первостепенной важности, доказывает, что эти полвека (скажем, с 1460 по 1520 год н.э.) следует назвать "эпохой чудес", *миром чудес*. Совпадение стольких эпохальных результатов дало огромный импульс не только изучению литературы, науки и искусства, но и исследованию многих неизвестных стран Америки, Африки и Азии и повсеместному расширению человеческих знаний в целом.

I.—Теперь мы рассмотрим первого из этих первооткрывателей, который был также величайшим.

Колумб, латинизированная форма итальянского Colombo, испанского, Colon. Этого генуэзского мореплавателя на протяжении всей истории следует называть первооткрывателем Америки, несмотря на всю работу меньших людей. Изучив географические книги на нескольких языках, Колумб убедился, что наша планета имеет шарообразную форму, а не плоскую поверхность. До тех пор в Индию всегда можно было попасть, путешествуя по суше в направлении восходящего солнца. Почему бы не отправиться из Европы на запад через океан и, таким образом, не попасть в восточные районы Азии, путешествуя в направлении заходящего солнца? Поступая таким образом, поскольку наш мир имеет форму шара, сказал Колумб, мы неизбежно должны достичь Зипанго (то есть "Японии") и Катая (то есть "Китая"), которые являются самыми восточными частями Азии. Тогда Индия станет всего лишь деталью. Судя по описаниям Азии и ее восточных островов, приведенным венецианцем Марко Поло, а также по картам, набросанным египетским географом Птолемеем, Колумб полагал, что восточное побережье Азии находится не так уж далеко от западного побережья Европы. Колумб был подтвержден в этом мнении ученым географом из Флоренции по имени Поль, и с тех пор с нетерпением ждал возможности проверить истинность своей теории.

Он убедил себя, но не смог убедить никого другого, что западный маршрут в Индию вполне осуществим. Сначала он изложил свои планы властям Генуи, которые на протяжении поколений вели сухопутную торговлю с Азией и, следовательно, должны были быть рады узнать об этом новом альтернативном маршруте, поскольку турки теперь разоряли другой; но нет, они сказали Колумбу, что его идея химерична! Затем он обратился к французскому двору. "Смешно!" - последовал ответ, сопровождаемый вежливой усмешкой. Затем Колумб отправил свой план английскому Генриху VII, принцу, полному планов, но скупому. "Слишком дорого!" - был ответ Тюдора, хотя вскоре, после успеха Испании, он загорелся желанием отправить экспедиции из Бристоля под командованием Кэботов. Затем Колумб, по совету своего брата, который обосновался в Лиссабоне в качестве картографа, обратился к королю Иоанну в поисках покровительства и помощи, ссылаясь на ведущее положение Португалии среди морских государств. Португальцы пренебрегли прекрасной возможностью, поскольку океанская навигация им пока не мешала; их шкиперы предпочитали "держаться африканского берега".

Наконец Колумб добился расположения Изабеллы, королевы Кастилии; она поверила в него и попыталась заручиться помощью своего мужа, Фердинанда, короля Арагона, в снаряжении великой экспедиции. Из-за войны Фердинанда за изгнание мавров из Гранады Колумбу пришлось ждать еще несколько лет.

В предыдущем, 1477 году, Колумб отправился в Северную Атлантику, возможно, на одном из тех баскских китобоев, о которых уже упоминалось, "на сто лиг дальше Туле". Если это означает Исландию, как обычно предполагается, то представляется наиболее вероятным, что, беседуя с тамошними моряками, он, должно быть, слышал о том, как Лейф со своими норвежцами открыл американские побережья Ньюфаундленда и Винланда примерно пятью столетиями ранее и как они основали колонию на новом континенте. Другие авторы указывали, что Колумб вполне мог слышать о Винланде и норманнах перед тем, как покинуть Геную, поскольку один из пап санкционировал назначение епископа над новой епархией. Если это так, то визит Колумба в Исландию, вероятно, дал ему подтверждение того, что норвежцы открыли американский континент.

Когда, наконец, король Фердинанд отобрал Гранаду у мавров, Колумба поставили под командование трех кораблей со 120 людьми. Он отплыл из порта Палос в Андалусии в пятницу, 3 августа 1492 года, сначала направившись к Канарским островам, а затем повернув строго на запад. В сентябре, к изумлению всех на борту, было замечено, что стрелка компаса "меняется": важное научное открытие, а именно, что магнитная стрелка не всегда указывает на полярную звезду. Некоторые авторы предполагали, что компас был впервые использован Колумбом для длительного путешествия, но оккультная сила магнитной стрелки или "магнита" была известна задолго до пятнадцатого века. Древние персы и другие "мудрецы Востока" использовали магнит в качестве талисмана. И монгольская, и кавказская расы использовали его как безошибочного проводника в путешествиях по бескрайним равнинам Азии. Синописис в Большой Медведице был "путеводной звездой", будь то на море или суше; но когда небеса были затянуты облаками, волшебный камень или игла служили для точного указания положения невидимой звезды. То, что обнаружил Колумб и его перепуганные экипажи, было "отклонением компаса" из-за того факта, что магнитная стрелка указывает не на Полярную звезду, а на "магнитный полюс", точку в Канаде к западу от Баффинова залива и к северу от Гудзонова залива.

Если бы Колумб продолжал держать курс строго на запад, он высадился бы на американском континенте во Флориде; но перед тем, как увидеть это побережье, курс был изменен на юго-западный, потому что было замечено, что некоторые птицы летели в том направлении. Первым, кого он достиг, был остров Багамской группы, который он назвал *Сан-Сальвадор*. Когда испанские лодки причалили к берегу, их приветствовали толпы изумленных туземцев, в основном обнаженных, если не считать пояса из выделанного хлопка или вплетенных перьев. Отсюда строки Мильтона:

Таким в последнее время
Колумб нашел Америку, так опоясанную
пернатым поясом, еще голую и дикую,
Среди деревьев на островах и лесистых берегах.

Место высадки ранее было идентифицировано Вашингтоном Ирвингом и бароном Гумбольдтом как "Кошачий остров"; но, согласно последнему расследованию, теперь считается, что это был остров Уотлинга. Здесь он высадился в пятницу, 12 октября 1492 года.

Тогда так мало было известно о географии Атлантики или об истинной долготе, что Колумб отнес эти острова *к восточному побережью Азии*. Поэтому он назвал их "Индийскими островами", как будто они находятся недалеко от Индостана, ошибка, которая сохраняется вот уже четыреста

десять лет. Местных жителей называли "индейцами" по тем же причинам. По мере развития географических знаний стало необходимым говорить "Вест-Индия" или "Ост-Индия" соответственно, чтобы отличать американскую от азиатской — "индийская кукуруза" означает американскую, а "индийские чернила" - азиатскую и т.д. Даже после своего четвертого и последнего путешествия Колумб верил, что континент, как и острова, является частью восточной Азии, и умер с этой верой, не подозревая, что открыл Новый Мир.

Любопытное подтверждение мнения Колумба только что было обнаружено (1894 г.) во Флорентийской библиотеке доктором Визером из Инсбрука. Это точная копия карты Великого адмирала, грубо нарисованной в письме, написанном с Ямайки в июле 1503 года. Это показывает, что он верил в то, что та часть света, которой достигли его путешествия, была восточным побережьем Азии.

Главным открытием, сделанным Колумбом в его первом путешествии, был большой остров Куба, который он считал частью континента. Некоторые из испанцев прошли вглубь острова на шестьдесят миль и сообщили, что достигли деревни с населением более тысячи человек и что кукуруза, используемая в пищу, называется *маисом* - вероятно, это первый случай, когда европейцы использовали термин, который впоследствии стал таким же привычным, как "пшеница" или "ячмень". Местные жители сказали Колумбу, что их золотые украшения происходят из *Кубакана*, что означает внутреннюю часть Кубы; но он, услышав слоган, сразу подумал о "хане", упомянутом Марко Поло, и поэтому вообразил, что "Китай" (родина этого знаменитого путешественника) находится совсем рядом. Простодушные кубинцы были поражены такой любовью испанцев к золоту и указали на восток, на другой остров, который они называли *Хайти*, сказав, что там его больше, чем на Кубе. Таким образом, Колумб открыл второй по величине из всех островов Вест-Индии, первым из которых была Куба; высадившись на нем, он назвал его "Эспаньола", или Маленькая Испания. Хайти через несколько лет стал штаб-квартирой испанских учреждений в Новом Свете, после того как его столица Сан-Доминго была построена Варфоломеем Колумбом. Именно на этом острове испанцы увидели первого из "казиков", или туземных принцев, впоследствии столь известных во время завоевания Мексики; его несли на плечах четверо мужчин, и он учтиво преподнес Колумбу несколько золотых пластин. В письме к монархам Испании адмирал таким образом обращается к уроженцам Хайти:

Люди здесь такие ласковые, такие покладистые и миролюбивые, что, клянусь вашим Высочеством, в мире нет ни лучшей расы людей, ни лучшей страны... их беседа самая милая и кроткая в мире и всегда сопровождается улыбкой. Королю служат с большим почетом, и его поведение настолько достойно, что на него приятно смотреть.

Адмирал ранее описывал индейцев Кубы как столь же простых и дружелюбных, рассказывая, как они "почитали чужеземцев как священных существ, связанных узами с небесами". Прискорбно и позорно то, что эти откровенные, ничего не подозревающие островитяне не имели представления или не предвидели того жестокого опустошения, которое их доблестные гости вскоре должны были навлечь на коренные народы — смерть, пытки и истребление!

Гавань на Кубе так описывает Колумб в письме Фердинанду и Изабелле:

Я обнаружил реку, в которую легко могла войти галера.... Я обнаружил от пяти до восьми саженой воды. Пройдя значительный путь вверх по реке, все приглашало меня поселиться

там. Красота реки, прозрачность воды, множество пальм и бесконечное количество других больших и цветущих деревьев, птицы и зелень равнин... Я настолько поражен видом такой красоты, что не знаю, как это описать.

Потеряв свой флагманский корабль, Колумб вернулся в Испанию с двумя небольшими каравеллами, которые остались от его небольшого флота из трех человек, прибыв в порт Палос 15 марта 1493 года. Прием успешного исследователя стал национальным событием. Он въехал в Барселону, чтобы быть представленным ко двору со всеми почестями и триумфом. Сидя в присутствии короля и королевы, он рассказал свою удивительную историю, в то время как его слуги показывали золото, хлопок, попугаев и других неизвестных птиц, любопытные руки и растения и, прежде всего, девять "индейцев" в их диковинных одеждах, которых крестили, чтобы они стали христианами. Фердинанд и Изабелла осыпали почестями удачливого мореплавателя, а взамен он пообещал им несметные богатства Зипанго и Китая. Вскоре был найден новый флот, более крупный и лучше оснащенный, для второго рейса.

Со своими новыми кораблями в 1498 году Колумб снова держал курс строго на запад от Канарских островов; и, наконец, открыв остров с тремя горными вершинами, он назвал его Тринидад (то есть "Тринити"), не зная, что в то время он плыл вдоль побережья великого континента Южная Америка. Несколько дней спустя он и команда были поражены шумом волн, вызванных пресной водой большой реки, впадающей в море. Это был "Оронооко", впоследствии названный Ориноко; и по его объему Колумб и его товарищи по плаванию пришли к выводу, что он, должно быть, осушает часть континента или очень большого острова.

Где Ориноко в своей гордыне
Катится к майну без прилива дани,
Но "широкий океан далеко гонит
Соперничающее море ревущей войны";
В то время как в десяти тысячах водоворотов, гонимых
, Волны вздымают пену к небесам,
И бледный лоцман тщетно ищет,
Где река, где майн.

Это было первое представление, которое они получили о собственно Америке, все еще воображая, что это всего лишь часть восточной Азии. В следующем путешествии, своем последнем, Колумб прошел вдоль части Дарьенского перешейка. Однако он не был исследован до визита Бальбоа.

Зашифрованный

автограф Колумба.

Расшифровка шифра, вероятно, такова:

серватф Христос Мария Йосефус (Христоференс).

Именно во время своего третьего плавания "Великий адмирал" подвергся унижению в Сан-Доминго: его заковали в цепи и отправили обратно в Испанию. Это было сделано Бобадильей, офицером королевского двора, который был послан со всей полнотой власти для пресечения беспорядков. Монархи Испании освободили Колумба, и вскоре после этого ему предоставили четыре корабля для его четвертого путешествия. Штормовая погода помешала этой последней экспедиции, и наконец он был рад прибыть в Испанию 7 ноября 1504 года. Теперь он чувствовал, что его работа на земле завершена, и умер в Вальядолиде 20 мая 1506 года. После временного погребения там его тело было перенесено в собор Сан—Доминго, откуда в 1796 году некоторые останки были с внушительными церемониями перенесены в Хавану. Из более поздних исследований выясняется, что прах генуэзского первооткрывателя все еще находится в гробнице Сан-Доминго.

Говорят, что именно в Севильском соборе, над его первой могилой, король Фердинанд почтил память великого адмирала мраморным памятником с хорошо известной эпитафией:

A CASTILLA Y ARAGON
NUEVO MUNDO DIO COLON

или: "Соединенному Королевству Кастилия-Арагон Колумб подарил Новый Свет".

После смерти Колумба казалось, что судьба предназначила его семье наслаждаться почестями и наградами, которых он был так несправедливо лишен. Его сын Диего потратил два года впустую, пытаясь добиться от короля Фердинанда должностей вице-короля и адмирала, на которые он имел право претендовать в соответствии с соглашением, ранее заключенным с его отцом. Наконец Диего подал иск против Фердинанда в совет, который управлял делами

индейцев. Этот суд вынес решение в пользу иска Диего; и поскольку вскоре он значительно улучшил свое социальное положение, женившись на племяннице герцога Альвы, высокопоставленного дворянина, Диего получил назначение губернатором (а не вице-королем) и отправился в Хайти в сопровождении своего брата и дядей, а также жены и большой свиты. Там Диего Колумб и его семья жили "с великолепием, доселе неизвестным в Новом Свете".

II.—Король Англии Генрих VII, раскаявшись в том, что не заручился услугами Колумба, поручил Джону Кэботу отплыть из Бристоля через Атлантику в северо-западном направлении в надежде найти где-нибудь поблизости проход в Индию. В июне 1497 года было замечено новое побережье (вероятно, Лабрадор или Ньюфаундленд), получившее название *Prima Vista*. Они плыли вдоль побережья континента на юг, "всегда с намерением найти проход в Индию", пока не достигли полуострова, который сейчас называется Флорида. На этом важном путешествии были основаны претензии, которые впоследствии предъявили английские короли на владение всем атлантическим побережьем Северной Америки. Король Генрих хотел, чтобы колонисты поселились на новой земле, *там вири куам фемин*, но поскольку, в силу своего обычного скупого характера, он отказался выделить ни единого "тестуна" или "крупы" на это предприятие, колонии не были образованы до времен Уолтера Рэли, более века спустя.

Себастьян Кэбот, родившийся в Бристоле в 1477 году, был более известен как мореплаватель, чем его отец Джон, и почти сравнялся с Колумбом. После открытия Лабрадора или Ньюфаундленда вместе со своим отцом он во второй раз отправился в плавание с 300 людьми, чтобы основать колонии, пройдя, по-видимому, в Гудзонов залив. Он хотел открыть пролив, ведущий в Индостан, но трудности, связанные с айсбергами и холодной погодой, так напугали его команду, что он был вынужден изменить свой курс. В другой попытке проложить северо-западный проход в Азию он достиг $67\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты и "дал английские названия различным местам в Гудзоновом заливе". В 1526 году, командуя испанской экспедицией из Севильи, он отправился в Бразилию, которая уже была присоединена Кабрерой к Португалии, исследовал реку Ла-Плата и поднялся на часть Парагвая, вернувшись в Испанию в 1531 году. После своего возвращения в Англию король Эдуард VI провел несколько бесед с Кэботом, одной из тем которых была "вариация компаса". Он получал королевскую пенсию в размере 250 марок и выполнял особую работу, связанную с торговлей и мореплаванием. Великая честь Кэбота заключается в том, что он увидел американский континент раньше Колумба или Америго Веспуччи.

III. — Из великих мореплавателей той беспрецедентной эпохи открытий, как Испания была удостоена чести Колумба, а Англия - Кабота, так и Португалия была удостоена чести Де Гамы. Васко де Гама, величайший из португальских мореплавателей, покинул Лиссабон в 1497 году, чтобы исследовать неизвестный мир, лежащий к востоку от мыса Доброй Надежды, и прибыл в Каликут в мае 1498 года. До этого Диас действительно обогнул мыс, но, похоже, сделал это только перед сильным штормом. Он назвал его "бурный мыс". Кабрера, или Кабрал, был еще одним великим исследователем, посланным из Португалии следовать по маршруту Де Гамы; но, будучи вынужденным течениями южной Атлантики направить его в юго-западном направлении, он высадился на американском континенте и присоединил новую страну к Португалии под названием Бразилия. Впоследствии Кабрера составил первый торговый договор между Португалией и Индией.

IV.—Магеллан, едва ли уступающий Колумбу, принес славу мореплавателя как Португалии, так и Испании. Что касается последней страны, то, находясь на службе у Карла V, он возродил идею Колумба о том, что мы можем доплыть до Азии или островов Пряностей, отправившись *на запад*. С эскадрой из пяти кораблей, насчитывающей 236 человек, он отплыл в 1519 году в Бразилию и убедился, что великое устье реки - это не пролив. Плыя на юг вдоль американского побережья, он открыл пролив, носящий его имя, и через него вошел в Тихий океан, по которому тогда впервые поплыли европейцы, хотя Бальбоа и его люди уже видели его "на вершине в Дариене", как выразился Китс в своем знаменитом сонете.^[7] Из-за продолжающейся хорошей погоды, которая стояла в течение нескольких месяцев, Магеллан, естественно, назвал новое море "Тихим океаном". После посещения Ладронес и Филиппин Магеллан был убит в драке с жителями Матана, небольшого острова. Себастьян, его баскский лейтенант (упомянутый в главе I), затем успешно совершил кругосветное плавание, отправившись сначала на Молуккские острова, а оттуда в Испанию.

V.—Из всех всемирно известных мореплавателей, современников Колона, генуэзца, остается только один, заслуживающий нашего внимания, и то потому, что его имя навсегда увековечено в имени Нового Света. Америго (латинское *Americus*) Веспуччи, родившийся во Флоренции в 1451 году, занимался торговлей в Кадисе и работал на испанское правительство. Ему было предъявлено обвинение в мошеннической попытке присвоить честь, причитающуюся Колумбу, но Гумбольдт и другие защитили его после тщательного изучения доказательств. В книге, опубликованной в 1507 году немцем *Вальдзимюллером*, автор случайно говорит:

А поскольку четвертая часть света была открыта Америкусом, ее можно назвать Америке, то есть земля Америк, или *Америка*.

Веспуччи никогда не называл себя первооткрывателем нового континента; как простой подчиненный, он не мог и помыслить о подобном. На самом деле они с Колумбом всегда были в дружеских отношениях, привязаны друг к другу и им доверяли. Гумбольдт объясняет ошибку Вальдзимюллера и других общим незнанием истории открытия Америки, поскольку в течение нескольких лет она ревностно охранялась как "государственная тайна". Гумбольдт с любопытством добавляет, что "музыкальное звучание этого названия привлекло внимание публики", и таким образом ошибка была повсеместно увековечена:

*statque stabitque
in omne volubilis ævum.*

Еще одной причиной всеобщей известности Америго было то, что его книга была первой, рассказывающей о новом "Западном мире"; и поэтому ее с нетерпением читали во всех частях Европы.

Куба, хотя и самый большой из островов Вест-Индии и второй из открытых, была колонизирована только после смерти Колумба. Таким образом, на протяжении более чем трех с половиной столетий Куба, как "Королева Антильских островов" и "Жемчужина Антильских островов", считалась главным колониальным владением Испании, пока недавние события не привели ее под власть Соединенных Штатов. Завоевание острова было предпринято Веласкесом, который, сопровождая великого адмирала в его втором путешествии, поселился на

Эспаньоле (или Хайти) и сколотил там большое состояние. У него не возникло особых трудностей с аннексией Кубы, потому что местные жители, как и жители Эспаньолы, отличались мирным характером, и захватчикам было легко их навязать. Единственная трудность, с которой столкнулся Веласкес, заключалась в восточной части острова, где Хатуэй, казике или туземный вождь, бежавший туда с Эспаньолы, готовился оказать сопротивление испанцам. Потерпев поражение, Веласкес жестоко приговорил его к сожжению заживо, как "раба, поднявшего оружие против своего хозяина". Сцена казни Хатуэя хорошо известна:

Когда его привязали к столбу, монах-францисканец пообещал ему немедленный доступ к небесным радостям, если он примет христианскую веру. "Есть ли испанцы, - говорит он после некоторой паузы, - в той области блаженства, которую вы описываете?" "Да, - ответил монах, - но только достойные и добрые". "У лучших из них нет ни ценности, ни добродетели: я не пойду туда, где могу встретиться с кем-то из этой проклятой расы".

Будучи таким образом аннексирован в 1511 году, к середине столетия все коренные индейцы Кубы вымерли. В следующем столетии этот большой и плодородный остров сильно пострадал от пиратов, но в течение восемнадцатого века он процветал. В течение девятнадцатого века правительству Соединенных Штатов часто предлагалось завладеть им; например, в 1848 году президент Полк предложил сумму в сто миллионов долларов. Наконец, в 1886 году рабство было полностью отменено. В последние годы Испания, уступив Кубу и Филиппины Соединенным Штатам, а Каролинские острова - Германии, завершила свою колониальную историю.

Два других важных события произошли, когда Веласкес был губернатором Кубы: во-первых, побег Бальбоа с Эспаньолы, чтобы впоследствии стать губернатором Дариена; и, во-вторых, экспедиция под Кордовой по исследованию той части американского континента, которая находится ближе всего к Кубе. Эта экспедиция из 110 человек на трех небольших кораблях привела к открытию большого полуострова, ныне известного как Юкатан. Кордова представлял его себе как остров. Туземцы не были обнажены, как жители островов Вест-Индии, но носили хлопчатобумажную одежду, а у некоторых были золотые украшения. В городах, где стояли большие каменные дома, и в сельской местности в целом было много свидетельств несколько развитой цивилизации. Местные жители, однако, были гораздо более воинственными, чем простые островитяне Кубы и Эспаньолы; и Кордова, по сути, была рада вернуться с Юкатана.

Веласкес, услышав сообщение из Кордовы, немедленно снарядил четыре судна для исследования вновь открытой страны и отправил их под командованием своего племянника Грихальвы. Повсюду были найдены свидетельства цивилизации, особенно в архитектуре. Фактически, весь район изобилует доисторическими останками. От дружественного вождя Грихальва получил нечто вроде кольчуги, покрытой золотыми пластинами; а при встрече с правителем провинции он обменял несколько игрушек и безделушек, таких как стеклянные бусы, булавки, ножницы, на богатую коллекцию драгоценных камней, золотых украшений и сосудов.

Таким образом, Грихальва был первым европейцем, ступившим на землю ацтеков и вступившим в сношения с местными жителями. Губернатор Веласкес немедленно подготовил более масштабную экспедицию, выбрав в качестве лидера или командира офицера, которому отныне было суждено занять гораздо большее место в истории, чем ему самому, того, кто в настоящее

время казался способным стать генералом высшего ранга, Эрнандо Кортеса, величайшего из всех испанских исследователей.

ГЛАВА III

ВЫМЕРШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ АЦТЕКОВ

В вымерших цивилизациях Востока было показано, что космогония халдеев очень похожа на космогонию евреев и финикийцев, и что рассказ о всемирном потопе в книге Бытия в точности воспроизводит гораздо более ранний рассказ, найденный на одной из вавилонских табличек.

Следы легенды о всемирном потопе существовали и у ранних ацтеков. Они верили, что

что два человека пережили Всемирный потоп: мужчина по имени Коксоз и его жена. Их головы изображены на древних картинах вместе с лодкой, плывущей по водам у подножия горы. Также изображен голубь с иероглифической эмблемой языков во рту.... Тезпи, Ной соседнего народа, также спасся в лодке, которая была наполнена различными видами животных и птиц. Через некоторое время из него вылетел стервятник, но остался питаться мертвыми телами великанов, которые остались на земле, когда спала вода. Затем маленькая колибри была отправлена в полет и вернулась с веткой дерева во рту.

Еще одно ацтекское предание о всемирном потопе гласит, что пирамидальный курган, храм Чолулы (священный город на пути между столицей и морским портом), был построен великанами, чтобы спастись от потопа. Как и Вавилонская башня, она должна была достигать облаков, пока боги не взглянули вниз и, уничтожив пирамиду небесным огнем, не вынудили строителей отказаться от этой попытки.

Иероглифы, используемые в календаре ацтеков, любопытным образом соответствуют зодиакальным знакам монголов восточной Азии. "Символы в монгольском календаре заимствованы у животных, и четыре из двенадцати совпадают с ацтекскими".

Древность большинства памятников подтверждается, например, ростом деревьев посреди зданий на Юкатане. Многие из них успели достичь диаметра от шести до девяти футов. Внутреннем дворе в Ушмале рельефные фигуры черепах, высеченные на гранитной мостовой, настолько стерты ногами бесчисленных поколений местных жителей, что рисунок художника едва узнаваем.

Испанские захватчики уничтожили все остатки религиозных памятников ацтеков, точно так же, как римско-католические изображения и атрибутика когда-то использовались "самыми строгими сектами" протестантов или даже мусульман.

Прекрасное плато вокруг мексиканских озер, а также другие центральные районы Америки, без всякого сомнения, с древнейших времен были заселены народами, которые из поколения в поколение постепенно развивали цивилизацию и проходили через циклы революций — в одном столетии повторялись, в другом стремительно развивались за счет вливания новой крови или изменения окружающей среды - в точности подобно пестрым летописям сменяющих друг друга династий в долине Нила и на равнинах Вавилонии. В Новом Свете, как и в Старом, с доисторических времен в таких центрах накапливались богатства, принося дополнительный

комфорт и утонченность и подразумевая занятия полезными искусствами и некоторые приложения науки. Что касается легендарных миграций или даже тех вымерших рас, названия которых все еще сохранились, Макс Мюллер сказал:[8]

Эти предания ничем не лучше греческих о пеласгах, эолийцах и ионийцах, и было бы пустой тратой времени составлять из таких элементов систематическую историю только для того, чтобы рано или поздно быть снова разрушенной каким-нибудь Нибуром, Гроте или Льюисом.

Анауак (то есть "берег воды" или "озерная страна") в первые века нашей эры был названием страны вокруг озер и города, впоследствии названного Мексикой. В этот центр, как место поселения, пришли с севера или северо—запада племена, более или менее близкие по расе и языку, особенно (согласно одной теории) *толтеки* из Тулы и *ацтеки* из Ацтлана. Тула, расположенная к северу от Мексиканской долины, была первой столицей тольтеков, и во времена испанского завоевания там сохранились остатки больших зданий. Большинство обширных храмов и других сооружений, найденных по всей "Новой Испании", были приписаны этой расе, и слово "толтек" стало синонимом слова "архитектор".

Примерно через пять столетий после того, как толтеки покинули Тулу, в долину Анауак прибыли ацтеки, или ранние мексиканцы. Вместе с ацтеками пришли тецкуканцы, столица которых, Тецкоко, расположенная на восточной границе мексиканского озера, дала ему сохранившееся до сих пор название.

Ацтеки, опять же, после долгих миграций с места на место, наконец, в 1325 году нашей эры остановились на юго-западных берегах великого озера. Согласно традиции, небесное видение таким образом объявило о месте их будущей столицы:

Они увидели сидящего на стебле опунции, который торчал из расщелины скалы, омываемой волнами, королевского орла необычайных размеров и красоты, со змеей в когтях и широкими крыльями, распростертыми навстречу восходящему солнцу. Они приветствовали благоприятное предзнаменование, объявленное оракулом как указывающее на вид их будущего города, и заложили его фундамент, забив сваи на мелководье, ибо низменные болота были наполовину погребены под водой.... Это место получило название Теночтитлан (то есть "кактус на скале") в знак своего чудесного происхождения. [Таково было скромное начало Венеции Западного мира.][9]

По сей день на гербе мексиканской республики изображены орел и кактус — в память о легенде об основании столицы, впоследствии названной Мексикой по имени их бога войны. Более свирепые и воинственные, чем их собратья из Тецкоко, жители последнего города были рады их помощи, когда на них напало враждебное племя и нанесло им поражение. Таким образом, Мексика и Тецкоко стали близкими союзниками, и ко времени правления Монтесумы I, в середине пятнадцатого века, их суверенитет распространился за пределы их родного плато на побережье Мексиканского залива. Население столицы быстро росло, первоначальные дома были заменены солидными каменными постройками. Существуют документы, свидетельствующие о том, что Теночтитлан был гораздо больших размеров, чем современная столица Мексики, расположенная на том же месте. Незадолго до прихода испанцев, в начале шестнадцатого века, королевство простиралось от Персидского залива до Тихого океана; и на юг под безжалостным Ахуицотлем простиралась вся Гватемала и Никарагуа.

Ацтеки напоминали древних перуанцев лишь в немногих отношениях, одним из которых было использование узлов на нитях разного цвета для записи событий и чисел. Сравните наш рассказ о "кипу" в главе X. Ацтеки, похоже, заменили этот грубый метод составления заметок в седьмом веке на рисование картинками. До испанского вторжения тысячи местных клерков или летописцев занимались рисованием на растительной бумаге и холсте. Образцы таких рукописей до сих пор можно увидеть во всех крупных музеях. Их содержание в основном относится к ритуалам, астрологии, календарю, летописям королей и т.д.

Большинство литературных произведений древних мексиканцев были по глупости уничтожены испанцами под предводительством Кортеса. Первый архиепископ Мексики основал профессорскую должность в 1553 году для объяснения иероглифов ацтеков, но в следующем столетии от этого занятия отказались. Даже местные ученые признавались, что они не смогли расшифровать древнюю письменность. Одна из самых древних книг (приписана к Туле, столице "толтеков", 660 г. н.э., и написана астрологом Хуэзматцином) описывает небеса и землю, звезды в их созвездиях, расположение времени в официальном календаре, а также немного географии, мифологии и космогонии. В пятнадцатом веке король Тецкоко опубликовал шестьдесят гимнов в честь Высшего Существа, включая элегию о разрушении города и еще одну - о неустойчивости человеческого величия.

В том же столетии три штата Анауак (Аколхуа, Мексика и Тлакопан) образовали конфедерацию с постоянной тенденцией отдать Мексике первенство. Значение двух столиц, смотрящих друг на друга через озеро, неуклонно росло, со всеми сопутствующими общественными сооружениями — дамбами, каналами, акведуками, храмами, дворцами, садами и другими свидетельствами богатства.

Ужас и отвращение, вызываемые жертвоприношениями ацтеков, значительно усиливаются при рассмотрении количества жертв. Короли фактически развязывали войны для того, чтобы обеспечить как можно больше жертв для публичных жертвоприношений — особенно по такому случаю, как коронация или освящение нового храма. Иногда пленникам отводилось значительное время для принесения в жертву. Обычным методом ацтекского воина в бою было не убивать своего противника, если его можно было взять в плен; взять его живым было достойным поступком в религии. На самом деле, испанцы таким образом часто избегали смерти от рук своих мексиканских противников. Когда европейский генерал спросил короля Монтесуму, почему он позволил республике Тласкала оставаться независимой на границах своего королевства, он ответил: "Чтобы она могла обеспечить меня жертвами для моих богов".

Подсчитывая количество жертв, Прескотт, по-видимому, слишком безоговорочно доверился почти невероятным рассказам испанцев. Зумуррага, первый епископ Мексики, утверждает, что ежегодно приносились в жертву 20 000 человек, но Касас указывает, что при таком "расточительстве человеческого рода", как подразумевается в некоторых исторических источниках, страна не могла быть такой густонаселенной, какой ее нашел Кортес. По оценке Касаса, "мексиканцы никогда не приносили в жертву более пятидесяти или ста человек в год".

Несмотря на массовое кровопролитие перед святилищами их кровавых богов, мы все еще можем отнести ацтеков к высокому уровню цивилизации. История даже современной Европы проиллюстрирует это утверждение, хотя оно и кажется парадоксальным.

Рассмотрим "состояние некоторых из наиболее цивилизованных стран в шестнадцатом веке после учреждения современной инквизиции — института, который ежегодно уничтожал тысячи своих сотрудников смертью более мучительной, чем жертвоприношения ацтеков, ... который сделал для остановки движения к улучшению больше, чем любая другая схема, когда-либо изобретенная человеческой хитростью.... Человеческое жертвоприношение иногда добровольно принималось ацтеками как самая славная смерть, открывающая верный путь в рай. Инквизиция, с другой стороны, клеймила своих жертв позором в этом мире и обрек их на вечные муки в следующем".

Трудность с ацтеками заключается в том, как совместить такую утонченность, какую продемонстрировала их исчезнувшая цивилизация, с их диким наслаждением кровопролитием. "Ни один пленник никогда не был выкуплен или пощажен; все были безжалостно принесены в жертву, и их плоть была съедена". Первого из четырех главных советников империи называли "Принцем Смертоносного Копья", второго - "Разделителем людей", третьего - "Проливающим Кровь", четвертого - "Лордом Темного Дома".

Храмов было очень много, обычно они представляли собой просто пирамидальные скопления глины, облицованные кирпичом или камнем. Крыша представляла собой обширную площадку, на которой стояли одна или две башни высотой от сорока до пятидесяти футов, образующие святилища главенствующих божеств и, следовательно, содержащие их изображения. Перед этими святилищами стоял ужасный жертвенный камень. Там также были два алтаря, на которых постоянно горел священный огонь.

Все религиозные службы были публичными, и пирамидальные храмы с лестницами по массивным бокам позволяли видеть длинную процессию жрецов, которые торжественно поднимались, чтобы совершить ужасную церемонию забоя человеческих жертв.

Человеческие жертвоприношения изначально не были характерной чертой культа ацтеков. Но примерно за 200 лет до прихода испанских захватчиков началось это религиозное зверство, и в конце концов ни один публичный праздник не считался обходящимся без кровопролития.

Прескотт приводит в качестве примера великий праздник в честь Тецкатлипоки, прекрасного бога второго ранга, называемого "душой мира" и наделенного вечной молодостью.

За год до предполагаемого жертвоприношения был выбран пленник, отличавшийся личной красотой и без единого изъяна на теле.... Наставники взяли на себя заботу о нем и проинструктировали, как исполнять свою новую роль с подобающим изяществом и достоинством. Он был одет в великолепное платье, его окутали благовониями и обилием сладко пахнущих цветов.... Когда он выезжал за границу, его сопровождал кортеж королевских пажей, и когда он останавливался на улицах, чтобы сыграть какую-нибудь любимую мелодию, толпа падала ниц перед ним и воздавала ему почести как представителю своего доброго божества.... Были выбраны четыре прекрасные девушки, носившие имена главных богинь, и с ними он продолжал жить праздно, пировал на пирах у знатных особ, которые воздавали ему все почести божества. Когда, наконец, наступил роковой день жертвоприношения, ... сорвав с него яркую одежду, одна из царских барж перевезла его через озеро в храм, возвышавшийся на его берегу.... Сюда стекались жители столицы, чтобы засвидетельствовать завершение церемонии. Когда печальная процессия поднималась по склонам пирамиды, несчастная жертва выбросила свои веселые венки из

цветов и разломала на куски свои музыкальные инструменты. ... На вершине его встретили шесть жрецов, чьи длинные и спутанные локоны в беспорядке ниспадали на их соболиные одежды, покрытые иероглифическими свитками мистического значения. Они подвели его к жертвенному камню, огромной глыбе яшмы, верхняя поверхность которой была несколько выпуклой. На нем распростирали жертву. Пятеро жрецов закрепили его голову и конечности, в то время как шестой, одетый в алую мантию, символизирующую его кровавую должность, ловко вскрыл грудь несчастной жертвы острой бритвой из *ицлии*, вложив руку в рану, вырвал трепещущее сердце и, подняв его к солнцу (как символ верховного Бога), бросил к ногам божества, которому был посвящен храм, в то время как толпы внизу простерлись ниц в смиренном поклонении.

Таков был пример человеческих жертвоприношений, из-за которых древняя Мексика стала печально известна всему цивилизованному миру.

Испанский историк приводит такой пример жертвоприношения, отличающегося от обычного:

Отличившегося пленника иногда снабжали оружием для единоборства против нескольких мексиканцев подряд. Если он побеждал их всех, что иногда случалось, ему разрешалось сбежать. В случае поражения его тащили на плаху и приносили в жертву обычным способом. Бой проходил на огромном круглом камне на глазах у населения столицы.

Пленных женщин иногда приносили в жертву этим кровожадным богам, а в сезон засухи иногда убивали даже детей, чтобы умилостивить Тлалока, бога дождя.

Их несли в открытых носилках, одетых в праздничные одежды и украшенных свежими весенними цветами, и они вызывали жалость в самых черствых сердцах, хотя их крики тонули в неистовом пении священников, которые читали в их слезах благоприятное предзнаменование молитвы о дожде.

Один испанский историк сообщает нам, что эти невинные жертвы этой отвратительной религии обычно покупались священниками у бедных родителей.

Теперь мы можем возобновить традиционное расселение древних мексиканцев в регионе под названием Анауак, включающем все плодородное плато и простирающееся на юг до озера Никарагуа. Говорили, что главные племена этой расы пришли из Калифорнии, и после подчинения народу колхуа они заявили о своей независимости примерно в 1325 году нашей эры. Вскоре после этого их первая столица, Теночтитлан, была построена на месте Мексики, их постоянного центра. На протяжении нескольких поколений они жили, подобно своим далеким предкам, Красным Людям Лесов, охотниками, рыболовами и трапперами, но, наконец, их принц или вождь казике стал достаточно могущественным, чтобы называться королем. Правление этого ацтекского принца, начавшееся в 1440 году нашей эры, положило начало их величию как расы. В их королевстве стало правилом, что каждый новый король должен одержать победу, прежде чем быть коронованным; и таким образом, путем завоевания новой нации обеспечить запас пленников, чтобы ублажить свое божество-покровителя необходимыми человеческими жертвоприношениями. В 1502 году на трон взошел младший Монтесума. Он известен нам лучше, чем предыдущие короли, потому что именно в его правление на сцене появились испанские завоеватели. Со времен Кортеса история ацтеков становится частью истории мексиканцев. Они были легко завоеваны европейскими войсками, отчасти из-за их предательства различными соседними народами, которые они ранее покорили. Согласно

Прескотту, в начале шестнадцатого века царь ацтеков правил континентом от Атлантики до Тихого океана.

С научной стороны их исчезнувшей цивилизации главным образом вызывает удивление их знание астрономии (см. также стр.85). Как и в случае с халдеями и вавилонянами, мотивом изучения звезд и планет для священнослужителей было стремление точно зафиксировать религиозные праздники. Установив таким образом тропический год, их таблицы показывали точное время равноденствия, или прохождения солнца через экваториал, и солнцестояния. С самого раннего периода они занимались сельским хозяйством, выращивая индийскую кукурузу и "мексиканское алоэ". Не имея тягловых животных, таких как лошадь или бык, их земледелие, естественно, было грубым и несовершенным.

"Уровень цивилизации, - говорит Прескотт, - которого достигли ацтеки, судя по их политическим институтам, можно считать, пожалуй, немногим ниже того, которого достигли наши саксонские предки при Альфреде".

В отрывке, сравнивающем ацтеков с американскими индейцами, мы читаем:

В натуре последнего есть что-то особенно чувствительное. Он инстинктивно уклоняется от грубого прикосновения чужой руки. Даже когда это иностранное влияние приходит в форме цивилизации, он, кажется, тонет и чахнет под ним. Так было и с мексиканцами. Под испанским господством их численность тихо таяла. Их энергия сломлена. Они больше не ступают по своим горным равнинам с сознательной независимостью своих предков. В их неуверенном шаге и кротком и меланхоличном облике мы читаем печальные характеры покоренной расы.... Их цивилизация отличалась выносливостью, присущей дикой природе. Свиные добродетели ацтеков были присущи только ему.

Гумбольдт нашел некоторую аналогию между ацтекской теорией вселенной, которой учили жрецы, и азиатскими "космогониями". Ацтеки, объясняя великую тайну существования человека после смерти, верили, что будущее время будет состоять из великих периодов или циклов, каждый из которых охватывает тысячи лет. В конце каждого из четырех циклов будущего времени в настоящем мире "человеческая семья будет сметена с лица земли действием одного из элементов, и солнце исчезнет с небес, чтобы снова зажечься".

Жречество состояло из большого числа людей, сведущих в астрологии и гадании. Только в великом храме Мексики служило 5000 священников, из которых высшие сановники наблюдали за ужасными обрядами человеческих жертвоприношений. Другие руководили певческими хорами с их музыкальным сопровождением из барабанов и других инструментов; другие устраивали общественные праздники в соответствии с календарем и отвечали за иероглифическую роспись слов и устные традиции. Одним из важных представителей духовенства были учителя, ответственные за образование детей и наставления в религии и морали. Главное управление иерархией или всей церковной системой находилось под руководством двух первосвященников — тем более достойных, что они избирались царем и высшей знатью независимо от рождения или социального положения. С этими первосвященниками консультировались по любому чрезвычайному положению в стране, и по рангу они превосходили любого человека, кроме короля. Говорят, что Монтесума был священником.

Власть священников была более абсолютной, чем любая другая, когда-либо существовавшая в Европе. Две замечательные особенности заключались в том, что, когда священник прощал грешника, свидетельство впоследствии спасало виновного от законного наказания за любой проступок; во-вторых, не могло быть прощения за однажды искупленный проступок, если он повторялся. "Долгое время после завоевания простые туземцы, когда они попадали под руку закона, пытались спастись, предъявляя свидетельство о своем прежнем признании". (Прескотт, i, 33.)

Молитва священника-исповедника, о которой сообщает испанский историк, весьма примечательна:

"О, милосердный Господь, ты, знающий тайны всех сердец, пусть твое прощение и благосклонность снизойдут, подобно чистым водам небес, чтобы смыть пятна с души. Ты знаешь, что этот бедняга согрешил *не по своей воле*, а под влиянием знака, под которым он родился..."

После предписания кающемуся множества мелких церемоний в качестве покаяния исповедник настаивает на необходимости немедленного приобретения раба для принесения в жертву Божеству.

В школах при духовенстве мальчиков обучали священники, а девочек - жрицы. Существовала высшая школа для обучения традициям и истории, тайнам иероглифов, принципам правления и некоторым разделам астрономии и естествознания.

В воспитании своих детей мексиканская община была очень строга, но из письма, сохранившегося у одного из испанских историков, мы не можем сомневаться в женской привязанности матери, которая так писала своей дочери:

Моя любимая дочь, очень дорогая голубка, ты уже слышала слова, которые сказал тебе твой отец, и прислушалась к ним. Это драгоценные слова, которые исходили из недр и сердца, в котором они хранились; и твой возлюбленный отец хорошо знает, что ты, его дочь, рожденная от него, являешься его кровью и плотью; и Бог, Господь наш, знает, что это так. Хотя ты женщина и являешься копией своего отца, что еще я могу сказать тебе, кроме того, что уже было сказано?... Моя дорогая дочь, которую я нежно люблю, смотри, чтобы ты жила на свете в мире, безмятежности и довольстве, смотри, чтобы ты не опозорила себя, не запятнала свою честь и не осквернила блеск и славу своих предков.... Пусть Бог благословит тебя, мой первенец, и пусть ты придешь к Богу, который пребывает повсюду.^[10]

Некоторый след "естественного благочестия", который, вероятно, удивит наших читателей, обнаруживается также в церемонии крещения ацтеков, описанной тем же автором. После того, как к голове и губам младенца прикоснулись водой и дали ему имя, богиню Чиоакоатль умоляли "о том, чтобы грех, который был дан нам до сотворения мира, не коснулся ребенка, но чтобы, очищенный этими водами, он мог жить и родиться заново". В отчете Саагуна мы читаем:

Когда все родственники ребенка были собраны, была вызвана акушерка, которая проводила обряд крещения. Когда взошло солнце, повитуха, взяв ребенка на руки, потребовала маленький глиняный сосуд с водой.... Чтобы совершить обряд, она встала *лицом к западу* и начала проходить определенные церемонии.... После этого она

побрызгала водой на головку младенца, говоря: "О мое дитя! примите воду Господа мира, которая является нашей жизнью и дана для увеличения и обновления нашего тела. Это для омовения и очищения" [После молитвы] она взяла ребенка обеими руками и, подняв его к небесам, сказала: "О Господь, ты видишь здесь свое творение, которое ты послал в этот мир, в это место скорби, страдания и покаяния. Даруй ему, о Господь, твои дары и твое вдохновение".

Наука ацтеков вызвала удивление у всех компетентных судей, таких как Гумбольдт (уже цитировавшийся) и астроном Ла Плейс. Лорд Кингсборо замечает в своем великом труде:

Едва ли можно сомневаться в том, что мексиканцы были знакомы со многими научными приборами странного изобретения;... неизвестно, входил ли телескоп в их число, но тринадцатая табличка с памятниками месье Дюпэ, изображающая человека, подносящего к глазу нечто похожее, дает основание предположить, что они знали, как улучшить зрение.

Ссылки на календарь ацтеков не должны упускать из виду светский праздник, приходящийся на конец их великого пятидесятидвухлетнего цикла. Судя по продолжительности этого периода, двух поколений, его можно сравнить с "юбилеем" древнего Израиля — словом, ставшим привычным к концу правления королевы Виктории. Великое событие всегда происходило в середине зимы, в самый унылый период года, и когда наступали пять промежуточных дней, они "предавались отчаянию", разбивая изображения богов, позволяя священным огням в храмах погаснуть, не зажигая их в своих домах, круша мебель и домашнюю утварь и разрывая свою одежду на лохмотья. Этот беспорядок и мрак означали, что, образно говоря, конец света был близок.

Вечером последнего дня процессия жрецов, надев одежды и украшения своих богов, двинулась из столицы к высокой горе, находившейся примерно в двух лигах от нее. Они несли с собой благородную жертву, цветок своих пленников, и приспособление для разжигания *нового огня*, успех которого был предзнаменованием возобновления цикла. На вершине горы процессия остановилась до полуночи, когда, когда созвездие Плеяд[11] приблизилось к зениту, новый костер был разожжен трением нескольких палочек, положенных на грудь жертвы. Вскоре пламя было передано в погребальный костер, на который было брошено тело зарезанного пленника. Когда свет устремился к небесам, крики радости и триумфа вырвались из бесчисленных толп, которые покрывали холмы, террасы храмов и крыши домов.... Курьеры с факелами, зажженными у пылающего маяка, быстро разнесли их по всем уголкам страны.... Начался новый цикл.

Следующие тринадцать дней были посвящены празднествам. ... Люди, одетые в свои самые яркие одежды и увенчанные гирляндами и венками из цветов, толпились в радостной процессии, чтобы принести свои жертвы и возблагодарить бога в храмах. Были учреждены танцы и игры, символизирующие возрождение мира.

Прескотт сравнивает этот карнавал ацтеков с великим светским праздником римлян или древних этрусков, который (как заметил Светоний) "немногие из ныне живущих были свидетелями раньше или могли ожидать увидеть снова". *Ludi sæculares* или светские игры Рима проводились с очень большими интервалами и длились три дня и ночи.

Поэт Саути, таким образом, ссылается на церемонию открытия нового ацтекского цикла, или Круга Лет.

На его обнаженную грудь возлагают кедровые ветви,
На его обнаженную грудь кладут сухую осоку и пахучую камедь,
готовые принять священную искру,
И пламя, возвещающее восход солнца,
На его живой алтарь. Вокруг него
стоят жестокие служители обрядов, проклятые
, и ожидают сигнала, когда ударить
семенем огня. Их Вождь, стоящий особняком от всех,
... обращает свой взор на восток;
Ибо приближается час, и вскоре
Он смотрит, чтобы увидеть, как первый слабый рассвет
Пробивается сквозь восточное небо.

Мадок, ii, 26.

ГЛАВА IV

АМЕРИКАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Задолго до времен Колумба и испанского завоевания на мексиканском плоскогорье существовали, как уже было показано, две великие расы или нации, обе высокоцивилизованные и обе родственные по языку, искусству и религии. Этнологи и антиквары не пришли к единому мнению относительно их происхождения или развития их цивилизации. Многие недавние критики придерживались теории, что существовал предшествующий народ, от которого обе расы унаследовали свою вымершую цивилизацию, и этой предшествующей расой были "толтеки", о которых мы неоднократно упоминали в предыдущей главе. К этой предыдущей расе некоторые относят колоссальную каменную кладку вокруг озера Титикака, а также другие пережитки давно забытой культуры. Некоторые даже причислили бы их к "строителям курганов" из долины Огайо. Однако другие современные исследователи древностей, полностью признавая ацтекско-тескукскую цивилизацию реальной и исторической, рассматривают теорию толтеков как частично или полностью мифическую. Один писатель утверждает, в духе Макса Мюллера, что толтеки - это "просто олицетворение лучей света", исходящих от ацтекского бога солнца.

Оставив абстрактные теории, мы посвятим эту главу основным фактам американской археологии — особенно в том, что касается рас и памятников их давно исчезнувших цивилизаций. Во многих частях как Северной, так и Южной Америки и на обширных территориях краснокожие аборигены продолжали свое поколение так, как это делали их предки на протяжении бесчисленных веков, едва поднявшись над состоянием грубых, некультурных сынов земли, живущих охотниками, трапперами, рыбаками, как это делалось с незапамятных времен

Когда дикий в лесах благородный дикарь бежал,

как выразился Драйден. Но в Мексике, на Юкатане и в Центральной Америке, Колумбии и Перу были люди первоначальной расы краснокожих, которые явно достигли цивилизации за неизвестные поколения до времен Колумба. Не только это, но и то, что во многих центрах богатства и населения процесс социального совершенствования и прогресса продолжался на протяжении незаписанных веков; и в некоторых случаях давно исчезнувшая цивилизация вытеснила предыдущую цивилизацию, еще более отдаленно исчезнувшую. Например, некоторые сооружения, построенные для подачи воды, могли быть использованы для этой цели только тогда, когда климатические или геологические условия сильно отличались от тех, какими они всегда были в исторические времена!

Кто такой красный человек? По сравнению с желтым человеком, белым человеком или даже чернокожим, он очень незначителен, поскольку лишь в одну десятую уступает африканской расе.^[12] Однако в американской этнологии краснокожий человек имеет первостепенное значение. Первобытные люди этой расы, несомненно, образовали первоначальный род, от которого на протяжении веков произошли все многочисленные племена "индейцев", обитающие либо в Северной, либо в Южной Америке. По всей Азии и Африке существует большое разнообразие типов среди коренных рас; но что касается Америки, процитируем Гумбольдта:

Индейцы Новой Испании [то есть Мексики] имеют общее сходство с теми, кто населяет Канаду, Флориду, Перу и Бразилию. У нас одинаковый смуглый и медный цвет лица, прямые и гладкие волосы, небольшая борода, приземистое тело, удлинённый глаз, уголки которого направлены вверх к вискам, выступающие скулы, толстые губы и выражение мягкости во рту, резко контрастирующее с мрачным и суровым взглядом.

Откуда произошли первые краснокожие Америки, сказать невозможно. Дата слишком отдаленная, а данных слишком мало. Судя по ископаемым остаткам человеческих костей, Агассис оценил период по меньшей мере в десять тысяч лет; а недалеко от Нового Орлеана, под четырьмя погребенными лесами, был найден скелет, возраст которого, возможно, составлял пятьдесят тысяч лет. Следовательно, если краснокожие отделились от желтого человека, то это должно было произойти в период, который совершенно выходит за рамки исторических представлений или расчетов.

Некоторые современные этнологи позаимствовали "теорию ледников" из геологии, чтобы проследить развитие цивилизации среди определенных рас. В Швейцарии и Гренландии признаки действия ледника можно проследить и распознать точно так же, как мы прослеживаем доказательства действия воды в сухом русле. Посетите переднюю часть ледника осенью, после того как летняя жара заставила его съежиться, вы увидите (1) округлые скалы, как будто обструганные сверху, (2) смешанной массой камней и гравия, похожей на кучу мусора, разбросанной по (3) массе глины и песка, содержащей валуны. Те же три теста часто встречаются в странах, где на памяти человека не было ледников.

Такие следы, найденные не только в Англии, Шотландии и Ирландии, но и в северной Германии и Дании, доказывают, что горный массив Скандинавии был ядром огромной ледяной шапки, "простиравшейся радиусом не менее 1000 миль и достаточно толстой, чтобы покрыть сплошным льдом Северное море, Германский океан, Балтику и даже Атлантику толщиной до 100 морских саженей". В Северной Америке то же самое подтверждается аналогичными свидетельствами. Гигантская ледяная шапка, простирающаяся от Канады, покрыла льдом все

небольшие горные цепи на юге, охватив весь континент. Дрейф и валуны все еще остаются, чтобы доказать этот факт, всего на 15 ° севернее тропика. Теплое океаническое течение, подобное Гольфстриму в Атлантике, сократило бы ледниковый период. Говоря о Шотландии, один авторитетный источник утверждает, что "если бы Гольфстрим изменил направление и Высокогорье поднялось до высоты Новозеландских Альп, вся страна снова была бы погребена под ледниками, выступающими в моря" на западе и востоке.

Теория состоит в том, что по мере того, как климат становился теплее, ледяные фронты отступали на север из-за сокращения ледников, и поэтому животные, включая человека, смогли жить дальше на север. Люди того очень отдаленного периода принадлежали к "неолиту", и им приписываются некоторые каменные памятники, которые раньше назывались "друидическими". Недавний автор спрашивает, имея в виду Стоунхендж:

Неужели люди эпохи неолита, медленно продвигавшиеся на север по мере того, как спадали суровые условия последнего ледникового периода, поселились здесь и построили этот огромный мрачный храм, прежде чем отправиться дальше на север, чтобы деградировать и выродиться в эскимосов, бродящих по унылым берегам арктических морей?

Другой автор, ссылаясь на американский ледяной покров, говорит:

Во время второй ледниковой эпохи, когда огромный бореальный ледяной покров покрывал половину североамериканского континента, простираясь на юг до нынешних городов Филадельфия и Сент-Луис, а покрытые льдом участки были так же непригодны для обитания человека, как снежная шапка Гренландии сегодня, скопления населения группировались вокруг экваториальной зоны, потому что климатические условия были благоприятными. И поскольку цивилизация во всем мире держится за умеренный климат и процветает там лучше всего, мы не удивляемся, узнав, что сообщества, далеко продвинувшиеся в искусстве и архитектуре, построили и заселили эти великие города на Юкатане, в Гондурасе, Гватемале и других государствах Центральной Америки, население которых когда-то насчитывало сотни тысяч.

Приблизительная дата, когда эта цивилизация находилась на пике своей славы, - около десяти тысяч лет назад. Это установлено наблюдениями за спадом существующих фронтов ледников, которые, как известно, отступают на двенадцать миль за сто лет.

С постепенным отходом ледникового покрова климат стал пропорционально мягче, а флора и фауна одновременно переместились на север. Некоторые эмигранты отправились в Южную Америку и поселились там, неся с собой свои обычаи, искусство, церемониальные обряды, иероглифы, архитектуру и т.д.; и произошел огромный исход в Мексику, которая в конечном итоге распространилась на запад до Тихоокеанского побережья.

В последующие эпохи, когда ледяной покров отступил с обширных территорий, наблюдался огромный приток людей из Азии через Берингов пролив со стороны Тихого океана и из северо-западной Европы через Гренландию со стороны Атлантики. Корейская иммиграция в 544 году привела к основанию Мексиканской империи в 1325 году.

Проследить затем градации восхождения от коренных американцев, по ошибке Великого адмирала названных "индейцами", поскольку впоследствии английские поселенцы прозвали их "краснокожими", до мексиканцев, перуанцев или колумбийцев — задача, далеко

превосходящая наши силы. Таким образом, оставляя вопрос о расе, мы теперь обратимся к антикварным памятникам, особенно архитектурным.

Доисторическая цивилизация, возникшая к югу от Мексики, широко известна как "майя", хотя майя, несомненно, были родственны ацтекам или ранним мексиканцам. Племена майя на Юкатане и в Гондурасе, судя по многочисленным свидетельствам, должны были достичь совершенства в доисторические времена, которое в некоторых отношениях превосходило ацтекское. В архитектуре они с самых ранних эпох были впереди не только ацтекских народов, но и всех американских рас.

На Юкатане майя оставили несколько замечательных останков в Маяпане, своей доисторической столице, и недалеко от нее в месте под названием Ушмаль, которое прославилось своими обширными и тщательно продуманными сооружениями,^[13], свидетельствующие об искусстве и науке, которые процветали в этом регионе за столетия до прихода испанцев. Главное здание в Ушмале имеет пирамидальную форму, основную конструкцию древних ацтекских храмов (а также храмов Халдеи и др.), состоящую из трех террас, облицованных тесаным камнем. Террасы имеют длину 575, 545 и 360 футов соответственно; с храмом на вершине, высотой 322 фута, и большим лестничным пролетом, ведущим к нему. Все здание окружено поясом богато изваянных фигур над карнизом. В Чичене, также на Юкатане, есть территория в две мили по периметру, полностью покрытая архитектурными руинами; многие крыши, по-видимому, состояли из каменных арок, выкрашенных в различные цвета. Одно здание необычной конструкции представляет загадку для всех путешественников: оно имеет более девяноста ярдов в длину и состоит из двух параллельных стен толщиной по десять ярдов каждая, расстояние между которыми также составляет десять ярдов. Было высказано предположение, что аномальное сооружение имело отношение к каким-то общественным играм, которыми горожане развлекались в тот давно забытый период. Среди других памятников архитектуры майя в этой стране - город Тулум на восточном побережье, укрепленный мощными стенами и квадратными башнями. Более примечательной "находкой" в густых лесах Чьяпаса, в той же стране, является город, описанный Стивенсом и другими путешественниками. Он находится недалеко от побережья, в том месте, где Кортес и его испанские солдаты передвигались в течение значительного времени, но, похоже, они никогда не видели великолепных руин и вообще не подозревали об их существовании. Даже если бы туземцы знали, испанцы, возможно, сочли бы труд по прокладыванию прохода через такие леса слишком трудоемким. Название города, который так долго был погребен под тропической растительностью, было совершенно неизвестно, и о нем не существовало никаких преданий; но когда его нашли, он назывался "Паленке" по названию ближайшей населенной деревни. Там были основательные и красивые здания с превосходной каменной кладкой и во многих случаях прекрасными скульптурами и иероглифическими фигурами.

Мерида, столица Юкатана, находится на месте доисторического города, название которого также стало неизвестным. При строительстве нынешнего города испанцы использовали древние здания как карьеры для добычи хороших камней.

Более крупные доисторические сооружения часто находятся на искусственных насыпях, вероятно, предназначенных для религиозных или церемониальных целей. Стены как внутри, так и снаружи искусно украшены, иногда символическими фигурами. Иногда можно увидеть

чиновников в церемониальных костюмах, которые, по-видимому, совершают религиозные обряды. Они часто сопровождаются надписями, выполненными низким рельефом, со своеобразными иероглифами майя, которые некоторые археологи называют "каменными иероглифами" (v. стр. 82).

На одной из алтарных плит близ Паленке находится скульптурная группа

из нескольких фигур, совершающих подношения центральному предмету в форме латинского креста. "Латинский, греческий и египетский крест или *tau* (T), очевидно, были священными символами для этого древнего народа, несущими некоторые религиозные значения, заимствованные из их собственного культа".^[14]

Крест часто встречается не только в скульптурах майя, но и в церемониале ацтеков. Испанские последователи Кортеса были поражены, увидев этот символ, используемый этими "варварами", как они их называли. Уинзор (i, 195) говорит, что крест майя, как было объяснено, означает "четыре стороны света, приносящие дождь, символ жизни и здоровья"; и снова "эмблема огня, действительно декоративная пожарная дрель".

Студенты, изучающие архитектуру, находят рудиментарную форму арки, встречающуюся в некоторых руинах, особенно в Паленке. Две стены возводятся параллельно друг другу, на некотором расстоянии друг от друга, затем в начале арки внутренние камни слоев с обеих сторон слегка выступают, каждый слой выступает немного больше предыдущего, пока на определенной высоте камни одной стены почти не соприкоснутся с камнями противоположной стены. Наконец, единственный плоский камень закрывает пространство между ними и завершает арку.

В Гондурасе, на берегах реки Копан, испанцы обнаружили лежащую в руинах доисторическую столицу на возвышенности, окруженную мощными стенами, сложенными из обработанных камней и окружающими большие группы зданий. Одно строение в основном состоит из огромных блоков полированного камня. В нескольких домах вся внешняя поверхность покрыта замысловатыми резными узорами:

Прилегающая земля покрыта скульптурными обелисками, колоннами и идолами, тонко обработанными камнями и блоками, украшенными искусно вырезанными фигурами характерных иероглифов майя, которые, если бы их можно было расшифровать, несомненно раскрыли бы историю этого странного и уединенного города.

На западе Гватемалы, в Утатле, древней столице киче, племени, родственного майя, до сих пор сохранилось несколько пирамид. Один из них высотой 120 футов, увенчанный каменной стеной, а на другой ведет лестница из девятнадцати ступеней, каждая высотой девятнадцать дюймов.

Литературные остатки (такие как алфавиты, иероглифы, рукописи и т.д.) народов майя и ацтеков в некоторых отношениях являются таким же ярким доказательством существования исчезнувших цивилизаций, как и любой из уже рассмотренных архитектурных памятников. И ацтеки, и майя Юкатана и Центральной Америки использовали графическое письмо, а иногда и несовершенную форму иероглифов. Самым элементарным видом был просто грубый набросок сцены или исторической группы, которую они хотели записать. Когда, например, Кортес впервые беседовал с посольными, отправленными Монтесумой, было замечено, как один из ацтеков зарисовывал одежду и внешний вид испанцев, а затем дополнял свой рисунок

красками. Даже в недавнее время индейцы фиксировали факты с помощью пиктограмм: в журнале Harper's Magazine (август 1902 г.) мы читаем, что "пиктограммы и раскрашенные камни числом более 3000 разбросаны по всей территории Соединенных Штатов, от Дайтон-Рок, Массачусетс (v. стр. 27, 28), до реки Керн-Каньон в Калифорнии и от мыса Флорида до реки Маус в Манитобе. Идентичность индейцев со своими древними прародителями дополнительно подтверждается реликвиями, погребальными обычаями, языковыми сходствами, растениями и овощами, а также примитивными промышленными и механическими искусстваами, которые оставались неизменными на протяжении веков". Пиктограммы реки Керн Каньон, согласно тому же автору, были начертаны на тамошних скалах "около пяти тысяч лет назад".

Более совершенная форма письма картинками часто встречается в надписях майя и других манускриптах. Представлены два объекта, названия которых, произносимые вместе, издадут звук, который наводит на мысль о названии, подлежащем записи или запоминанию. Таким образом, имя Гладстон может быть выражено таким образом двумя изображениями: на одном изображено смеющееся лицо (то есть "счастливый" или "обрадованный"), на другом - скала (то есть "камень"). Это точно такое же приспособление, которое используется для построения головоломки под названием "ребус".

Третья форма иероглифики заключалась в создании какого-либо условного знака или символа, обозначающего начальный звук записываемого имени. Такой знак или иероглиф фактически был бы "буквой"; и таким образом были созданы доисторические алфавиты не только у ранних майя на Юкатане и т.д., но и у доисторических народов Азии, таких как китайцы, хетты и т.д., а также у первобытных египтян. Многие скульптуры в Копане и Паленке, о которых мы упоминали, содержат пиктограммы и иероглифы. Испанский епископ Юкатана разработал алфавит майя, чтобы латинскими буквами передавать иероглифы на памятниках и рукописях; но требуется гораздо больше данных, прежде чем ученые смогут читать древние языки майя-ацтеков, как они смогли понимать египетские надписи или клинописные записи Вавилонии. Для американских иероглифов нам все еще не хватает второго Янга, или Шампольона.

Есть три известных манускрипта, написанных иероглифами майя:

1. Дрезденский кодекс, хранящийся в Королевской библиотеке этого города. Аббат Брассер назвал это "религиозным и астрологическим ритуалом".
2. Кодекс Троано в Мадриде, описанный в двух фолиантах аббатом Брассером.
3. Пересианский кодекс, названный по обертке, в которой он был найден, 1859 г., на которой стояло имя "Перес". Он также известен как Мексиканский кодекс.

В большом труде лорда Кингсборо о мексиканских древностях есть несколько рукописей майя, напечатанных в факсимильном виде, а другие - в книге М. Обена из Парижа.

Каждая группа букв в надписи майя заключена в неправильный овал, предположительно напоминающий поперечное сечение гальки; следовательно, термин *calculiform* (то есть "в форме гальки") применяется к их иероглифам, как *клинопись* (то есть "клиновидная") применяется к вавилонским и ассирийским буквам.

Бумага, которую доисторические мексиканцы (майя, ацтеки, тескуканцы и т.д.) использовали для письма и рисования, была растительного происхождения, подобно египетскому папирусу. Его готовили путем мацерации листьев *магуэя*, растения величайшей важности (v. стр. 94). Когда

поверхность бумаги была покрыта глазурью, буквы были нанесены яркими красками, двигаясь слева направо, как это делаем мы. Каждая книга представляла собой полоску бумаги длиной в несколько ярдов и шириной около десяти дюймов, не свернутую вокруг палочки, как тома древнего Рима, а сложенную зигзагообразно, как ширма. Защитные доски, на которых хранилась книга, часто были искусно вырезаны и раскрашены.

Темами обычных книг, насколько нам пока известно, были религиозные ритуалы, сны и пророчества, календарь, хронологические заметки, медицинские суеверия, предзнаменования брака и рождения. Письменный язык был распространен и широкоиспользовался для законной передачи и продажи собственности.

Одним из самых замечательных фактов, связанных с этой вымершей цивилизацией, была точность их календаря и хронологической системы. Их календарь фактически превосходил тот, что существовал тогда в Европе. У них было два года: один - для гражданских целей, продолжительностью в триста шестьдесят пять дней, разделенный на восемнадцать месяцев по двадцать дней, не считая пяти дополнительных дней; другой - ритуальный или церковный год, регулирующий общественные праздники. Гражданский год требовал добавления тринадцати дней в конце каждого пятидесяти двух лет, чтобы привести его в соответствие с ритуальным годом. Каждый месяц состоял из четырех недель по пять дней, но поскольку каждый из двадцати дней (образующих месяц) имел свое название, Гумбольдт пришел к выводу, что названия были заимствованы из доисторического календаря, использовавшегося в Индии и Татарии.

Уилсон ("Доисторический человек", i, 133) отмечает:

С помощью результатов туземной науки обитатели Мексиканского нагорья привели гражданское время в соответствие с солнечным настолько точно, что, когда испанцы высадились на их побережье, их собственное летоисчисление по нереформированному юлианскому календарю на самом деле отличалось от летоисчисления варварского народа, цивилизацию которого они так быстро стерли с лица земли.

В 1790 году на площади Мехико была найдена знаменитая реликвия - Мексиканский календарный камень, "один из самых поразительных памятников американской древности". Долгое время предполагалось, что она предназначалась для хронологических целей; но более поздние авторитеты называют ее обетной табличкой или жертвенным алтарем.^[15] Подобные круглые камни были выкопаны в других частях Мексики и на Юкатане.

И майя, и ацтеки преуспели в обычных искусствах цивилизованной жизни. О производстве бумаги уже говорилось. Хлопок был важным продуктом их земли, и они настолько хорошо разбирались в его прядении, крашении и ткачестве, что испанцы ошибочно приняли некоторые из самых изысканных тканей ацтеков за шелк. Они выращивали кукурузу, картофель, бананы и другие овощи. Как в Мексике, так и на Юкатане они изготавливали красивые изделия из перьев; обработка металла была не так важна, как в некоторых странах, в основном для декоративных целей. Фактически, именно сравнительное изобилие золота и серебра в Мексике задержало вторжение в страну майя более чем на двадцать лет. Майя в значительной степени развили торговлю до испанского вторжения и обменивались товарами с островом Куба. Соответственно, именно там Колумб впервые увидел этот народ и впервые услышал о Юкатане.

Из мексиканских останков на центральном плато наиболее заметным является курган или пирамида Чолула, хотя на нем сохранилось мало следов доисторического искусства. Сейчас на вершине возвышается современная церковь с куполом и двумя башнями, к которой ведет мощеная дорога. Во-первых, антиквары в основном отмечают, что первоначально это был великий храм Кецалькоатля, благодетельного божества, известного в легендах; и, во-вторых, из-за ожесточенной борьбы вокруг кургана и на склонах между мексиканцами и испанцами. (V. стр. 130-133.)

Другой курган в этом районе, Йохикалько, находится в семидесяти пяти милях к юго-западу от столицы. Он считается одним из лучших памятников исчезнувшей цивилизации, состоящий из пяти террас, поддерживаемых каменными стенами, и ранее увенчанный пирамидой.

Оставив следы цивилизации ацтеков и майя, мы можем теперь взглянуть на древности колумбийских государств. Здесь нет храмов или крупных сооружений, потому что местные жители до испанского завоевания использовали древесину для строительства, но из-за обилия золота в их ручьях и реках они развили мастерство в обработке золота и изготавливали изысканные украшения удивительной красоты. Было найдено много полых фигурок, очевидно, отлитых из форм, изображающих людей, зверей, птиц и т. Д. Резьба по камню также была искусством этой древней расы, иногда применявшимся для изготовления идолов с иероглифами.

Когда испанцы вторглись в Колумбию, чтобы забрать ее золото и драгоценные камни, "чибча", которые тогда владели колумбийским плоскогорьем и долинами, выбросили большое количество этих ценностей в озеро недалеко от столицы страны Боготы. Впоследствии была предпринята попытка извлечь эти сокровища путем слива воды, но была найдена лишь небольшая часть; и в текущем году (1903) была предпринята новая инженерная попытка. Испанский писатель в 1858 году утверждал, что в пещерах и шахтах были найдены свидетельства того, что в древние времена колумбийцы производили сплав золота, меди и железа, имеющий характер и твердость стали. На притоке реки Магдалена есть много любопытных каменных изображений, иногда с гротескно вырезанными лицами.

Обращаясь к строителям курганов в долине Огайо и верхней части Миссисипи, мы находим следы исчезнувшей цивилизации в виде высоких курганов, очевидно искусственных, обширных насыпей, широких глубоких рвов, пирамид с террасами и интересного разнообразия каменных орудий и керамики. Некоторые курганы предназначались для захоронений, другие - для жертвоприношений, третьи - опять же как площадки для строительства, подобные тем, которые мы видели в Мексике и у майя. Многие ограждения занимают более пятидесяти акров земли, а одна насыпь имеет пятьдесят миль в длину. Среди реликвий, связанных с этими работами, - керамические изделия, ножи и медные украшения, чеканное серебро, слюда, обсидиан, жемчуг, прекрасные скульптурные трубки, раковины и каменные орудия труда. Курганы, найденные в некоторых странах Персидского залива, по-видимому, подтверждают теорию о том, что строители курганов были предками индейцев чокто и их союзников и были вытеснены на юг.

В нижней части долины Миссисипи, к востоку от морского побережья, есть много крупных земляных сооружений, включая круглые и четырехугольные насыпи, насыпи, каналы и искусственные озера. Аналогичные работы можно проследить на южной оконечности Флориды. Некоторые из них были построены как площадки для больших зданий. Теперь известно, что

племена, которым они принадлежат, занимались земледелием, выращивая кукурузу, бобы и тыквы; этими продуктами и продуктами чейза они поддерживали значительное население.

Среди других памятников старины в Америке - дома на скалах и "пуэбло". Первая особенность объясняется глубокими каньонами сухого плоскогорья Колорадо. Представьте себе узкую глубокую выемку или траншею, вырытую водоносными потоками в твердой породе, достаточно глубокую, чтобы обеспечить русло ручья на глубине от 500 до 1500 футов ниже плато наверху. Затем представьте себе одну из пещер, которые вода много веков назад вымыла из перпендикулярных стен каньона; и в этой пещере находится прочное, хорошо сложенное сооружение из обтесанных камней, уложенных в прочный строительный раствор. Таковы "дома на скалах", иногда двухэтажные. Иногда на приметном выступе скалы рядом с жилым помещением находится сторожевая башня с маленькими окнами, выходящими на восток и север. Археологи полагают, что эти любопытные сооружения, хотя и являются в некотором смысле доисторическими, возникли позже испанского завоевания. Перу очень важна с археологической точки зрения, но некоторые интересные моменты по праву войдут в наш общий рассказ об этой стране и ее завоевании Испанией.

Чулпа или Каменная гробница

перуанцев.

В перуанской архитектуре мы находим "Циклопические стены" из многоугольных камней диаметром пять или шесть футов, настолько хорошо отполированных и подогнанных, что не требовался строительный раствор; иногда выступающая часть камня точно вписывается в соответствующую полость камня, находящуюся непосредственно над или под ним. Такие огромные камни сделаны из твердого гранита или базальта и т.д. Стены часто очень массивные и основательные, иногда от тридцати до сорока футов в толщину. Единственный подход к современной "арке" в перуанских сооружениях - это устройство, подобное тому, которое было описано в разделе архитектура майя.

Некоторые важные здания были окружены большими вертикальными камнями, похожими на знаменитый "друидический" храм в Стоунхендже. Все главные сооружения были точно расположены с привязкой к сторонам света, а главный вход всегда был обращен на восток. Перуанские гробницы были очень сложными, один из видов был сделан путем вырубки пещер в крутых обрывах Кордильер с последующим тщательным ограждением входа. Другая разновидность (*чулла*) на самом деле представляла собой каменную башню, возведенную над землей, высотой от двенадцати до тридцати футов. Чулпы иногда строились группами.

ГЛАВА V

МЕКСИКА ПЕРЕД ИСПАНСКИМ ВТОРЖЕНИЕМ

Ацтеки и тескуканцы были основными расами, населявшими огромное плоскогорье Анауак, включая, как мы видели, знаменитую Мексиканскую долину. В предыдущей главе мы изложили некоторые из ведущих моментов исчезнувшей цивилизации этих рас, а также цивилизации майя, которые в некоторых отношениях, возможно, превосходили королевства анауак.

Некоторые черты ранней мексиканской цивилизации предстанут перед нами, когда мы будем сопровождать европейских завоевателей в их походе по плоскогорью. Тем временем мы взглянем, во-первых, на географию этого великолепного региона, а во-вторых, на нравы и учреждения местных жителей, их промышленное искусство и т.д., а также на их ужасную религию. Последняя упомянутая тема уже частично обсуждалась в главе III.

Тропик Рака проходит через середину Мексики, и поэтому его южная половина, которая является наиболее важной, вся находится под палящим солнцем "знойной зоны". Однако эта теплота в значительной степени зависит от высоты поверхности над уровнем моря, поскольку страна, взятая в целом, представляет собой просто обширное плоскогорье. Высота равнины в двух центральных штатах, Мексике и Пуэбле, составляет 8000 футов, или примерно вдвое превышает среднюю высоту самых высоких вершин Британских островов. На западе республики находится непрерывная горная цепь, а на востоке плоскогорья тянется ряд горных групп, параллельных морскому побережью, с вершиной в Вера-Крус высотой более 13 400 футов. К югу от столицы неправильной формы хребет, протянувшийся на восток и запад, содержит эти замечательные вулканы: Колима высотой 14 400 футов; Джорулла, Попокатепетль высотой 17 800 футов; Орисаба (потухший) высотой 18 300 футов, самая высокая вершина в Мексике и, за исключением некоторых гор Аляски, в Северной Америке. Огромное плато-котловина, образовавшаяся вокруг столицы и ее озер, полностью окружена горами.

Это высокое плоскогорье имеет свой особый климат по сравнению с широким пространством, лежащим вдоль Атлантики. Следовательно, последний известен как горячий регион (*caliente*), а первый - холодный регион (*fria*). Между двумя климатами, когда путешественник поднимается от уровня моря к большому плато, находится умеренный регион (*темплада*), промежуточный пояс постоянной влажности, желанное спасение от жары и смертельной малярии жаркого региона с его "желчными лихорадками". Иногда, проезжая вдоль подножий вулканических гор, он бросает взгляд "вниз по какому-нибудь крутому склону или почти бездонному ущелью на обочине дороги, он видит, как их глубины сияют пышным цветом и эмалевой растительностью

тропиков". Этот контраст возникает из-за высоты, которую он сейчас набрал над жарким побережьем.

Климат на плоскогорье холодный только в относительном смысле, для европейцев он мягкий, средняя температура в столице составляет 60 °, редко опускаясь до точки замерзания. "Умеренные" склоны образуют "Рай Мексики" благодаря "мягкому климату, великолепным пейзажам и богатству субтропической растительности".

Законы ацтеков и тескуканцев хранились в государственных архивах и были публично представлены иероглифами. Все великие преступления против общества карались смертью, включая убийство раба. Рабы могли владеть собственностью, и все их сыновья были вольноотпущенниками. Кодекс в целом демонстрировал реальное уважение к ведущим принципам морали.

В Мексике, как и в древнем Египте,

солдат разделял со священником высочайшее уважение. Король должен быть опытным воином. Божеством-покровителем ацтеков был бог войны. Главной целью военных экспедиций было собрать гекатомбы пленников для его алтарей. Солдат, павший в бою, сразу же переносился в область невыразимого блаженства в ярких обителях солнца.... Таким образом, каждая война становилась крестовым походом; и воин не только прививался к презрению к опасности, но и искал ее, воодушевленный религиозным энтузиазмом, подобным энтузиазму ранних сарацин или христианских крестоносцев.

Армейские офицеры носили богатую и бросающуюся в глаза униформу — плотно облегающую тунику из стеганого хлопка, достаточную для отвода стрел коренных индейцев; кирасу (для старших офицеров) из тонких пластин золота или серебра; пальто или плащ из разноцветных перьев; шлемы из дерева или серебра с эффектными плюмажами, украшенные драгоценными камнями и золотыми украшениями. Их пояса, ошейники, браслеты и серьги также были из золота или серебра.

Саути в своем стихотворении так хвастает своим уэльским принцем Мэдоком:

Их кольчуги, если это можно было назвать кольчугой, были сотканы
из растительного пуха, похожего на тончайший лен,
отбеленный до белизны свежеснежного снега,
... Другие, занимавшие более высокие посты, были облачены в
нагрудники из перьев более великолепного оттенка,
Чем пестрое оперение горного петуха,
Чем сверкающая гордость фазанов. Но что это такое
Или что такое тонкая золотая кольчуга в отличие от
такого оружия, как наше, в бою?

Мэдок, i, 7.

Мы узнаем о древних мексиканцах, к их чести, что в крупных городах содержались больницы для лечения больных и раненых солдат, а также как постоянное убежище для инвалидов. Не

только это, говорит испанский историк, но и то, что "назначенные им хирурги были настолько лучше, чем в Европе, что они не затягивали лечение, чтобы увеличить зарплату".

Даже краснокожий лесной человек, как мы узнаем от Фенимора Купера и Кэтлина, благоговейно верит в Великого Духа, поддерживающего вселенную; и точно так же его более цивилизованный брат из Мексики, или Тецкоко, говорил о Верховном Творце, Повелителе Небес и Земли. В их молитвах были такие фразы:

Бог, которым мы живем, вездесущий, знающий все мысли, дающий все дары, без которого человек - ничто, невидимый, бестелесный, совершенного совершенства и чистоты, под крыльями которого мы находим покой и надежную защиту.

Прескотт, однако, отмечает, что, несмотря на такие атрибуты, "идея единства — существа, для которого воля — это действие, которому не нужны низшие служители для достижения своих целей, - была слишком простой или слишком обширной для их понимания; и они, как обычно, искали утешения во множестве божеств, которые управляли стихиями, сменой времен года и различными занятиями человека".

На самом деле, ацтеки верили в тринадцать *главных существ* и более 200 *второстепенных*. Каждому из них в календаре был отведен особый день с соответствующим праздником. Главным из них было кровожадное чудовище *Уицилопочтли*, отвратительный бог войны — божество-покровитель нации. В столице был воздвигнут огромный храм, посвященный ему, и на великом алтаре перед его изображением там, и на всех его алтарях по всей империи постоянно лилась зловонная кровь тысяч человеческих жертв.

Ужасное название этого мексиканского Марса сильно озадачило знатоков этого языка. Согласно одной из версий, это имя состоит из двух слов: *колибри* и *слева*, потому что на левой ноге его изображения изображены перья этой птицы. Прескотт, естественно, считает, что это "слишком приятная этимология для столь негодяйского божества". Другое имя бога войны, *Мекситл* (то есть "заяц алоэ"), гораздо более известно, потому что от него происходит знакомое название столицы.

Кецалькоатль.

Бог воздуха, *Кецалькоатль*, благодетельное божество, научившее мексиканцев обращению с металлами, сельскому хозяйству и искусству управления. Прескотт отмечает , что

он, несомненно, был одним из тех благодетелей своего вида, которые были обожествлены благодарностью потомков.

Среди мексиканцев сохранилось замечательное предание о Кецалькоатле, что он был королем, а затем богом, и у него был храм, посвященный его поклонению в Чолуле[16] когда он направлялся в Мексиканский залив. Отправившись туда, он долго прощался со своим народом, пообещав, что он и его потомки еще не раз посетят его. Ожидание его возвращения подготовило почву для успеха высоких белокожих захватчиков.

В сельском хозяйстве ацтеков основным растением была, конечно же, кукуруза или индийская кукуруза. Гумбольдт рассказывает нам, что во времена конкисты его выращивали по всей Америке, от юга Чили до реки Святого Лаврентия; и он до сих пор распространен в Новом Свете. Другими важными растениями на земле ацтеков были *банан*, который (согласно одному испанскому писателю) был запретным плодом, соблазнившем нашу бедную мать Еву; *какао*, из плодов которого получается ценный шоколад; *ваниль*, используемая для ароматизации; и, что важнее всего, *магуэй*, или мексиканское алоэ, которое высоко ценится за то, что из его листьев

изготавливают бумагу, а его сок путем ферментации становится национальным опьяняющим средством "пульке". *Магуэй*, или большое мексиканское алоэ, произрастающее по всему плоскогорью, называют "чудом природы": из него производят не только *пульке*, но и *солему* для хижин, из его жестких волокон делают *нити* и *шнуры*, из колючек, которые растут на листьях, - *булавки* и *иглы*, из его корней - отличную *пищу*, а из листьев - *писчую бумагу*. Один писатель, рассказав о том, что "пульке" готовят из "магуи", добавляет: "из того, что остается от этих листьев, изготавливают превосходную и очень тонкую ткань, напоминающую голландию или тончайший лен".

The *Ицтли*, ранее упоминавшийся как используемый при жертвоприношениях исполняющим обязанности жрецом, был "обсидианом", темным прозрачным минералом высочайшей твердости, и поэтому его можно использовать для изготовления ножей и бритв. Мексиканский меч был зазубренным, причем мечи самого высокого качества, конечно же, были заточены ицтли. Скульптурные фигуры изобиловали в каждом ацтекском храме и городе, но по дизайну сильно уступали древним образцам Египта и Вавилонии, не говоря уже о Греции. Замечательная коллекция их скульптурных изображений была собрана на *площади* или великой площади Мексики - форуме ацтеков - и подобных местах. Со времен испанского вторжения разрушение местных произведений искусства было непрерывным и безжалостным. "Два знаменитых барельефа последнего Монтесумы и его отца, - говорит Прескотт, - высеченные в цельной скале в прекрасных рощах Чаполтепека, были намеренно уничтожены еще в прошлом веке [то есть в восемнадцатом] по приказу правительства". Далее он замечает:

Эта бессмысленность разрушения вызывает горькую неприязнь испанского писателя-мученика, чей просвещенный ум уважал остатки цивилизации, где бы они ни находились. "Завоеватели, - говорит он, - редко ремонтировали здания, которые они разрушили; они скорее разграбили бы двадцать величественных городов, чем воздвигли одно хорошее здание".

Мексиканцы доколумбовой эпохи унаследовали практические знания в области механики и инженерного дела. Календарный камень, например (о котором говорилось в предыдущей главе), масса темного порфира весом около пятидесяти тонн, был перевезен на расстояние многих лиг от гор за озером Чалко по пересеченной реками и каналами местности. В проходе под его весом разрушился мост через канал, и тяжелый камень пришлось поднимать из воды под ним. С такими препятствиями, без помощи лошадей или крупного рогатого скота, как можно было осуществить такой транспорт? Возможно, механическое мастерство их строителей и инженеров позволило создать какой-нибудь трамвай или другое оборудование. У одного английского путешественника было любопытное предложение:

Латроб прекрасно совмещает чудеса природы и искусства, предполагая, что эти огромные каменные глыбы были перевезены с помощью мастодонта, останки которого время от времени находят в Мексиканской долине.

Мексиканцы ткали множество видов хлопчатобумажной ткани, иногда используя в качестве красителя насыщенный малиновый цвет насекомого кошенили. Они делали более дорогую ткань, вплетая в хлопок тонкую шерсть кроликов и других животных; иногда вышивая красивыми узорами из цветов и птиц и т.д. Особое искусство ацтекского ткача заключалось в работе с пером, которое, будучи привезенным в Европу, вызвало высочайшее восхищение:

С помощью перьев они могли бы создать эффект красивой мозаики. Великолепное оперение тропических птиц, особенно из племени попугаев, обеспечивало всевозможное разнообразие окраски, а тонкий пух колибри, которые стаями летали средизарослей жимолости в Мексике, придавал им мягкие воздушные оттенки, придававшие картине изысканную завершенность. Из перьев, наклеенных на тонкую хлопчатобумажную ткань, делали платья для богатых, драпировки для квартир и украшения для храмов.

Когда некоторые мексиканские работы из перьев были показаны в Страсбурге: "Никогда, - говорит один поклонник, - я не видел ничего столь изысканного по яркости, приятным оттенкам цвета и красоте рисунка. Ни один европейский художник не смог бы создать такую вещь".

Вместо магазинов у ацтеков в каждом городе были рыночные площади, где ярмарки проводились каждый пятый день, то есть раз в неделю. У каждого товара была определенная четверть, и торговля осуществлялась частично по бартеру, а частично с использованием в качестве денег следующих предметов: кусочков олова в форме египетского креста (Т), мешочков какао с определенным количеством зерен и, при больших суммах, перьев с золотой пылью.

К замужним женщинам у ацтеков мужа относились доброжелательно и уважительно. Женскими занятиями были прядение, вышивание и т.д., как у древних греков, во время прослушивания баллад и любовных историй, рассказываемых их служанками и музыкантами (Рамузио, iii, 305).

На банкетах и других общественных развлечениях женщины принимали равное участие с мужчинами. Иногда празднества были масштабными, с дорогостоящими приготовлениями и многочисленной свитой. Мексиканцы, древние и современные, всегда страстно любили цветы, и по торжественным случаям залы и дворы не только в изобилии усыпались и украшались цветами всех оттенков и сладким ароматом, но и благовониями наполнялась каждая комната. Рассаживаясь, гости обнаружили перед собой кувшины с водой и хлопчатобумажные салфетки, поскольку мытье рук как до, так и после еды было национальной привычкой, почти религиозной обязанностью.^[17] Современные европейцы считают, что табак был завезен из Америки во времена королевы Изабеллы и королевы Елизаветы, но задолго до этого периода ацтеки на своих банкетах предлагали компании "ароматную травку" "в трубках, смешанных с ароматическими веществами, или в форме сигар, вставленных в трубки из панциря черепахи или серебра". Перекур после ужина, без сомнения, предшествовал *сиесте* или дремоте "сорок подмигиваний". Неизвестно, ценили ли ацтекские дамы, как и их потомки в современной Мексике, *yetl*, как мексиканцы называли "табак". Наше слово пришло от аборигенов Хайти, одного из островов, открытых Колумбом.

Столы ацтеков изобиловали вкусной едой — различными блюдами из мяса, особенно из дичи, домашней птицы и рыбы. Индейка, например, была завезена в Европу из Мексики, хотя по глупости предполагалось, что она пришла из Азии. Французы назвали его *coq d'Inde*,^[18] "индийский петух", что означает американский, но обычный слушатель предположил, что *d'Inde* означает из Индостана. Ошибка возникла из-за неправильного употребления слова "индеец", впервые допущенного Колумбом, как мы объясняли ранее.

Повара-ацтеки заправляли свои яства различными соусами и приправами, за более солидными блюдами следовали фрукты многих видов, а также сладости и выпечка. Использовались даже

жаровни. Помимо разнообразных красивых цветов, которые украшали стол, на нем стояли скульптурные вазы из серебра, а иногда и золота. За столом

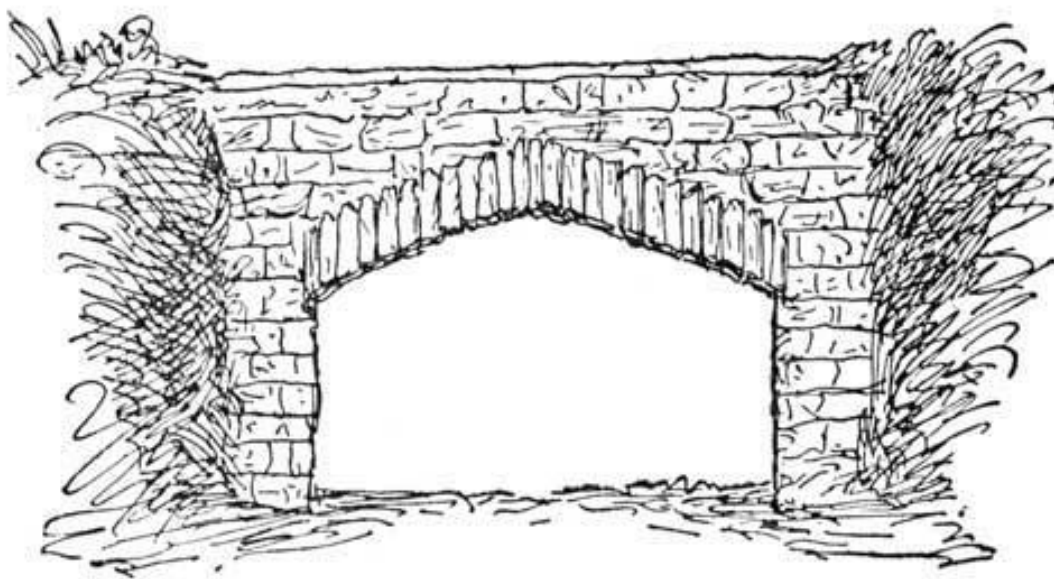
любимым напитком был *шоколад*, приправленный ванилью и различными специями. Ферментированный сок магуэя со смесью сладостей и кислот давал также различные приятные напитки разной степени крепости.

Когда молодые мексиканцы обоего пола развлекались танцами, люди постарше оставались на своих местах, чтобы насладиться *пульке* и посплетничать или послушать выступление какого-нибудь важного гостя. Музыка, сопровождавшая танцы, часто была мягкой и довольно жалобной.

Ранние мексиканцы включали в себя тецкуканцев, а также собственно ацтеков; и поскольку их столицы находились на одном озере и обе расы были близкородственными, мы можем посвятить некоторое место этим алкохуанцам, или восточным ацтекам. Их цивилизация в некоторых отношениях превосходила цивилизацию западных ацтеков, и Несауал-койотль, их величайший принц, заключил союз с западным государством, а затем преобразовал различные департаменты своего правительства. У него был военный совет, другой - финансовый и третий - судебный.

Замечательным учреждением при короле Несауале-койотле был "Музыкальный совет", призванный содействовать изучению науки и практике искусства.

Тецкоко, по сути, стал рассадником не только тех наук, которые могли быть изучены учеными того периода, но и различных полезных и декоративных искусств. "Его историки, ораторы и поэты были прославлены по всей стране.... Его идиома, более изысканная, чем мексиканская, еще долго после завоевания оставалась той, на которой были написаны лучшие произведения коренных народов. Тецкоко был Афинами Западного мира.... Среди самых прославленных ее бардов был сам их король. Испанский писатель добавляет, что именно к восточным ацтекам знатные люди посылали своих сыновей "изучать поэзию, моральную философию, языческое богословие, астрономию, медицину и историю".

Древний мост

недалеко от Тецкоко.

Самая замечательная проблема, связанная с древней Мексикой, заключается в том, как совместить общую утонченность и цивилизацию с человеческими жертвоприношениями. Там не было города, но были свои храмы в общественных местах, с лестницами, явно ведущими к жертвенному камню, которые всегда стояли наготове перед каким—нибудь отвратительным идолом или чем-то другим - как уже описано.

Во всех странах устраивались публичные представления с кровопролитием, не только как у гладиаторов в древнем цирке —

разделанный, чтобы устроить римские каникулы,

или турниры средневековья, но в боях на призовом ринге и публичных казнях топором или гильотиной, эпохи, которая только уходит в прошлое. Тысячи людей, погибших за религиозные идеи от рук Священной Римской инквизиции, не должны быть упущены из виду испанскими писателями, которые так возмущены тем, что Монтесума и его священники принесли в жертву десятки тысяч людей под предлогом языческой религии. Тот самый день, когда мы пишем эти слова, 18 августа, является годовщиной последнего приговора об обезглавливании, вынесенного нашей Палатой лордов. После этого приговора трое шотландских "якобитов" были расстреляны на Тауэр-Хилл, где их останки до сих пор покоятся в часовне неподалеку. Совсем недавно, в 1873 году, персидский шах, находясь в качестве гостя в Букингемском дворце, был поражен, обнаружив, что законы Великобритании не позволяют ему лишить жизни пятерых своих придворных. Их только что признали виновными в каком-то незначительном нарушении персидского этикета. В прошлом или позапрошлом поколении, как в Англии, так и в Шотландии, сельский школьный учитель в определенный день убирал классную комнату, чтобы дети и их друзья могли насладиться зрелищем того, как все охотничьи петухи прихода один за другим истекают кровью на полу, будучи либо поражены шпорой в мозг, либо ранены до мучительной смерти. Когда Джеймс Босуэлл и другие регулярно посещали представления Тайберна и иногда подбадривали несчастную жертву, если она "умирала дичью", философ не удивится, увидев население какого-нибудь города древней Мексики, толпящееся вокруг великого храма и жадно

наблюдающее за кровавым жертвоприношением, совершаемым с полного разрешения священства и короля.

Первобытные религии произошли от поклонения солнцу, и поскольку огонь является ближайшим представителем солнца, казалось необходимым *сжигать* жертву, приносимую в жертву. В Карфагене, великой финикийской колонии, детей безжалостно приносили в жертву богу Тира Мелькарту. "Мелькарт" - это просто *Мелех Кириаф* (то есть "Царь города"), и поэтому он идентичен "Молоху" или "Молеху" аммонитян, моавитян и израэлитов. В самую раннюю доисторическую эпоху дети Аммона, Моава и Израиля, по-видимому, были настолько близки друг другу, что исповедовали практически одну и ту же религию и поклонялись одним и тем же идолам. Племенной бог изначально был богом Сирии или Ханаана. Более чем в дюжине мест Ветхого Завета мы находим обвинения евреев в сожжении своих детей или передаче их через огонь богу солнца, но древние мексиканцы не сжигали своих жертв, и *ни в коем случае жертвами не были их собственные дети*. Жертвами были пленники, взятые на войне, или лица, осужденные за преступления; и, таким образом, мексиканцы были намного превзойдены в жестокости теми расами, которые родственны евреям и которые так сильно осуждаются священными писателями, например:

Иосия ... осквернил Тофет, чтобы никто не мог провести сына своего или дочь свою через огонь к Молоху (2 Царств xxiii, 10).

Они построили также высоты, чтобы сжигать своих сыновей огнем для всесожжений (Иер. xix, 5).

Да, они проливали невинную кровь, даже кровь своих сыновей и дочерей, которых они приносили в жертву идолам Ханаана (Пс. cvi, 37).

То, что отец должен принести своего собственного ребенка в жертву богу солнца или любому другому, было бы для кроткого и кроткого ацтека слишком ужасной концепцией. Европейское сознание потрясает огромное количество принесенных в жертву, но для населения, наслаждающегося зрелищем, жертвы были врагами короля или преступниками, заслуживающими казни.

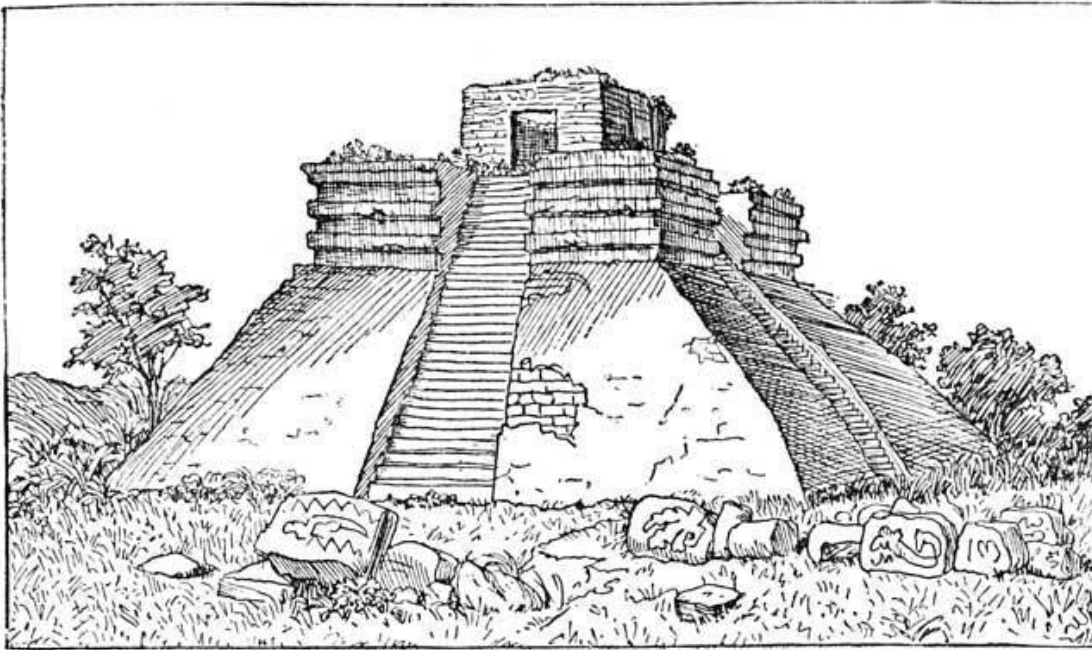
Возможно, более трудной проблемой является объяснение того, как столь цивилизованное сообщество, каким, несомненно, были расы ацтеков, могло с самодовольством взирать на любого, кто пробует блюдо, приготовленное из какой-либо части пленника, взятого им в бою. Это не только отталкивающая идея, но и кажется невозможным. Однако многое зависит как от точки зрения, так и от атмосферы. По мнению археологов, все первобытные расы людей могли в крайнем случае питаться человеческим мясом, но по прошествии многих поколений научились лучше обходиться без него. Возможно, мы просто переросли эту тягу, пока, наконец, не назовем ее неестественной, тогда как древние мексиканцы, при всем их богатстве пищи, изощрялись в ней. Давайте снова обратимся к Ветхому Завету:

Ты взял сыновей твоих и дочерей твоих и принес их в жертву на съедение (Иез. xvi, 20).

... заставили своих сыновей пройти за них через огонь, чтобы пожрать их (Иез. xxiii, 37).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что у ранних народов Ханаана (включая Израиль), а также у первобытных ацтеков было привилегией и религиозным обычаем вкушать часть любого принесенного жертвоприношения.

У любого, кто изучал древнейшие памятники человечества, не может быть особых сомнений в том, что все расы занимались каннибализмом не только в ту чрезвычайно отдаленную эпоху, называемую палеолитом, но и в сравнительно недавние, хотя все еще доисторические времена. "Это ясно доказывается количеством человеческих костей, главным образом женских и молодых людей, которые были найдены обугленными в огне и вскрытыми для извлечения костного мозга". Такие обугленные кости часто сохранялись в пещерах, как, например, в Шале в Бельгии, где в некоторых случаях они встречались "в таком количестве, что указывают на то, что они были ареной каннибальских пиршеств".

Теокалли,

ацтекский храм для человеческих жертвоприношений.

Сохранение человеческих жертвоприношений у ацтеков с сопутствующими им следами каннибализма объяснялось дикостью, присущей их индейской расе, существовавшей долгое время; точно так же, как в греческой драме, когда этот древний народ достиг высокого уровня культуры и утонченности, жертвоприношение человеческой жизни, иногда принцессы или другой выдающейся героини, не было редкостью. Мы помним Поликсену, девственную дочь Гекубы, которую ее собственный народ решил принести в жертву на могиле Ахилла; и ее трогательную храбрость, когда она просит греков не связывать ее, стыдясь, по ее словам, "того, что она жила принцессой, чтобы умереть рабыней". Более известный пример - Ифигения, столь любимая своим отцом, царем Агамемноном, и все же ставшая им жертвой в государственных и религиозных целях.

Из греческой драмы человеческие жертвоприношения часто переходили в римскую; и такой утонченный критик, как Гораций, не возражает против этого, а лишь предполагает, что кровопролитие должно совершаться за кулисами. В пьесе Сенеки "Медея" (цитируется во Введении) это правило было грубо нарушено, поскольку их героическая мать перерезает горло детям на глазах у зрителей. В том же отрывке (Ars Poët., 185, 186) Гораций запрещает готовить пир из человеческого мяса на глазах у публики, как это было сделано в пьесе, написанной римским поэтом Эннием. Религиозное принесение человеческих жертв "друидами" или жрецами древней Галлии и Британии кажется в точности параллельным массовым казням на

мексиканском *теокаллисе*, поскольку несчастные жертвы, которых наши кельтские предки упаковывали для сожжения в эти огромные плетеные идолы, были пленниками, взятыми в бою, подобно тем, кого растягивали на убой на мексиканском жертвенном камне.

Человеческие жертвоприношения были настолько обычным явлением в цивилизованном Риме, что только в первом веке до нашей эры был принят закон, прямо запрещающий их (Плиний, Hist. Nat., xxx, 3, 4).

ГЛАВА VI

ПРИБЫТИЕ ИСПАНЦЕВ

"Новое рождение" мира, которое характеризовало конец пятнадцатого века, оказало огромное влияние на Испанию. Ее королева, "великая католичка Изабелла", оказав помощь Колумбу, многое сделала в великом открытии Западного мира. Испания быстро получила существенную награду в виде безграничных богатств, посыпавшихся к ней в руки, и богатые колонии присоединились к ее владениям. Таким образом, в начале шестнадцатого века новая объединенная Испания, образованная союзом двух королевств, Кастилии и Арагона, стала самым богатым и величайшим из всех европейских государств.

Испанские губернаторы в Вест-Индии, стремившиеся основать новые колонии во имя испанского короля, поощряли завоевания и аннексии во всех направлениях. Когда Куба и Хайти были захвачены и присоединены к Испании, не без большого несправедливого обращения с простыми туземцами, как мы видели, они стали операционными центрами, откуда можно было отправлять экспедиции на Тринидад или любой другой остров, в Панаму, на Юкатан, или Флориду, или любую другую часть континента. После чудесного опыта Грихальвы на Юкатане, который тогда считался островом, и его сообщения о том, что его жители были вполне цивилизованным сообществом по сравнению с коренными жителями островов, Веласкес, губернатор Кубы, решил немедленно вторгнуться в новую страну с целью аннексии и грабежа.

Веласкес подготовил для этого большую экспедицию, состоящую из одиннадцати кораблей с более чем 600 вооруженными людьми на борту, и после долгих раздумий выбрал командиром Фернандо Кортеса. Кем был этот Кортес, которому благодаря своему военному гению и беспринципной политике суждено было сравниться с Ганнибалом или Юлием Цезарем у древних и с Клайвом или Наполеоном Бонапартом у современников? Веласкес хорошо знал его как одного из своих подчиненных во время жестокого завоевания Кубы; до этого Кортес отличился в Хайти как энергичный и опытный офицер. Стремительный и вспыльчивый характер, который он научился тщательно сохранять в командовании, характеризовал его качеством, которым обладают все гениальные командиры, - "искусством завоевывать доверие и управлять умами людей". В юности в Испании он учился на юриста в Университете Саламанки; и в некоторых его выступлениях по критическим поводам можно найти определенные следы его академической подготовки в виде ловких аргументов и умных апелляций.

Другими качествами офицера были его мужественная и привлекательная внешность, приветливые манеры в сочетании с "необычайным мастерством во всех боевых упражнениях и телосложением такой силы, что оно способно выдержать любую усталость".

Кортес, рассматривая поручение губернатора Веласкеса, был слишком проницателен, чтобы не осознавать важности своей новой должности. "Великий адмирал", имея в виду открытие Нового Света, сказал: "Я только открыл дверь для того, чтобы другие могли войти"; и Кортес сознавал, что сейчас самый подходящий момент для этого входа. Преисполненный безграничных амбиций, он оказался на высоте положения.

Веласкес несколько лицемерно делал вид, что целью, которую он имел в виду, был всего лишь товарообмен с туземцами Новой Испании — так Грехальва назвал Юкатан и соседнюю страну. Он приказал Кортесу

произвести впечатление на туземцев величием и добротой своего царственного господина; призвать их присягнуть ему на верность и продемонстрировать это, преподнеся ему такие приятные подарки из золота, жемчуга и драгоценных камней, которые, проявив их собственную добрую волю, обеспечили бы его благосклонность и защиту.

Собирая свои силы для новой экспедиции, Кортес обнаружил, что у него нет моряков, 553 солдата, не считая 200 индейцев острова; десять тяжелых орудий, четыре более легких, называемых фальконетами. У него также было шестнадцать лошадей, и он знал, как эффективен даже небольшой отряд кавалерии в борьбе с дикарями. 18 февраля 1519 года Кортес отплыл на одиннадцати судах к берегам Юкатана.

Высадившись в Табаско, где Грехальва нашел туземцев дружелюбными, Кортес обнаружил, что жители Юкатана решили выступить против него и вскоре собрались в большом количестве. Результат сражения, однако, был, естественно, предreshен, отчасти из-за "изумления и ужаса, вызванных разрушительным действием" европейского огнестрельного оружия и "чудовищным появлением" людей на лошадях. Таких четвероногих они никогда раньше не видели и пришли к выводу, что всадник и его лошадь представляли собой одно необъяснимое животное. Гомара и другие хронисты рассказывают, как святой Иаков, покровитель Испании, появился в строю на сером коне и привел христиан к победе над язычниками.

Особенно удачным для Кортеса было то, что среди рабынь, представленных после этой битвы, была одна с замечательным умом, которая понимала языки ацтеков и майя и вскоре выучила испанский. Она оказалась бесценной для Кортеса как переводчица и впоследствии участвовала во всех его кампаниях. Обычно ее зовут Марина.

Если верить испанским источникам, утверждающим, что туземная армия состояла из пяти эскадронов по 8000 человек в каждом, то эта победа является одной из самых замечательных в истории, как доказательство ценности пороха по сравнению с примитивными луками и стрелами. Простым американцам казалось, что ужасные захватчики на самом деле владеют громом и молнией. На следующий день Кортес договорился с вождями и, когда доверие было восстановлено, спросил, откуда у них золото. Они указали на возвышенности на западе и сказали *Кулхуа*, имея в виду Мексику.

Приближалось Вербное воскресенье, и обращение "язычников" было должным образом отпраздновано помпезным и торжественным церемониалом. Армия двигалась процессией со священниками во главе, сопровождаемая толпами индейцев обоего пола, пока не достигла главного храма. При строительстве нового алтаря изображение главенствующего божества было снято со своего места и опущено, чтобы освободить место для изображения Девы, несущей младенца Спасителя.

Теперь Кортес узнал, что столица Мексиканской империи находилась на горных равнинах почти в семидесяти лигах от материка и что правителем был великий и могущественный Монтесума.

Утром Страстной пятницы Кортес высадился на месте города Вера-Крус, который после завоевания Мексики быстро превратился в процветающий морской порт, превратившись в торговую столицу Новой Испании. Между Кортесом и Теутлиле, вождем ацтеков, состоялась дружеская беседа, который спросил, из какой страны прибыли незнакомцы и зачем они пришли.

"Я слуга, - ответил Кортес, - могущественного монарха за морями, который правит огромной империей, имея в вассалах королей и принцев. Поскольку мой господин услышал о величии мексиканского императора, он пожелал, чтобы я вступил с ним в сношения, и отправил меня в качестве посланника к Монтесуме с подарком в знак доброй воли и с посланием, которое я должен передать лично. Когда я могу быть допущен к вашему государю?"

Вождь ацтеков ответил с достоинством: "Как получилось, что ты пробыл здесь всего два дня и требуешь встречи с императором? Если найдется другой монарх, столь же могущественный, как Монтесума, я не сомневаюсь, что мой господин будет счастлив обменяться любезностями."

Рабы Теутлиле, представленные Кортесу

десять тюков тончайшего хлопка, несколько накидок из того необычного пера, чьи богатые и нежные краски могли соперничать с самой красивой росписью, и плетеная корзина, наполненная украшениями из кованого золота, - все рассчитано на то, чтобы внушить испанцам высокие представления о богатстве и механической изобретательности мексиканцев.

Должным образом выразив свою благодарность, Кортес затем положил перед вождем ацтеков подарки, предназначенные Монтесуме. Это были "кресло, богато украшенное резьбой и росписью; малиновый колпак с золотой медалью, украшенной Святым Георгием и Драконом; ошейники, браслеты и другие украшения из граненого стекла, которые в стране, где стекло было неизвестно, могли претендовать на ценность настоящих драгоценных камней".

Во время интервью Теутлиле с любопытством наблюдал за блестящим позолоченным шлемом, который носил солдат, и сказал, что он был точно таким же, как у Кецалькоатля. "Кто он?" - спросил Кортес. "Кецалькоатль - это бог, о котором у ацтеков есть пророчество, что он вернется к ним через море". Кортес пообещал отослать шлем Монтесуме и выразил пожелание, чтобы его вернули наполненным золотой пылью ацтеков, чтобы он мог сравнить ее с испанской золотой пылью!

Один из присутствовавших репортеров говорит:

Далее он сказал губернатору Теутлиле, что испанцев беспокоит болезнь сердца, от которой золото является специфическим лекарством!

Еще одним эпизодом этого примечательного интервью было то, что Кортес заметил, как один из сопровождающих-мексиканцев что-то писал карандашом. Это был художник, зарисовывающий внешность незнакомцев, их одежду, руки и позу, и дополняющий картину цветными штрихами. Пораженный идеей быть представленным мексиканскому монарху таким образом, Кортес приказал кавалерии потренироваться на пляже перед артистами.

Смелые и быстрые движения войск, ... очевидная легкость, с которой они управлялись с огненными животными, на которых были верхом, блеск их оружия и пронзительный крик трубы - все это наполнило зрителей изумлением; но когда они услышали грохот пушек, которые Кортес приказал стрелять одновременно, и увидели клубы дыма и пламени, вырывающиеся из этих ужасных машин, и свист ядер, когда они проносились сквозь деревья соседнего леса, разламывая их ветви на куски, они были поражены. ужас и изумление, от которых сам вождь ацтеков не был полностью свободен.

Все это было точно скопировано авторами картин, насколько позволяло их искусство, в набросках и ярких красках. Они также записали корабли чужаков — "дома на воде", как их называли, - чьи темные корпуса и белоснежные паруса покачивались на якоре в бухте.

Тем временем, что делал Монтесума, этот печальный[19] и надменный император Мексики, страны ацтеков и тецуканцев? В начале своего правления он, как опытный полководец, повел свои армии до Гондураса и Никарагуа, расширив границы империи, так что теперь она достигла максимума.

Тецкоко, братский Мексике штат, в последнее время проявлял враждебность к Монтесуме, и еще более грозной была республика Тласкала, лежащая между его столицей и побережьем. Чудеса и пророчества теперь начали затрагивать все классы населения Мексиканской долины. Все говорили о возвращении из-за моря популярного бога Кецалькоатля, светлогокожего и длинноволосого (стр. 93). Уже целое поколение прошло с тех пор, как появились первые слухи о том, что белые люди на огромных таинственных кораблях, несущих в своих руках гром и молнию, захватывают острова и вскоре должны захватить материк.

Неудивительно, что Монтесума, суровый, деспотичный и разочарованный, был встревожен известием о высадке Грихальвы, и еще больше встревожен, услышав о флоте и армии Кортеса и увидев их всадников, изображенных его художниками, — все это сопровождалось преувеличенными описаниями пушек, способных производить гром и молнию. Посоветовавшись, Монтесума решил отправить посольство к Кортесу, преподнеся ему подарок, который должен был отражать несравненное величие и ресурсы Мексики, и в то же время запретить приближаться к столице.

Губернатора Теутлиле в этом втором посольстве сопровождали два ацтекских вельможи и 100 рабов, которые несли Кортесу подарок от Монтесумы. Когда они вошли в павильон испанского генерала, воздух наполнился облаками благовоний, которые поднимались из кадилок, которые несли несколько слуг.

Затем были раскатаны циновки искусной работы, и на них рабы разложили различные изделия: ... щиты, шлемы, кирасы, украшенные пластинами и орнаментами из чистого золота; ошейники и браслеты из того же металла, сандалии, веера и гребни из разноцветных перьев, перевитые золотой и серебряной нитью и усыпанные жемчугом и драгоценными камнями; имитации птиц и животных из кованого золота и серебра изысканной работы; занавески, покрывала и одежды из хлопка, тонкого, как шелк, богатых и разнообразных красок, с вышивкой из перьев. это соперничало с изяществом живописи.... Предметами, вызывавшими наибольшее восхищение, были две круглые пластины из золота и серебра, "величиной с колеса кареты"; одна, изображавшая солнце,

была богато украшена растениями и животными. Он был тридцати ладоней в окружности и стоил около 52 500 фунтов стерлингов.[20]

Кортесу было интересно увидеть, как ему вернули солдатский шлем, до краев усыпанный золотыми крупинками. Вежливое послание Монтесумы, однако, не слишком обрадовало его. Монтесума отказался от личной беседы, сославшись на "слишком большое расстояние, а путешествие сопряжено с трудностями и опасностями со стороны грозных врагов.... Поэтому все, что можно было сделать, - это заставить чужеземцев вернуться на свою землю".

Вскоре после этого Кортес, проявив своего рода государственную мудрость, сформировал новый муниципалитет, превратив таким образом свой лагерь в гражданское сообщество. Новый город был назван *Вилья-Рика-де-Вера-Крус*, то есть "Богатый город Истинного Креста". Как только муниципалитет был сформирован, Кортес сложил перед ними свою должность генерал-капитана и, таким образом, освободился от власти Веласкеса. Городской совет сразу же избрал Кортеса генеральным капитаном и главным судьей колонии. Теперь он мог действовать беспрепятственно ни перед кем, кроме короны.

Это было отчаянное предприятие - подняться с армией из жаркого региона этого плоского побережья через разнообразную последовательность "склонов", образующих умеренный регион, и, наконец, по высокому плоскогорью попасть в огромную замкнутую долину Мексики. Кортес пришел к выводу, что важным предварительным условием было заручиться дружбой тотонаков, народа, подчинявшегося Монтесуме. В их подчинении ацтекам он уже убедился, поскольку однажды, проводя совещание с вождями тотонаков и соседним казике (то есть "принцем"), Кортес увидел, как пятеро мужчин надменной наружности вошли на рыночную площадь в сопровождении нескольких слуг и сразу же удостоились самого вежливого внимания со стороны тотонаков.

Кортес спросил Марину, свою рабыню-переводчицу, кто или что это были. "Это знатные ацтеки, - ответила она, - присланные Монтесумой за данью". Вскоре вожди тотонаков явились к Кортесу с выражением крайнего смущения на лицах, чтобы сообщить ему о том, что великий император возмущен развлечением, предложенным испанцам, и требует в качестве искупления двадцать молодых мужчин и женщин для принесения в жертву ацтекским богам.

Кортес, всем своим видом выражая негодование, настаивал на том, что тотонаки должны не только отказаться подчиниться, но и схватить посланцев ацтеков и строго держать их в тюрьме. Беспринципный в достижении своих целей, Кортес с помощью лжи и хитрого двуличия сумел освободить мексиканскую знать, отправив их в отставку дружеским посланием Монтесуме, и в то же время заручился доверием простодушных тотонаков, убеждая их присоединиться к испанцам и предпринять смелые усилия по восстановлению своей независимости. Некоторые думали, что Кортес на самом деле был добрым божеством Кецалькоатлем, которому пророки обещали принести свободу и счастье.

В качестве примера религиозного энтузиазма испанских захватчиков мы можем привести рассказ об "обращении" Земпоаллы, города в округе Тотонак. Когда Кортес настаивал на казике Земпоаллы, что его миссия состоит в том, чтобы отвратить индейцев от мерзостей их нынешней религии, этот принц ответил, что он не может принять то, что испанские священники рассказали ему о Создателе и Правителе Вселенной; особенно то, что он когда-либо опускался до того, чтобы стать простым человеком, слабым и нищим, чтобы добровольно подвергаться

преследованиям и даже смерти от рук некоторых из его собственных созданий. Казике добавил, что он "будет сопротивляться любому насилию, предложенному его богам, которые, действительно, сами отомстят за этот акт немедленным уничтожением своих врагов".

Кортес и его люди воспользовались этой возможностью. Нет сомнений, что после того, как они стали свидетелями некоторых варварских человеческих жертвоприношений, за которыми следовали пиршества каннибалов, их души, естественно, заболели. Теперь они приступили к работе по обращению, как только Кортес обратился к ним и заявил, что "Бог и святые угодники никогда не одобрили бы их предприятие, если бы были допущены такие зверства; и что, со своей стороны, он был полон решимости уничтожить индейских идолов в тот же час, даже если это будет стоить ему жизни".

"Едва дождавшись его приказа, испанцы двинулись к одному из главных *теокаллис*, или храмов, который возвышался высоко на пирамидальном фундаменте с крутыми каменными ступенями посередине. Казике, разгадав их замысел, немедленно призвал своих людей к оружию. Индейские воины собрались со всех сторон с пронзительными криками и бряцанием оружия, в то время как священники в своих темных хлопчатобумажных одеждах, с растрепанными волосами, перепачканными кровью, в бешенстве носились среди туземцев, призывая их защитить своих богов от надругательства! Теперь все было в смятении.... Кортес принял свои обычные быстрые меры. Приказав арестовать казике и некоторых знатных горожан и священников, он приказал им утихомирить народ, заявив, что если хоть одна стрела будет выпущена в испанца, это будет стоить жизни каждому из них.... Казике закрыл лицо руками, восклицая, что боги отомстят за причиненные им обиды.

"Христиане не замедлили воспользоваться его молчаливым согласием. Пятьдесят солдат по сигналу своего генерала взбежали по огромной лестнице храма, вошли в здание на вершине, стены которого были черны от человеческой крови, и оттащили огромных деревянных идолов к краю террасы. Их фантастические формы и черты лица, передававшие символический смысл, который был утерян испанцами, казались в их глазах всего лишь отвратительными чертами сатаны. С большой готовностью они скатили колоссальных чудовищ вниз по ступеням пирамиды под торжествующие крики их собственных товарищей и стоны и причитания туземцев. Затем они довершили все это сожжением в присутствии собравшейся толпы".

После того как храм был очищен от всех следов идолопоклонства и его ужасов, был воздвигнут новый алтарь, увенчанный высоким крестом и увешанный гирляндами роз. Среди индейцев началась реакция, многие пожелали стать христианами, и некоторые из ацтекских священников даже присоединились к процессии в знак своего обращения, надев белые одежды вместо своих прежних темных мантий и неся в руках зажженные свечи, "в то время как изображение Девы Марии, наполовину скрытое под тяжестью цветов, было поднято вверх и, когда процессия поднималась по ступеням храма, водружено над алтарем.... Впечатляющий характер церемонии и страстное красноречие доброго священника тронули чувства разношерстной публики до такой степени, что индейцы, а также испанцы, если мы можем доверять хронисту, разразились слезами и громкими рыданиями".

Прежде чем окончательно двинуться на запад, к "склонам" гор с умеренным климатом, у Кортеса была еще одна возможность доказать свое полководческое мастерство и оперативность в критический момент. Когда Агафокл, самодержавный правитель Сиракуз, приплыл, чтобы нанести поражение карфагенянам, первое, что он сделал по высадке в Африке,

это сжег свои корабли, чтобы у его солдат не было возможности отступить и никакой надежды, кроме победы. Теперь Кортес действовал точно по тому же принципу.

Обнаружив, что несколько его солдат организовали заговор с целью захватить один из кораблей и отплыть на Кубу, Кортес, по приговору суда, приговорил двух главарей к смертной казни. Вскоре после этого он принял экстраординарное решение уничтожить свои корабли без ведома своей армии.

Сначала было приказано разобрать пять худших кораблей, а вскоре после этого - затопить. Когда остальные были осмотрены, четыре из них были осуждены таким же образом.

Когда новость достигла Земпоаллы, армия была взволнована почти до открытого мятежа. Кортес, однако, сохранял полное спокойствие. Обращаясь к собравшимся армейцам, он заверил их, что корабли непригодны к эксплуатации, как показала надлежащая проверка. "Армия получила одно важное преимущество, а именно добавление сотни трудоспособных рекрутов, которые были необходимы для укомплектования потерянных кораблей. Помимо всего этого, какую пользу могли бы принести нам корабли в нынешней экспедиции? Что касается меня, то я останусь здесь даже без товарища. Что касается тех, кто уклоняется от опасностей нашего славного предприятия, пусть возвращаются, во имя Бога! Пусть возвращаются домой, поскольку осталось еще одно судно; пусть поднимаются на борт и возвращаются на Кубу. Они могут рассказать, как они бросили своего командира и своих товарищей, и терпеливо ждать, пока не увидят, что мы возвращаемся, нагруженные добычей ацтеков".

Убеждение - это предел истинного ораторского искусства. Ответом армии Кортесу был единодушный крик "В Мексику! В Мексику!"

После начала постепенного подъема в своем походе к Мексиканскому плоскогорью первым местом, на которое обратили внимание захватчики, была Халапа, город, который до сих пор сохраняет свое ацтекское название, известное всему миру благодаря хорошо известному наркотику, выращенному там. Это любимый курорт более состоятельных жителей Вера-Крус и та слишком тропическая равнина, которую Кортес только что покинул. Могучая гора Орисаба, одна из хранилищ Мексиканской долины, теперь видна как на ладони, возвышаясь в уединенном величии под своим снежным покровом.

Наконец они добрались до города, настолько густонаселенного, что там было тринадцать ацтекских храмов с обычным жертвенным камнем для человеческих жертвоприношений перед каждым идолом. В пригороде испанцы были потрясены скоплением человеческих черепов, насчитывавших многие тысячи. Это ужасающее напоминание о невыразимых жертвах вскоре стало привычным зрелищем, когда они маршировали по этой стране.

Кортес спросил казике, подчиняется ли он Монтесуме. "Кто там есть, - ответил местный князь, - кто не является данником этого императора?" "Я не такой", - сказал незнакомый генерал. Кортес заверил его, что у монарха, которому служили испанцы, были вассалы -принцы, более могущественные, чем правитель ацтеков. Казике сказал:

Монтесума мог собрать тридцать великих вассалов, каждый из которых был хозяином по 100 000 человек. Его доходы были неисчислимы, поскольку каждый подданный, каким бы бедным он ни был, что-то платил.... Более 20 000 жертв, плодов его войн, ежегодно приносились на алтари его богов! Его столица стояла на озере, в центре просторной

долины.... Подступы к городу велись по дамбам длиной в несколько миль; и когда были возведены соединяющие их мосты, всякое сообщение с местностью было прервано.

Индейцы проявляли величайшее любопытство к одежде, оружию, лошадям и собакам своих странных гостей. Местность вокруг тогда была густо поросшей лесом и изобиловала деревнями и поселками, которые исчезли после завоевания. Гумбольдт заметил, когда он путешествовал туда, что весь район "ко времени прихода испанцев был более населенным и лучше возделанным, и что по мере того, как они поднимались выше к плоскогорью, они находили деревни более частыми, поля более разделенными, а людей более законопослушными".

Прежде чем отправиться на плоскогорье, Кортес решил посетить республику Тласкала, которая была известна тем, что сохранила свою независимость вопреки ацтекам. Отправив посольство, состоящее из четырех вождей земпоалла, сопровождавших армию, он направился к Тлашкале, задерживаясь по пути, чтобы у его послов было время вернуться. Удивляясь задержке, они внезапно достигли замечательного укрепления, которое обозначало границы республики и служило барьером против мексиканских вторжений. Прескотт так описывает это:

Каменная стена высотой девять футов и толщиной двадцать, с парапетом шириной в полтора фута, возведенным на вершине для защиты тех, кто ее защищал. В нем был только один проем в центре, образованный двумя полукруглыми линиями стены, перекрывающими друг друга на протяжении сорока шагов и образующими между ними проход шириной в десять шагов, устроенный таким образом, что им прекрасно командовала внутренняя стена. Это укрепление, простиравшееся более чем на две лиги, с обеих сторон опиралось на мощные естественные контрфорсы, образованные съеррой. Сооружение было построено из огромных каменных блоков, красиво уложенных друг на друга без цемента, и сохранившиеся до сих пор остатки, среди которых есть камни по всей ширине вала, полностью подтверждают его прочность и размеры.

Кем были жители этой мужественной республики? Тласкаланцы были родственным племенем ацтеков и, придя в Мексиканскую долину в конце XII века, на многие годы поселились на западном берегу озера Тецкоко. Позже они мигрировали в тот район плодородных долин, где их нашел Кортес; *Тлашкала*, что означает "хлебная земля". Тогда они, как нация, состояли из четырех отдельных штатов, в значительной степени цивилизованных и всегда способных защитить свою конфедерацию от иностранного вторжения. Их искусство, религия и архитектура были такими же, как у ацтеков и тецкуканцев.

Ацтеки не раз пытались подчинить себе маленькую республику, но тщетно. В одной кампании Монтесума потерял фаворита, к тому же его армия потерпела поражение; и хотя последовало гораздо более грозное вторжение, "отважные горцы отступили в укромные уголки своих холмов и, хладнокровно воспользовавшись удобным случаем, обрушились подобно потоку на захватчиков и с ужасающей резней прогнали их с их территорий".

Тлашкальцы, конечно, слышали о грозных европейцах и их наступлении на королевство Монтесумы, но, сами не ожидая никакого визита, они сомневались в посольстве, отправленном Кортесом, и совет еще не принял решения, когда было объявлено о прибытии Кортеса во главе его кавалерии. Атакованный отрядом из нескольких тысяч индейцев, он послал назад всадника, чтобы заставить пехоту поспешить к нему на помощь. Две лошади были убиты, и Кортес

серьезно ощутил эту потерю; но когда основные силы дали залп из своих мушкетов и арбалетов, индейцы тласкалы были настолько поражены, что прекратили бой и отступили с поля боя.

На следующее утро, после того как Кортес тщательно проинструктировал свою армию (численность которой теперь превышала 3000 человек, вместе с индейскими вспомогательными силами), они не успели далеко продвинуться, как их встретили двое земпоалланцев, посланных в качестве послов. Они сообщили Кортесу, что как пленники они были отведены к жертвенному камню, но им удалось сбежать из тюрьмы. Они также сказали, что силы собираются со всех сторон для встречи с испанцами.

При первом столкновении индейцы после нескольких ожесточенных боев отступили, чтобы втянуть испанскую армию в ущелье, недоступное для артиллерии или кавалерии. Продвигаясь вперед, они обнаружили, что за крутым поворотом долины многотысячная армия выстроилась в боевом порядке, готовая встретить их. Когда они показались в поле зрения, тлашкаланцы издали пронзительный боевой клич, пронзительный и отвратительный, сопровождаемый меланхолическим боем тысячи барабанов. Кортес пришпорил кавалерию, чтобы прорваться к пехоте, и продолжал увещевать своих солдат, одновременно показывая им пример личной отваги. "Если мы потерпим неудачу сейчас, - воскликнул он, - Крест Христов никогда не будет водружен на этой земле. Вперед, товарищи! когда это было известно, чтобы кастилец повернулся спиной к врагу?

Отчаянными усилиями солдаты пробили проход сквозь колонны индейцев, а затем, как только конница освободила пространство для артиллеристов, ужасный "гром и молния" пушки довершил остальное. Опустошение, произведенное в их рядах, в сочетании с ревом и вспышками пороха, а также с изуродованными тушами наполнили всю армию варваров ужасом и оцепенением. Когда восемь предводителей тлашкальской армии пали, принц приказал отступить.

Вождь тлашкаланцев, Ксикотенкатль, не был обычным лидером. Когда Кортес захотел двинуться на столицу, он отправил двух посланников в лагерь тлашкаланцев, но все, на что Ксикотенкатль соизволил ответить, было

чтобы испанцы могли пройти дальше, как только захотят, в Тласкалу, и когда они достигнут ее, их плоть будет срезана с тел для принесения в жертву богам. Если они предпочитали оставаться в своих покоех, он наносил им визит на следующий день.

Послы также сообщили Кортесу, что вождь теперь собрал еще одну очень большую армию, пять батальонов по 10 000 человек в каждом. Очевидно, они были полны решимости испытать судьбу Тлашкалы в жестоком сражении и истребить дерзких захватчиков.

Следующий день, 5 сентября 1519 года, предшествовал переломному в анналах Кортеса. Он решил встретиться с тлашкальским вождем в поле, предварительно приказав пешим солдатам использовать острие своих мечей, а не лезвие; коннице атаковать вполсилы, направляя свои копыта в глаза врагам; артиллеристам и арбалетчикам поддерживать друг друга, одни заряжали, в то время как другие разряжали свои ружья.

Не успели Кортес и его солдаты пройти и мили, как увидели огромную армию тлашкаланцев, растянувшуюся вдоль и поперек обширной равнины. Ничто не могло быть более живописным, чем внешний вид этих индийских батальонов с ярко раскрашенными обнаженными телами

простых солдат, фантастическими шлемами вождей, украшенными орнаментами и драгоценными камнями, и сверкающими панцирями, вышитыми из перьев....

Золотой блеск и кольчуга из перьев

Ярче, чем сверкающее золото; и вокруг шлема

Корона из высоко вздымающихся перьев....

... Они выступили с военными песнями и дикой музыкой.[\[21\]](#)

Тлашкальские воины достигли замечательного мастерства в метании копья. "Один вид, с прикрепленным к нему ремешком, который оставался в руке пращника, чтобы он мог вспомнить оружие, вызывал у испанцев особый страх". Их разнообразное оружие было заострено костью или обсидианом, а иногда и покрыто медью.

Вопль неповиновения, поднятый этими индейцами, почти заглушал громкость звука "диких варварских мелодий из раковин, атабала и трубы, которыми они провозглашали свое триумфальное предвкушение победы над ничтожными силами захватчиков".

Продвигаясь под густым дождем стрел и других снарядов, испанские солдаты на определенном расстоянии быстро остановились и построились в боевой порядок, прежде чем открыть общий огонь по всей линии. Передние ряды их диких противников были скошены, а те, кто находился позади, "окаменели от ужаса".

Если бы не случайность, вызванная разногласиями между вождями тласкаланцев, казалось, что ничто не могло бы спасти Кортеса и его испанскую армию. Перед битвой высокомерное обращение Ксикотенкатля, казике, с одним из этих вождей побудило раненого вывести весь свой контингент на время битвы и убедить другого вождя сделать то же самое. Когда его силы были настолько ослаблены, казике был вынужден уступить поле боя испанцам.

В своем стремлении отомстить Ксикотенкатль посоветовался с некоторыми ацтекскими жрецами, которые порекомендовали совершить ночную атаку на лагерь Кортеса, чтобы застать его армию врасплох. Таким образом, тлашкаланцы с 10 000 воинами тайно двинулись к испанскому лагерю, но благодаря яркому лунному свету они не остались незамеченными ведеттами. Кроме того, Кортес приучил свою армию спать, положив оружие на бок, а лошадей держать оседланными. В одно мгновение весь лагерь был, так сказать, начеку и при оружии. Индейцы тем временем украдкой продвигались к безмолвному лагерю, и "не успели они достичь склона холма, как были поражены глубоким боевым кличем испанцев, за которым последовало внезапное появление всей армии. Едва дождавшись удара своего врага, охваченные паникой варвары быстро и беспорядочно бежали по равнине. Лошадь легко настигла беглецов, сбила их с ног и безжалостно изрубила на куски". На следующий день Кортес отправил новых послов в столицу Тлашкалы в сопровождении своей верной рабыни-переводчицы Марины. Они нашли совет казике печальным и удрученным, всякий проблеск надежды теперь погас.

В послании Кортеса по-прежнему обещались дружба и помилование, если только они согласятся действовать как союзники. Если нынешнее предложение будет отклонено, "он посетит их столицу как завоеватель, сравняет с землей каждый дом и предаст мечу каждого жителя". Услышав этот ультиматум, совет выбрал четырех ведущих вождей, которым было поручено поручить миссию Кортесу, "гарантировав ему свободный проезд по стране и

дружеский прием в столице". Послы, возвращаясь к Кортесу, заехали в лагерь Ксикотенкатля и были там задержаны им. Он все еще строил планы против ужасных захватчиков.

Тем временем у Кортеса появилась еще одна возможность продемонстрировать свои ресурсы и присутствие духа. Некоторые из его солдат выказывали недовольство: "Идея завоевания Мексики была безумием; если они столкнулись с таким противодействием со стороны маленькой республики, чего же еще они могли ожидать от великой Мексиканской империи? Теперь наступила временная приостановка боевых действий; не должны ли они воспользоваться этим, чтобы вернуться по своим следам в Вера-Крус?" На это Кортес выслушал спокойно и вежливо, ответив, что "он с самого начала сказал им, что славы можно добиться только тяжелым трудом и опасностями; он никогда не отказывался от того и от другого. Возвращаться теперь было невозможно. Что сказали бы тлашкаланцы? Как бы мексиканцы ликовали из-за такого жалкого исхода! Вместо того чтобы обращать свой взор на Кубу, обратите его на Мексику, великую цель нашего предприятия". Собрав вокруг себя много других солдат, мятежная партия набралась смелости сказать, что "еще одна такая победа, как последняя, приведет их к гибели; они направлялись в Мексику только для того, чтобы быть убитыми". С некоторым нетерпением Кортес весело процитировал солдатскую песню:

Лучше умереть с честью
, Чем жить в долгом позоре!

— чувство, которое большинство зрителей, естественно, поддержало "эхо", в то время как недовольные разбрелись по своим квартирам.

Следующим событием стало прибытие нескольких тлашкаланцев с белыми значками в знак мира. По их словам, они привезли послание от Ксикотенкатля, который теперь желает договориться с Кортесом и вскоре явится лично. Большинство из них остались в лагере, где к ним относились по-доброму, но Марина, с ее "женским умом", стала относиться к ним с некоторым подозрением. Возможно, кто-то из них, забыв, что она знает их язык, обронил фразу в разговоре друг с другом, которая пробудила в ней недоверие. Она сказала Кортесу, что эти мужчины были шпионами. Он приказал арестовать их и допросить по отдельности, установив таким образом, что они были посланы, чтобы получить секретную информацию об испанском лагере, и что на самом деле Ксикотенкатль собирал свои силы для новой решительной атаки на армию вторжения.

Чтобы показать ярость своего негодования таким обращением, Кортес приказал отрубить руки пятидесяти послам-шпионам и отослал их обратно сказать своему повелителю, что "тлашкальцы могут прийти днем или ночью, они обнаружат, что испанцы готовы встретить их". Вид их изуверченных товарищей наполнил лагерь индейцев ужасом. Все мысли о сопротивлении наступлению Кортеса были теперь отброшены, и вскоре после этого было объявлено о прибытии самого Ксикотенкатля в сопровождении многочисленной свиты. Он продвигался "твердым и бесстрашным шагом человека, который пришел скорее для того, чтобы бросить вызов, чем просить мира. Он был выше среднего роста, с широкими плечами и мускулистым телосложением, что свидетельствовало о большой активности и силе. Он сделал обычное приветствие, коснувшись земли рукой и поднеся ее к голове ". Он не возлагал никакой вины на сенат Тлашкалы, но взял на себя всю ответственность за войну. Он признал, что испанская

армия победила его, но выразил надежду, что они воспользуются своей победой умеренно и не попрут свободы республики.

Кортес восхищался возвышенным духом казике, хотя и делал вид, что упрекает его за то, что он так долго оставался врагом. - Он был готов предать прошлое забвению и принять тлашкаланцев в качестве вассалов императора, своего повелителя.

До вступления в Tlascala, столицы, прибыло посольство от Монтесумы, который был сильно разочарован, нет сомнений, что Кортес был не только не были побеждены храбрым гонки на мексиканском плоскогорье, но образовали дружеский союз с ними.

Когда Кортес со своей армией приблизился к густонаселенному городу, их приветствовали огромные толпы мужчин и женщин в живописных нарядах, с букетами и венками цветов; священники в белых одеждах и с длинными спутанными локонами, размахивающие горящими кадильницами с благовониями. Годовщина этого вступления в Тлашкалу, 23 сентября 1519 года, до сих пор отмечается как день ликования.

Кортес в своем письме императору, королю Испании, сравнивает его по размерам и внешнему виду с Гранадой, мавританской столицей. Гончарное дело было одной из отраслей промышленности, в которой преуспела Тлашкала. Тлашкаланец был в основном земледельцем по своим привычкам; его честная грудь светилась патриотической привязанностью к земле, которая является плодом ее прилежного возделывания, в то время как его возвышало то сознание независимости, которое является естественным правом по рождению ребенка гор.

Чолула, столица одноименной республики, находится в шести лигах к северу от Тласкалы и примерно в двадцати к юго-востоку от Мексики. Во времена завоевания плоскогорья Анауак, как иногда называют весь район, этот город был большим и густонаселенным. Люди преуспевали в механических искусствах, особенно в обработке металла, ткачестве тканей и тонком гончарном деле. Уже упоминался бог Кецалькоатль, в честь которого здесь была возведена огромная пирамида. Из самых отдаленных уголков Анауака преданные стекались в Чолулу, точно так же, как мусульмане в Мекку.

Испанцы обнаружили, что жители Чолулы превосходят по одежде и внешнему виду любую из виденных ими рас. Высшие классы "носили прекрасно вышитые накидки, напоминающие мавританские плащи по текстуре и фасону.... Они демонстрировали тот же тонкий вкус к цветам, что и другие племена плато, бросая солдатам гирлянды и букеты.... Испанцы также были поражены чистотой города, правильностью улиц, прочностью домов, а также количеством и размерами пирамидальных храмов". После того, как в течение нескольких дней к нам относились с добротой и гостеприимством, обстановка внезапно изменилась, причиной чему стало прибытие гонцов от Монтесумы. В то же время некоторые тлашкальцы рассказали Кортесу, что для умиловления богов было принесено большое жертвоприношение, в основном детей.

На этом этапе Марина, переводчица-индийская рабыня, снова проявила себя "добрым ангелом" Кортеса. Она очень подружилась с женой одного из казиков Чолулы, которая намекнула ей, что оставаться в доме любого испанца опасно; и, когда Марина стала настаивать еще больше, сказала, что испанцы будут перебиты при выходе из столицы. Зачинщиком заговора был император ацтеков, и 20 000 мексиканцев уже были расквартированы неподалеку от города.

Оказавшись в этом наиболее критическом положении, Кортес сразу же решил овладеть большой площадью, выставив сильную охрану у каждого из трех входных ворот. Остальные войска, которые у него были в городе, он разместил снаружи с пушкой, чтобы контролировать улицы. Он уже разослал приказы тлашкальским вождям держать своих солдат в готовности выступить по заданному сигналу в город на поддержку испанцев. Вскоре прибыли казики Чолулы с большим количеством рекрутов, чем требовал Кортес. Он сразу обвинил их в заговоре против испанцев после того, как принял их как друзей. Они были так поражены тем, что он обнаружил их вероломство, что признались во всем, возложив вину на Монтесуму. "Это притворство, - сказал Кортес, напуская на себя выражение свирепого негодования, - не может служить оправданием; я сейчас выставлю вас таким примером вашего предательства, что молва об этом разнесется по широким границам Анауака!"

При выстреле из аркебузы, роковом сигнале, толпа ничего не подозревающих чолуланцев была перебита прямо на месте, почти без сопротивления. Тем временем другие индейцы, не построенные вкаре, начали атаку на испанцев, но тяжелые орудия батареи произвели на них убийственный эффект, и кавалерия выступила на поддержку атаки.

Кони, ружья, вооружение испанцев - все это было в новинку для чолуланцев. Несмотря на новизну ужасающего зрелища, на блеск оружия, смешанного с оглушительным грохотом артиллерии, отчаявшиеся индейцы бросились вперед, чтобы занять места своих павших товарищей.

Пока продолжалась эта сцена кровопролития, тлашкаланцы, как и было условлено, поспешили на помощь своим испанским союзникам. Чолуланцы, подвергшиеся таким нападениям с тыла со стороны своих традиционных врагов, быстро отступили и попытались спастись в великом храме и еще где угодно. "Священный город", как его называли, превратился в столпотворение резни. В память о знаменательном поражении чолуланов Кортес превратил главную часть великого храма в христианскую церковь.

Из Мексики снова прибыли послы с богатыми подарками и посланием, в котором малодушный император отказывался от какого-либо участия в заговоре против Кортеса. Продолжая свой марш, союзная армия испанцев и тласкаланцев продвигалась вперед, пока не достигла гор, которые отделяют плоскогорье Пуэбла от плоскогорья Мексики. Чтобы пересечь этот хребет, они следовали маршрутом, который проходит между могучей Попокатепетль (то есть "дымящейся горой") и другой, называемой "Белая женщина" из-за ее широкого снежного покрова. Первый находится примерно в сорока милях к юго-востоку от столицы, к которой был направлен их марш. Он более чем на 2000 футов выше Монблана и имеет два основных кратера, один из которых имеет глубину около 1000 футов и содержит большие залежи серы, которые регулярно добываются. Попокатепетль долгое время был всего лишь потухшим вулканом, но во время вторжения Кортеса он часто горел, особенно во время осады Тлашкалы. Это, естественно, было истолковано во всем районе Анауак как дурное предзнаменование, связанное с высадкой и приближением испанцев. Кортес настоял на том, чтобы сделать несколько спусков в большой кратер, пока не будет собрано достаточно серы, чтобы снабдить его армию порохом. Ледяные ветры, сменявшиеся снежными бурями и мокрым снегом, были более изнурительными для европейцев, чем для тлашкальцев, но некоторое облегчение было

найден в каменных убежищах, которые были построены через определенные промежутки времени вдоль дорог для размещения курьеров и других путешественников.

Наконец они достигли вершины сьерры, соединяющей Попокатепетль, "великий вулкан", с его сестрой горой "Женщина в белом". Вскоре после этого, на повороте дороги, захватчики впервые увидели знаменитую долину Мехико, или Теночтитлан, с ее прекрасными озерами в окружении возделанных равнин, кое-где поросших лесом. "В центре, подобно какой—нибудь индийской императрице в ее жемчужном венце, прекрасный город с его белыми башнями и пирамидальными храмами, покоящийся как бы на лоне вод - широко известная "Венеция ацтеков".

Этот вид на "Землю Обетованную" отчасти напечатает живописный рассказ Ливия (ххi, 35) о том, как Ганнибал достиг вершины перевала через Альпы и указал своим солдатам на прекрасную Италию. Мы можем так перевести этот отрывок: "На девятый день мы достигли хребта Альп, по местности, в основном непроходимой, и окольными путями.... Приказ к выступлению был отдан на рассвете, армия вяло продвигалась по земле, полностью покрытой снегом, на лицах всех были написаны апатия и отчаяние, Ганнибал пошел впереди и, приказав солдатам остановиться на высоте, с которой открывался далекий вид, далеко и широко, указал им на Италию и равнины Ломбардии на обоих берегах По, у подножия Альп, сказав им, что в этот момент они пересекают не только стены Италии, но и римской столицы; что остальная часть марша была легкой и шла под уклон. ." Ситуация, в которой Ганнибал и его карфагеняне впервые осматривают Италию, в некоторых отношениях очень похожа на ситуацию, в которой Кортес показывал своим испанским солдатам долину Мехико.

ГЛАВА VII

КОРТЕС И МОНТЕСУМА

Теперь мы видели, как испанские завоеватели с большим контингентом из 6000 туземцев преодолевали горы к востоку от Мексиканской долины и смотрели вниз на озеро Тецкоко, на котором были построены столицы-побратимы. Монтесума, монарх ацтеков, уже был в смятении и отправил еще одно посольство, чтобы умиловить ужасного Кортеса, с большим подарком в виде золота и одежд из самых драгоценных тканей и выделки, а также с обещанием, что, если иностранный генерал повернет обратно к Веракрусу, мексиканцы выплатят четыре груза золота ему самому и по одному каждому из его капитанов, помимо ежегодной дани своему королю в Европе.

Эти обещания дошли до Кортеса только тогда, когда он спускался с гор сьерра. Он ответил, что детали лучше всего обсудить при личной беседе и что испанцы прибыли с мирными мотивами.

Теперь Монтесума был погружен в глубокое отчаяние. Наконец он созвал совет, чтобы посоветоваться со своей знатью и особенно со своим племянником, молодым королем Тецкоко, и его воинственным братом. Последний посоветовал ему "собрать как можно большую армию и изгнать захватчиков из своей столицы или умереть, защищая ее". "Ах! - ответил монарх. - боги выступили против нас!" Было подготовлено еще одно посольство во главе с его племянником, лордом Тецкоко, чтобы приветствовать незваных гостей.

Кортес продвигался по плодородным полям, плантациям и виноградникам магуэй, пока не достиг озера Чалко. Там они нашли большой город, построенный в воде на сваях, с каналами вместо улиц, полный движения и оживления. "Испанцы были особенно поражены стилем и просторной структурой домов, в основном каменных, и общим видом богатства и даже элегантности, которые преобладали".

На следующее утро король Тецкоко прибыл навестить Кортеса в паланкине, богато украшенном золотыми пластинами и драгоценными камнями, под балдахином из зеленых перьев. Его сопровождала многочисленная свита. Подойдя с мексиканским приветствием, он сказал, что Монтесума приказал ему приветствовать его в столице, одновременно предложив в подарок три великолепные жемчужины. Кортес "в ответ накинул на шею молодого короля цепочку из граненого стекла, которая, поскольку стекло было такой же редкостью, как бриллианты, могла иметь такую же реальную ценность, как и последние".

Затем армия Кортеса двинулась маршем вдоль южного берега озера Чалько, "через великолепные леса и фруктовые сады, сияющие осенними фруктами неизвестных названий, но богатых и соблазнительных оттенков". Они также прошли "через возделанные поля, колышущиеся желтым урожаем, орошаемые каналами, проложенными из соседнего озера, в целом демонстрируя тщательное и экономное ведение хозяйства, необходимое для поддержания многочисленного населения". Затем внимание испанцев привлекло замечательное общественное сооружение, а именно прочная дамба из камня и извести, проходящая прямо через озеро, в некоторых местах такая широкая, что по ней могли проехать в ряд восемь всадников. Его длина составляет около четырех-пяти миль. Маршируя по этой дамбе, они видели и другие чудеса: множество туземцев разбегались во всех направлениях на своих лодках, с любопытством наблюдая за марширующими чужеземцами, и некоторые из них везли продукты страны в соседние города. Они также были поражены видом плавучих садов, изобилующих цветами и овощами и плывущих по воде, как плоты. По всему берегу, а иногда и далеко в озере, они видели маленькие городки и деревушки, которые, наполовину скрытые листвой и собравшиеся белыми кучками вокруг берега, "издали были похожи на стаю белых лебедей, спокойно плывущих по волнам". Примерно посередине этого озера находился город, которому испанцы дали название Венесуэла^[22] (то есть "Маленькая Венеция"). Судя по его расположению и стилю зданий, Кортес назвал его самым красивым городом, который он когда-либо видел в Новой Испании.

Пересекши перешеек, отделяющий это озеро от озера Тецкоко, они оказались в Истапалапане, королевской резиденции, находящейся в ведении брата императора. Здесь Кортесу и его штабу был устроен торжественный прием, "угощение было подано в одном из больших залов дворца. Совершенство здешней архитектуры вызвало восхищение генерала. Здания были каменными, а крыши просторных квартир - из пахучего кедрового дерева, а стены обиты гобеленами из тонкого хлопка, окрашенного в яркие цвета.

"Но гордостью Истапалапана были его знаменитые сады, занимавшие огромный участок земли и разбитые правильными квадратами. В садах росли фруктовые деревья и безвкусное семейство цветов, принадлежащих к мексиканской флоре, научно подобранных и пышно растущих при постоянной температуре плоскогорья. В одном квартале находился вольер, заполненный многочисленными видами птиц, замечательных в этих краях как яркостью оперения, так и пением. Но самым сложным произведением искусства был огромный каменный

резервуар, на значительную высоту наполненный водой, в которой водились различные виды рыб. Этот бассейн имел 1600 шагов в окружности и был окружен дорожкой".

Читатели должны помнить, что в то время ни в одной части Европы не было известно о прекрасных садах большого масштаба. Говорят, что первый "сад растений" (если использовать название, впоследствии примененное французами) был итальянским, в Падуе, в 1545 году, спустя целое поколение после прибытия Кортеса в Мексику. Только при Луи "Великолепном" Франция создала Версальские сады, и только во времена Георга III и его наставника Бьюта мы могли похвастаться садами в Кью, которыми сейчас восхищается весь мир. Таким образом, древние мексиканцы во времена своей исчезнувшей цивилизации развили этот вкус к прекрасному за много веков до появления наиболее культурных рас Европы.

Кортес расположился на ночь в этой резиденции в Истапалапане, ожидая завтра встретиться с Монтесумой. Мексика теперь была отчетливо видна во всей красе, выглядя "как сказочное творение", город очарования.

Там, на дальнем берегу, стоял Ацтлан;
В тени деревьев возвышались его жилища,
их ровные крыши с башенками по окружности
И зубчатые стены, отполированные до белизны и сиявшие
на солнце, как серебро. Я созерцал
имперский город, его тянущиеся вдаль стены,
Его сады-рощи и величественные дворцы,
Его храмы величиной с гору, его тысячи крыш.
И когда я увидел ее мощь и величие,
тогда мой разум внушил мне опасения.

Мэдок, i, 6.

Следующий день, 8 ноября 1519 года, должен быть отмечен в каждом календаре, когда великая столица Западного мира приняла генерала-завоевателя из Восточного мира. Захватчики находились теперь на более широкой дамбе, протянувшейся через соленые воды озера Тецкоко, и "имели возможность более чем когда-либо восхищаться механической наукой ацтеков". Она была достаточно широка на всем своем протяжении, чтобы десять всадников могли ехать в ряд.

Испанцы повсюду видели "свидетельства многолюдного и процветающего населения, превосходящего все, что они когда-либо видели". Вода потемнела от множества каноэ, наполненных индейцами; и здесь тоже были эти сказочные острова цветов. В половине лиги от столицы они наткнулись на солидное каменное сооружение, которое пересекало дорогу. Он был двенадцати футов высотой, укрепленный башнями по краям, а в центре находились зубчатые ворота, которые открывали проход для войск.

Здесь их встретили несколько сотен вождей ацтеков, которые вышли, чтобы объявить о приближении Монтесумы и поприветствовать испанцев в его столице. Они были одеты в модные праздничные костюмы страны, с хлопчатобумажным поясом вокруг чресел и широкой мантией из того же материала или с блестящей вышивкой из перьев, изящно ниспадающей на плечи. На

шеях и руках у них были ошейники и браслеты из бирюзовой мозаики, с которой причудливо сочеталось изящное оперение, а уши, под губами, а иногда и носы были украшены подвесками из драгоценных камней или полумесяцами из чистого золота.

После того, как все казики по отдельности отдали одно и то же формальное приветствие, больше не было никаких задержек, пока они не достигли моста у ворот столицы. Вскоре после этого "они увидели сверкающую свиту императора, выходящую из большой улицы, ведущей через сердце города. Среди толпы индийской знати, которую сопровождали три государственных чиновника с золотыми жезлами, они увидели королевский паланкин, сверкающий полированным золотом. Его несли на плечах знати, а над ним был установлен балдахин из ярких перьев, усыпанный драгоценными камнями и отороченный серебром, который поддерживали четыре слуги того же ранга".

На некотором расстоянии от испанцев "обоз остановился, и Монтесума, сойдя с носилок, вышел вперед, опираясь на руки владык Тецкоко и Истапалапана" — племянника и брата императора, о которых уже упоминалось. "Когда монарх приближался, его подданные, выстроившиеся по бокам дамбы, наклонились вперед, не отрывая глаз от земли, когда он проходил".

Монтесума был одет в просторный квадратный плащ, обычный для мексиканцев, но из тончайшего хлопка, усыпанного жемчугом и драгоценными камнями; его сандалии были расшиты таким же узором и имели подошвы из чистого золота. Его единственным украшением на голове был пучок перьев королевского зеленого цвета. Мужчина лет сорока; высокий и довольно худощавый; черные волосы подстрижены довольно коротко для высокопоставленного лица; движения исполнены достоинства; на чертах лица выражение доброжелательности, которого нельзя ожидать от его характера.

Соскочив с лошади, Кортес направился навстречу Монтесуме, который принял его с царственной вежливостью, в то время как Кортес ответил глубокими выражениями уважения и благодарности за то, что он на собственном опыте убедился в щедрости императора. Затем он повесил Монтесуме на шею сверкающую цепочку из цветного хрусталя, сопроводив это движением, как бы собираясь обнять его, когда его удержали два ацтекских владыки, потрясенные угрозой осквернения священной личности их монарха и повелителя.

Монтесума поручил своему брату проводить испанцев в их резиденцию в столице, и его снова пронесли сквозь восхищенную толпу в его носилках. "Испанцы быстро последовали за ними и вскоре с развевающимися знаменами и играющей музыкой вошли в южный квартал".

Войдя", они нашли новый повод для восхищения в величии города и превосходном стиле его архитектуры. Большой проспект, по которому они сейчас маршировали, был застроен домами знати, которых император побудил сделать столицу своей резиденцией. Плоские крыши были защищены каменными парапетами, так что каждый дом представлял собой крепость. Иногда эти крыши казались цветочными цветниками ... Между зданиями были разбиты широкие террасные сады. Иногда между ними возникала огромная площадь, окруженная каменными портиками и лепниной; или пирамидальный храм возвышал свою колоссальную громаду, увенчанную сужающимися святилищами и алтарями, пылающими неугасимым огнем. Но что больше всего поразило испанцев, так это толпы людей, которые кишели на улицах и каналах".

Однако, вероятно, зрелище европейской армии с ее лошадьми, ружьями, сверкающими мечами и шлемами из стали, неизвестного им металла; их странная и таинственная музыка — все это представляло для населения ацтеков необъяснимое чудо в сочетании с иностранцами, прибывшими с далекого Востока, "раскрывающими свое небесное происхождение в их прекрасном цвете лица". Многие граждане-ацтеки выказывали острую ненависть к тлашкаланцам, которые шли с испанцами в дружественном союзе.

Наконец Кортес со своей смешанной армией остановился недалеко от центра города на большом открытом пространстве, "где возвышалось огромное пирамидальное сооружение, посвященное богу войны-покровителю ацтеков, уступающее только храму Чолула по размерам, а также по святости". Нынешний знаменитый кафедральный собор современной Мексики построен частично на том же месте.

Дворец, построенный напротив западной стороны великого храма, был передан Кортесу. Он был достаточно обширен, чтобы вместить всю армию Кортеса. Монтесума нанес ему там визит, проведя долгую беседу с незаменимой помощью Марины, рабыни-переводчицы. "В тот вечер испанцы отпраздновали свое прибытие в столицу Мексики артиллерийским залпом. Грохот артиллерийских снарядов, эхом отдающийся от зданий и сотрясающий их до основания, зловоние сернистых паров, напоминающее жителям о взрывах великого вулкана (Попокатепетль), наполнили сердца суеверных ацтеков тревогой".

На следующий день Кортес получил милостивое разрешение нанести ответный визит императору и поэтому отправился встречать его в королевском дворце, одетый в свой самый богатый костюм. Испанский генерал почувствовал важность этого события и решил пустить в ход все свое красноречие и силу аргументации, пытаясь "обратить" Монтесуму в христианскую веру.

С этой целью, с помощью верной Марины, Кортес вовлек императора в теологическую дискуссию; объяснил сотворение мира так, как этому учат еврейские Писания; падение человека из его первого счастливого и святого состояния искушением сатаны; таинственное искупление рода человеческого воплощением и искуплением Самого Сына Божьего. "Он заверил Монтесуму, что идолы, которым поклоняются в Мексике, были сатаной в разных обличьях. Достаточным доказательством этого были кровавые жертвоприношения, которые они приносили, которые он противопоставлял чистому и незатейливому обряду мессы. Христиане пришли на эту землю, чтобы вырвать душу императора и души его народа из пламени вечного огня".

Монтесума ответил, что Бог испанцев, должно быть, доброе существо, и "мои боги тоже добры ко мне; нет необходимости продолжать разговор на эту тему". Если он "сопротивлялся их визиту в его столицу", то только потому, что слышал такие рассказы об их жестокости — о том, что они посылали молнии, чтобы поглотить его народ, или раздавливали их на куски твердыми копытами свирепых животных, на которых они ехали. Теперь он был убежден, что это были досужие рассказы; что испанцы были добры и щедры по своей природе". В заключение он признал превосходство правителя Кортеса за морями. "Ваш суверен - законный повелитель всего сущего: я правлю от его имени".

Грубые испанские кавалеры были тронуты добротой и приветливостью Монтесумы. Проходя мимо него, говорит Диас в своей Истории, они отвесили ему самый глубокий поклон со шляпой

в руке; и по дороге домой не могли говорить ни о чем, кроме мягкого воспитания и учтивости индийского монарха.

СТОЛИЦА МОНТЕСУМЫ

Поскольку Кортес и его армия теперь достаточно освоились в Мексике, а император, по-видимому, примирился с присутствием своих грозных гостей, мы можем сделать паузу, чтобы рассмотреть окружающую обстановку.

Нынешняя столица расположена на месте Теночтитлана, но за прошедшие четыре столетия произошло много изменений. Прежде всего, соленые воды великого озера полностью иссякли, оставив современную Мексику высокогорной и сухой, в лиге от вод, которые, как видел Кортес, текли по широким каналам через все улицы. Раньше дома стояли на приподнятых сваях и не зависели от наводнений, которые поднимались в озере Тецкоко из-за разлива других озер, расположенных на более высоком уровне. Но когда фундаменты оказались на твердом грунте, возникла необходимость защититься от скопившегося объема воды, выкопав туннель для отвода воды из-за наводнения. Это сооружение было построено примерно через сто лет после вторжения испанцев и было описано Гумбольдтом как "одно из самых грандиозных гидротехнических сооружений из всех существующих".

Внешний вид озера и пригородов столицы давно утратил большую часть привлекательного вида, который они имели во время визита испанцев; но сам город по-прежнему остается самым блестящим городом Испанской Америки, увенчанным кафедральным собором, который образует "самый роскошный молитвенный дом в Новом Свете".

Великая дамба, уже описанная как ведущая на север из королевского города Истапалапан, имела еще одну к северу от столицы, которую можно было бы назвать ее продолжением. Третья дамба, ведущая из островного города на запад к городу Такуба, вскоре будет замечена как место отступления испанцев.

Существовали отличные полицейские правила в отношении здоровья и чистоты. Вода подавалась по земляным трубам с холма, расположенного примерно в двух милях отсюда. Помимо дворцов и храмов, здесь было несколько важных зданий: оружейная, заполненная оружием и военной одеждой; зернохранилище; различные склады; огромный вольер с "птицами великолепного оперения, собранными со всех концов империи — алым кардиналом, золотым фазаном, неисчислимым племенем попугаев и этим миниатюрным чудом природы, колибри, которая с удовольствием резвится в зарослях жимолости Мексики". У "Хищных птиц" было отдельное здание. В зверинце, примыкавшем к вольеру, были представлены дикие животные из горных лесов, а также обитатели отдаленных болот жарких земель на берегу моря. Змеи "были заключены в длинные клетки, выстланные пухом или перьями, или в корыта с грязью и водой".

Желая посетить великий мексиканский храм, Кортес со своей кавалерией и большей частью пехоты последовал за казиками, которых Монтесума вежливо отправил в качестве проводников.

Направляясь к центральной площади, испанцы "были поражены внешним видом местных жителей и их огромным превосходством в стиле и качестве одежды над жителями нижних стран. Женщины, как и в других частях страны, казалось, разгуливали так же свободно, как и мужчины. Они носили несколько юбок или подъюбников разной длины с сильно

орнаментированной каймой, а иногда поверх них - свободно ниспадающие одежды, доходившие до лодыжек. Здесь не носили вуалей, как в некоторых других частях Анауака. Лица ацтекских женщин были открыты, и их темные, цвета воронова крыла, локоны пышно рассыпались по плечам, открывая черты, которые, хотя и имели смуглый или, скорее, коричный оттенок, нередко были приятными, в то же время с серьезным, даже печальным выражением, характерным для национальной физиономии".

Оказавшись возле большого рынка, "испанцы были поражены толпой людей, устремившихся к нему, а при входе на место их удивление еще больше усилилось при виде множества людей, собравшихся там, и размеров ограды, вдвое большей, по словам одного испанского наблюдателя, чем знаменитая площадь Саламанки. Здесь были торговцы со всех уголков: ювелиры из Аскапосалько, гончары и ювелиры из Чолулы, художники из Тецкоко, камнерезы, охотники, рыбаки, торговцы фруктами, изготовители циновки и стульев, флористы и т.д. Гончарный отдел был большим; так же были и оружейные склады с боевыми принадлежностями; бритвы и зеркала - кабинки аптекарей с лекарствами, кореньями и медицинскими препаратами. В других местах снова можно было увидеть чистые листы или карты для иероглифов или пиктограмм, сложенные вместе наподобие вееров. На продажу были выставлены животные, как дикие, так и ручные, а рядом с ними, возможно, толпилась банда рабов с ошейниками на шеях. Одной из самых привлекательных особенностей рынка была витрина с продуктами: мясом всех видов, домашней птицей, дичью с соседних гор, рыбой из озер и ручьев, фруктами во всем восхитительном изобилии этих регионов с умеренным климатом, зелеными овощами и неизменной кукурузой".

Этот рынок, как и сотни других поменьше, разумеется, проводился каждый пятый день - неделя древних мексиканцев составляла четвертую часть от двадцати дней, составлявших месяц ацтеков. Этот огромный рынок был сравним с "периодическими ярмарками в Европе, не такими, как они существуют сейчас, а такими, какими они существовали в средние века", когда из-за трудностей взаимодействия они служили большими центральными рынками для торговых сношений, оказывая наиболее важное и благотворное влияние на общество.

Одним из испанцев, сопровождавших Кортеса, был историк Диас, и его свидетельство примечательно:

Среди нас были солдаты, побывавшие во многих частях света, в Константинополе и Риме, а также по всей Италии, и которые говорили, что такой большой рыночной площади, так хорошо упорядоченной и регулируемой, и так заполненной людьми, они никогда не видели.

Пройдя рядом с великим *теокалли*, или храмом ацтеков, занимающим место современного собора, часть рыночной площади и несколько прилегающих улиц, они обнаружили его посреди большого открытого пространства, окруженного высокой каменной стеной, украшенной снаружи рельефными фигурами змей, и пронизанного огромными зубчатыми воротами, ведущими на четыре главные улицы столицы. Сам *теокалли* представлял собой прочное пирамидальное сооружение из земли и гальки, снаружи облицованное тесаными камнями, обращенными сторонами по сторонам света. Он был разделен на пять этажей, каждый из которых имел меньшие размеры, чем тот, что находился непосредственно под ним. Подъем осуществлялся по лестнице снаружи, которая вела на узкую террасу у подножия второго этажа, огибая здание полностью, когда вторая лестница вела на аналогичную площадку у основания

третьего. Таким образом, посетителю приходилось четыре раза обходить все здание, чтобы добраться до вершины. Это производило самое впечатляющее впечатление во время религиозных церемоний, когда помпезная процессия жрецов со своими дикими менестрелями огибала огромные стены пирамиды, по мере того как они поднимались все выше и выше к вершине на виду у собравшегося многотысячного населения.

Кортес поднялся по ступеням во главе своих людей и обнаружил на вершине "обширную площадку, вымощенную широкими плоскими камнями. Первым предметом, попавшимся им на глаза, была большая глыба яшмы, своеобразная форма которой свидетельствовала о том, что это был камень, на котором были растянуты тела несчастных жертв для жертвоприношения. Его выпуклая поверхность, приподнимая грудь, позволяла священнику легче выполнять свою дьявольскую задачу по извлечению сердца. На другом конце площади находились две башни или святилища, состоящие из трех этажей: нижний - из камня, два верхних - из дерева с искусной резьбой. В нижнем отделении стояли изображения их богов; покои наверху были заполнены посудой для их религиозных служб и прахом некоторых ацтекских принцев, которым приглянулась эта просторная гробница. Перед каждым святилищем стоял алтарь с горящим на нем неугасимым огнем, угасание которого предвещало империи столько же зла, сколько погасло бы пламя весталок в Древнем Риме. Здесь же находился огромный цилиндрический барабан, сделанный из змеиной кожи, в который ударяли только в исключительных случаях, когда он издавал меланхолический, таинственный звук, который можно было услышать на многие мили" по всей стране, указывая на яростный гнев божества против врагов Мексики.

Когда Кортес достиг вершины, его встретил сам император в сопровождении верховного жреца. Взяв генерала за руку, Монтесума указал на главные населенные пункты широкой перспективы, открывавшейся перед их позицией, включая не только столицу, "омываемую со всех сторон солеными водами Тецкоко и вдалеке чистыми пресными водами озера Чалко", но и всю долину Мехико до подножия круглой горной цепи и клубы пара, поднимающиеся от седой вершины Попокатепетля.

Кортесу было позволено "узреть святилища богов". Они оказались в просторной квартире со скульптурами на стенах, изображающими мексиканский календарь или жреческий ритуал. Перед алтарем в этом святилище стояло колоссальное изображение Уицилопочтли, божества-покровителя и бога войны ацтеков. Его лицо было искажено в отвратительные черты, имеющие символическое значение. Огромные складки змеи, состоящей из жемчуга и драгоценных камней, обвивались вокруг его талии, и такими же богатыми материалами было обильно усыпано его тело. На его левой ноге были изящные перья колибри, давшей свое имя ужасному божеству. Самым заметным украшением была цепочка из чередующихся золотых и серебряных сердечек, висевшая у него на шее в знак жертвоприношения, которому он больше всего радовался. Более недвусмысленным доказательством этого были три человеческих сердца, которые теперь дымились на алтаре перед ним.

"Соседнее святилище было посвящено более мягкому божеству. Это был Тецкатлипока, сотворивший мир, следующий в честь этого невидимого существа, Верховного Бога, который не был представлен никаким изображением и не был ограничен никаким храмом. Он был изображен молодым человеком, и его изображение из полированного черного камня было богато украшено золотыми пластинами и орнаментами. Но почитание этого бога не всегда носило более утонченный или милосердный характер, чем почитание его плотоядного брата".

По словам Диаса, которого мы уже цитировали, зловоние человеческой крови в обеих этих часовнях было более невыносимым, чем во всех бойнях Кастилии. Обрадованный возможностью вырваться на свежий воздух, Кортес выразил удивление, что такой великий и мудрый принц, как Монтесума, мог верить "в таких злых духов, как эти идолы, представители дьявола! Позволь нам воздвигнуть здесь истинный крест и поместить изображения Пресвятой Девы и ее Сына в этих святилищах; ты скоро увидишь, как твои ложные боги съедятся перед ними!"

Эта необычная речь генерала потрясла Монтесуму, который в упрек сказал: "Если бы я думал, что ты вознесешь такое оскорбление богам ацтеков, я бы не допустил тебя к ним".

Кортес, как генерал, обладал некоторыми замечательными качествами Наполеона, но иногда он также напоминал его странным отсутствием деликатности и хорошего вкуса. Однако мы не находим, чтобы он когда-либо проявлял такую подлую злобу, как французский генерал, преследуя мадам де Сталь, потому что в своей "Германии" она не упомянула о его кампаниях и администрации.

В том же самом месте Кортес и его спутники посетили храм, посвященный Кецалькоатлю, богу, о котором уже упоминалось. Другие здания служили семинариями для обучения молодежи обоих полов; и, согласно испанским отчетам об обучении и управлении этими учреждениями, в них "проявлялась величайшая забота о нравственности и самом безупречном поведении".

ЗАХВАТ МОНТЕСУМЫ

Пробыв неделю в гостях у мексиканского императора, Кортес решил осуществить самый смелый и беспрецедентный план - чисто "наполеоновское движение", которое вряд ли могло прийти в голову какому-либо генералу древности или современности. Он убеждал себя, что в любой момент может вспыхнуть ссора между его людьми и горожанами; испанцы снова не смогут долго сохранять спокойствие, если не будут активно действовать; и, в-третьих, еще большая опасность грозила тлашкальцам, "свирепой расе, которая теперь ежедневно контактирует с нацией, которая относится к ним с отвращением". Наконец, губернатор Кубы, уже сильно обиженный на Кортеса, мог в любой момент послать за ним достаточную армию, чтобы отнять у него славу завоевателя. Поэтому Кортес принял дерзкое решение схватить Монтесуму в его дворце и доставить его в качестве пленника в испанские покои. Таким образом, он надеялся взять в свои руки верховное руководство делами и в то же время обеспечить свою собственную безопасность, соблюдая такое "священное обещание".

Необходимо было найти предлог для захвата гостеприимного Монтесумы. Когда Кортес прибыл в Чолулу, до него уже дошли вести о том, что Эскаланте, которого он оставил командовать Веракрусом, потерпел поражение от ацтеков в битве с битой, и что голова убитого испанца была отправлена императору после того, как ее с триумфом показали в нескольких главных городах.

Кортес попросил аудиенции у Монтесумы, и, получив ее с готовностью, он подготовился к своему заговору, выставив во дворе большой отряд вооруженных людей. Выбрав пятерых испытанных храбрецов, Кортес вошел во дворец и, будучи любезно принят, сказал Монтесуме, что ему известно о предательстве, произошедшем у побережья, и что, как говорят, причиной тому был император.

Император сказал, что такое обвинение могло быть состряпано только его врагами. Он согласился с предложением Кортеса вызвать вождя ацтеков, обвиненного в предательстве, в гарнизон Веракруса, а затем был уговорен перенести свою резиденцию во дворец, занятый испанцами. Там его приняли и обращались с ним с показным уважением; но его люди заметили, что перед дворцом постоянно дежурил патруль из шестидесяти солдат, а еще один такой же многочисленный находился сзади.

Когда вождь ацтеков прибыл с побережья, он и его шестнадцать товарищей-ацтеков были приговорены к сожжению заживо перед дворцом.

Следующим смелым поступком испанского генерала был приказ заковать лодыжки Монтесумы в железные кандалы. Великий император, казалось, был поражен оцепенением и не произнес ни слова. Тем временем вождей ацтеков казнили во внутреннем дворе без помех, население вообразило, что приговор им вынес Монтесума, а жертвы безропотно покорились своей участи.

Кортес, вернувшись затем в комнату, где был заключен Монтесума, снял оковы и сказал, что теперь он свободен и может вернуться в свой собственный дворец. Император, однако, отклонил это предложение.

Инстинктивное чувство человеческого сочувствия, должно быть, часто не только подавлялось, но и гасилось всеми великими полководцами-завоевателями, которые сокрушали народы. Помимо примеров доисторических времен в Азии и Европе, у нас есть примеры Александра Грека, Юлия Цезаря римлянина, испанцев Кортеса и Писарро, Фридриха Пруссакса и Наполеона корсиканца.

Великий французский генерал сознательно стремился к драматическому эффекту в своих подвигах, но насколько ничтожен его захват герцога Энгиенского глубокой ночью отрядом солдат или его принуждение короля Испании отказаться от своего суверенитета после того, как он вынудил его пересечь границу Франции. В беспрецедентном случае с Кортесом могущественный император был схвачен несколькими незнакомцами в полдень и увезен пленником без сопротивления и кровопролития. Столь экстраординарная сделка, по словам Робертсона, казалась бы "экстравагантной за пределами вероятности", если бы все обстоятельства не были "подтверждены самыми неоспоримыми доказательствами".

Племянник Монтесумы, Какама, правитель Тецкоко, внимательно следил за всеми движениями испанцев. Он "с негодованием и презрением взирал на жалкое положение своего дяди и теперь приступил к заключению союза с несколькими соседними казиками, чтобы сбросить ненавистное ярмо испанцев". Весть об этом союзе достигла ушей Кортеса, и, арестовав его с разрешения Монтесумы, он сместил его и назначил на его место младшего брата. Остальные казики были схвачены, каждый в своем городе, и доставлены в Мексику, где Кортес поместил их в строгое заключение вместе с Какамой.

Следующим шагом, предпринятым Кортесом, было требование от Монтесумы признания верховенства испанского императора. Монарх ацтеков и вождь казиков легко согласились на это и даже согласились, что каждый из них должен выслать денежное вознаграждение в качестве доказательства лояльности. Были разосланы коллекционеры, и "через несколько недель большинство из них вернулись, привезя большое количество золотой и серебряной посуды, богатые вещи и т.д.". К этому Монтесума добавил огромный клад, сокровища своего отца. Когда его принесли в покои, одного золота хватило, чтобы составить три большие кучи. Он

состоял частично из местных зерен, частично из брусков; но наибольшую долю составляла посуда, всевозможные украшения и любопытные игрушки, а также имитации птиц, насекомых или цветов, выполненные с необычайной правдивостью и изяществом. Было также множество ошейников, браслетов, жезлов, вееров и других безделушек, в которых золото и перья были богато усыпаны жемчугом и драгоценными камнями. Монтесума выразил сожаление, что сокровище не стало больше; он "уменьшил его, - сказал он, - своими прежними подарками белым людям".

Испанцы любовались этой демонстрацией богатств, намного превосходящих все, что до сих пор видели в Новом Свете, хотя и незначительных по сравнению с количеством сокровищ, найденных в Перу. По словам Прескотта, общая сумма этого мексиканского подарка составила около 1 417 000 фунтов стерлингов, а доктор Робертсон уменьшил ее.

Разделить добычу было нелегкой задачей. Пятая часть должна была быть вычтена для Короны, и равная доля досталась генералу, помимо "крупной суммы компенсации ему и губернатору Кубы за расходы, связанные с экспедицией и потерей флота". Гарнизон Вера-Крус также должен был быть обеспечен. Кавалерия, мушкетеры и арбалетчики получали двойное жалованье." Таким образом, на каждого простого солдата приходилось всего 100 золотых *хлесо*, т. е. 2-5 / 8 X 100 фунтов стерлингов = 262 10 шиллингов. Многим эта доля показалась ничтожной по сравнению с их ожиданиями, и потребовался весь такт и авторитет Кортеса, чтобы подавить ропот.

Оставалась еще одна важная цель испанского вторжения, цель, которую Кортес, как добрый католик, не осмеливался упускать из виду, — обращение нации ацтеков из язычества. Кровавый ритуал *теокаллиса* по-прежнему соблюдался в каждом городе. Кортес посетил Монтесуму, настаивая на том, чтобы великий храм был отведен для публичных богослужений в соответствии с христианскими обрядами.

Монтесума, очевидно, был сильно встревожен, заявив, что его народ никогда не допустит подобной профанации, но в конце концов, посоветовавшись со священником, согласился предоставить христианам одно из святилищ на вершине храма в качестве места поклонения.

Был воздвигнут алтарь, увенчанный распятием и изображением Пресвятой Богородицы. Вся армия торжественной процессией поднялась по ступеням и с молчаливым благоговением слушала службу. В заключение, "когда прекрасная Богиня вознеслась к небесам, Кортес и его соратники, стоя на коленях на земле, со слезами на глазах изливали свою благодарность Всевышнему за этот славный триумф креста". Такой союз язычества и христианства был слишком неестественным, чтобы продолжаться.

Несколько дней спустя император послал за Кортесом и настоятельно посоветовал ему немедленно покинуть страну. Кортес ответил, что корабли необходимы. Монтесума согласился поставлять древесину и рабочих, и за короткое время в Вера-Крус на морском побережье было начато строительство нескольких кораблей, в то время как столичный гарнизон днем и ночью держал себя в готовности к вражескому нападению. С момента прибытия испанцев в столицу в 1519 году прошло всего шесть месяцев, и теперь армия находилась в более неудобных условиях, чем когда-либо.

Тем временем, пока Кортес покорял Мексику и смирял несчастного Монтесуму, губернатор Кубы подал жалобу в испанский суд, но безуспешно. Карл V с момента своего избрания на императорскую корону Германии пренебрег делами Испании; и когда послы из Веракруса

прибыли к нему, из совещания мало что вышло, кроме изумления придворных количеством золота, прекрасной работой украшений и богатыми цветами мексиканских перьев. Оппозиция епископа Бургоса помешала завоевателю Мексики, поскольку он уже успешно противостоял замыслам "Великого адмирала" и его сына Диего Колумба. Сейчас мы увидим, как этот влиятельный священнослужитель смог помешать Бальбоа стать губернатором Дариена.

Теперь Веласкес был полон решимости отомстить Кортесу, не дожидаясь больше помощи из Испании. Он подготовил экспедицию из восемнадцати кораблей с восьмьюдесятью всадниками, 800 пехотинцами, 120 арбалетчиками и двенадцатью артиллерийскими орудиями. Командовать ими Веласкес выбрал идалго по имени Нарваес, который ранее помогал в покорении Кубы и Эспаньолы. Личный облик Нарваэса, приведенный Диасом, заслуживает того, чтобы его процитировать:

Он был высоким, крепко сложенным, с большой головой и рыжей бородой, приятной осанкой, голосом глубоким и звучным, словно доносился из пещеры. Он был хорошим и доблестным наездником.

Тем временем Кортес убедил Монтесуму, что в Вера-Крус прибыли несколько друзей из Испании, и поэтому получил разрешение оставить его и столицу во главе Альварадо с небольшим гарнизоном. Монтесума в своих королевских носилках, которые несли на плечах его ацтекские вельможи, сопровождал испанского генерала до южной дамбы.

Когда Кортес был на расстоянии пятнадцати лиг от Земпоаллы, где стоял лагерь Нарваес, последний прислал сообщение, что, если его власть будет признана, он предоставит корабли Кортесу и его армии, чтобы все, кто пожелает, могли свободно покинуть страну со всем своим имуществом.

Однако Кортес со своей обычной проницательностью ответил: "Если Нарваес получит королевское поручение, я с готовностью подчинюсь ему. Но он не представил ни одного. Он заместитель моего соперника Веласкеса. Что касается меня, то я слуга короля; я завоевал страну для него; и ради него я и мои храбрые последователи будем защищать ее до последней капли нашей крови. Если мы падём, то для нас будет достаточно славы погибнуть при исполнении нашего долга".

Нарваэс и его армия тем временем легкомысленно проводили время; и когда настоящая атака началась глубокой ночью, под проливным дождем, оказалось, что на страже были только двое часовых. Нарваэс, тяжело раненный, был взят в плен на вершине *теокалли*; и очень скоро его армия была рада капитулировать. Конные солдаты, которых Нарваэс послал перекрыть одну из дорог, ведущих в Земпоаллу, вскоре подъехали, чтобы выразить свою покорность. Победоносный генерал, восседавший в парадном кресле, в богато расшитой мексиканской мантии на плечах, принимал поздравления от офицеров и солдат обеих армий. Нарваэса и еще нескольких человек вели в цепях.

Кортес не только разгромил Нарваэса, но и после битвы призвал под свои знамена испанских солдат, которые были посланы атаковать его, что напомнило о "магнетизме" Ганнибала или Наполеона и последующем энтузиазме, вызываемом одним лишь присутствием, взглядами и словами.

Однако, прежде чем ликование закончилось, Кортесу из мексиканской столицы принесли весть о том, что весь город охвачен восстанием против Альварадо. Возвращаясь на великое плато, Кортес обнаружил, что жители Тласкалы по-прежнему дружелюбны и готовы помочь как союзники в борьбе со своими давними врагами, мексиканцами. Добравшись до лагеря испанцев в Мексике, Кортес обнаружил, что Альварадо спровоцировал восстание, устроив резню населения ацтеков.

Войдя на территорию крепости со своей армией, Кортес сразу же начал лихорадочные приготовления к осаде, которой угрожали ацтеки, собиравшиеся теперь тысячами.

Когда нападавшие приблизились, "они издали отвратительный вопль, или, скорее, тот пронзительный свист, который используется в бою народами Анауака", сопровождаемый звуками шелла, атабала и других их грубых инструментов дикой музыки. За этим последовал шквал метательных снарядов, камней, дротиков и стрел. Испанцы подождали, пока передовая колонна приблизится на расстояние удара, когда общий залп артиллерии и мушкетов разметал ряды нападавших. Никогда до сих пор мексиканцы не были свидетелями смертоносной мощи этих грозных машин. Сначала они стояли в ужасе, но вскоре, собравшись с силами, бросились вперед, перешагивая через распростертые тела своих товарищей.

Продвигаясь вперед, некоторые из них пытались взобраться на парпет, в то время как другие пытались пробить в нем брешь. Когда парпет оказался слишком прочным, они выпустили горящие стрелы по деревянным укреплениям.

На следующий день к силам нападавших постоянно пополнялись новые отряды воинов, так что опасность ситуации значительно возросла. Диас, сторонний наблюдатель, так написал:

Мексиканцы сражались с такой яростью, что, если бы нам помогали 10 000 гекторов и столько же орландо, мы не произвели бы на них никакого впечатления. Среди наших солдат было несколько человек, участвовавших в итальянских войнах, но ни там, ни в сражениях с турками они никогда не видели ничего подобного отчаянию, проявленному этими индейцами.

Кортес наконец отвел своих людей и дал сигнал к отступлению, укрывшись в крепости. Мексиканцы расположились лагерем вокруг него и всю ночь оскорбляли осажденных, крича: "Боги наконец отдали вас в наши руки: жертвенный камень готов, ножи наточены".

Теперь Кортес почувствовал, что он не до конца понял характер мексиканцев. Терпение и покорность, которые раньше проявлялись из уважения к раненому Монтесуме, теперь сменились сосредоточенным высокомерием и свирепостью. Испанский генерал даже снизошел до просьбы о вмешательстве императора ацтеков; и, наконец, когда его заверили, что иностранцы покинут его страну, если будет открыт путь через мексиканскую армию, он согласился использовать свое влияние. Для этой цели

он облачился в свои императорские одежды; его бело-голубая мантия ниспадала на плечи, удерживаемая богатой застежкой из зеленого *чалчивитля*. Такой же драгоценный камень, с изумрудами необычного размера, оправленными в золото, обильно украшал другие части его платья. Его ноги были обуты в золотые сандалии, а брови украшала мексиканская

диадема, напоминающая по форме папскую тиару. Одетый таким образом, окруженный охраной из испанцев и нескольких знатных ацтеков и сопровождаемый золотым жезлом, символом суверенитета, индийский монарх поднялся на центральную башню дворца.

При виде Монтесумы вся мексиканская армия замолчала, отчасти, без сомнения, из любопытства. Он заверил их, что он не пленник; что незнакомцы - его друзья и покинут Мексику по собственной воле, как только откроется путь.

Называть себя другом ненавистных испанцев было роковым аргументом. Вместо того чтобы уважать своего монарха, хотя и в его официальных одеждах, население осыпало его гневными проклятиями как дегенеративного ацтека, труса, который больше не воин и даже не мужчина!

В Монтесуму была выпущена туча снарядов, и он был сбит на землю ударом камня по голове. Несчастный монарх прожил со своими ранами всего несколько дней, не принимая никакой пищи и не обращаясь за советом к испанским священникам.

Тем временем Кортес и его армия столкнулись с неожиданной опасностью. Большой отряд индейских воинов захватил великий храм, расположенный недалеко от испанских кварталов. С этой господствующей позиции они продолжали обстреливать испанцев смертоносным градом стрел. Кортес послал своего камергера Эскобара с отрядом людей штурмовать храм, но после трех попыток отряду пришлось отказаться от этой попытки. Затем сам Кортес возглавил штурмовой отряд и после нескольких решительных боев достиг платформы на вершине храма, где стояли два святилища ацтекских божеств. Теперь эта обширная территория стала ареной отчаянного сражения, которое велось на виду у всей столицы, а также у испанских войск, все еще остававшихся во внутреннем дворе.

Эта борьба между такими смертельными врагами привела к ужасной резне с обеих сторон:

Край площадки не был защищен парапетом или зубчатой стеной; и иногда было видно, как сражающиеся, борясь в смертельной агонии, вместе переваливались через отвесные края пропасти. Сам Кортес едва избежал этой ужасной участи.... Численность врага была вдвое больше, чем у христиан; но неуязвимые доспехи испанца, его несравненный меч и умение им пользоваться давали ему преимущества, которые намного перевешивали превосходство в физической силе и численности.

Эта беспрецедентная сцена кровопролития продолжалась три часа. Из мексиканцев "выжили только два или три священника, которых с триумфом увели"; и все же потери испанцев были достаточно серьезными, составив сорок пять их лучших людей. Почти все остальные были ранены, некоторые серьезно.

Вытащив неотесанного монстра Уицилопочтли из его святилища, нападавшие сбросили отталкивающее изображение со ступеней храма, а затем подожгли здание. В тот же вечер они сожгли большую часть города.

Теперь Кортесы решили ночью отступить из столицы; но, продвигаясь маршем по одной из дамб, они были атакованы мексиканцами в таком количестве, что к рассвету от разбитого батальона осталось менее половины его численности. В последующие годы это катастрофическое отступление было известно испанским хронистам как *Noche Triste*, "Ночь скорби".

После поспешного шестидневного перехода от преследователей Кортес одержал победу, ставшую сигналом к быстрому заключению союза с Тласкалой против Мексики. Кортес построил двенадцать бригантин в Вера-Крус, чтобы закрепиться за озером Тескуко и таким образом попытаться захватить мексиканскую столицу. Вернувшись к великому озеру, он обнаружил, что трон теперь занимает Гватимозин, племянник Монтесумы. Используя свои бригантины, испанские солдаты начали осаду Мексики — "самое памятное событие в завоевании Америки". Это продолжалось семьдесят пять дней, в течение которых вся столица была превращена в руины. Гуатимозин, последний из императоров ацтеков, был приговорен испанским генералом к повешению по обвинению в государственной измене.

Теперь Кортес был хозяином всей Мексики. Испанский двор и народ были полны восхищения его победами и масштабом завоеваний, и Карл V назначил его "генерал-капитаном и губернатором Новой Испании". При повторном посещении Европы император наградил его орденом Святого Яго и титулом маркиза. Однако в последнее время, после нескольких неудач в своих исследовательских экспедициях, Кортес, вернувшись в Испанию, обнаружил, что к нему относятся с пренебрежением. Именно тогда, согласно рассказу Вольтера, Карл спросил придворных: "Кто этот человек?" обращаясь к Кортесу, последний громко сказал: "Это тот, сир, кто добавил к вашим владениям больше провинций, чем любой другой губернатор добавил городов!" Кортес умер на шестьдесят втором году жизни, 2 декабря 1547 года.

ГЛАВА VIII

БАЛЬБОА И ПЕРЕШЕЕК

В истории испанского завоевания Америки участвовали три великих полководца: Кортес, Бальбоа и Писарро. Возможно, многим читателям третий покажется неизмеримо превосходящим второго как исследователя и завоевателя, но следует помнить, что план Писарро по открытию Перу и вторжению в него был именно тем, что Бальбоа уже подготовил. Писарро мог позволить себе сказать: "Другие трудились, а я просто участвовал в их трудах".

В чем же тогда заключалась работа, проделанная Бальбоа, и что помешало ему захватить Перу? В 1510 году, за год до завоевания Кубы, Бальбоа был рад сбежать с Эспаньолы, но не для того, чтобы избежать жестокости Испании, как Хатуэй, незадачливый казике, а для того, чтобы спастись от своих испанских кредиторов. Ему так не терпелось попасть на борт, что он спрятался в бочке, чтобы его не заметили. Бальбоа, однако, обладал административными качествами, и после вступления во владение неубранным районом Дариен от имени короля Испании он был назначен губернатором новой провинции. Он построил город Санта-Мария на побережье залива Дариен; но этот район был настолько заражен (и остается таким до сих пор), что поселенцы через короткое время были рады перебраться на другую сторону перешейка.

Совершенно случайно Бальбоа впервые услышал о великом океане за горами Дариен и об огромных богатствах Перу, страны, доселе неизвестной Испании и Европе. Однажды, когда несколько солдат спорили о разделе какого-то количества золотого песка, индийский казик крикнул:

- Зачем ссориться из-за такого пустяка? Я могу показать вам регион, где самые обычные кастрюли и сковородки сделаны из этого металла.

На расспросы Бальбоа и его спутников казике ответил, что, проехав шесть дней на юг, они увидят другой океан, рядом с которым лежит богатое королевство.

Решив пересечь перешеек, несмотря на тысячи непреодолимых препятствий, Бальбоа сформировал отряд, состоящий из 190 ветеранов в сопровождении 1000 индейцев и нескольких свирепых собак, натасканных охотиться на голых туземцев. Трудности были таковы, что "шестидневное путешествие" заняло двадцать пять дней, прежде чем был достигнут гребень перешейкового хребта.

Бальбоа приказал своим людям остановиться и в одиночку поднялся на вершину, чтобы первым насладиться зрелищем, которого он так долго желал. Как только он увидел море, бесконечно простиравшееся под ним, он упал на колени... его последователи, наблюдавшие за его вспышками радости, бросились вперед, чтобы присоединиться к его удивлению, ликованию и благодарности.

Это был момент 25 сентября 1513 года, увековеченный в сонете Китса:

Когда орлиным взором
Он смотрел на Тихий океан, а все его люди
молча, с диким подозрением,
смотрели друг на друга на вершине Дариена.

Бальбоа поспешил вниз по западному склону хребта перешеек, чтобы официально вступить во владение островом от имени испанского монарха. Там он нашел рыбацкую деревушку, которую индейцы называли Панама (то есть "изобилие рыбы"), но она также славилась жемчугом, найденным в ее заливе.

В своем письме в Испанию Бальбоа сказал, чтобы проиллюстрировать трудности экспедиции, что из всех 190 человек в его отряде никогда не было более восьмидесяти годных к службе одновременно. Несмотря на чудесные новости об открытии "великого южного океана", как тогда называли Тихий океан, Фердинанд не обратил внимания на великие заслуги Бальбоа и назначил нового губернатора Дариена по имени Педрариас, который возбудил судебное расследование некоторых предыдущих сделок Бальбоа, наложив в качестве наказания крупный штраф. Новый губернатор совершил и другие крайне неосторожные поступки, и в конце концов Фердинанд почувствовал, что он всего лишь заменил самого деятельного и опытного офицера, который у него был в Новом Свете. Чтобы загладить вину перед Бальбоа, он был назначен "вице-губернатором стран Южного моря" с большими привилегиями и полномочиями. В то же время Педрариасу было приказано "поддерживать Бальбоа во всех его операциях и консультироваться с ним относительно всех мер, которые он предпринимал сам".

Бальбоа в 1517 году начал подготовку к выходу в Южное море и переброске войск в страну, в которую он предполагал вторгнуться. С четырьмя небольшими бригантинами и 300 отборными солдатами (силами, превосходящими те, с которыми Писарро впоследствии предпринял ту же экспедицию) он уже собирался отплыть к берегам, на которые они возлагали такие надежды, когда от Педрариаса прибыло сообщение. Бальбоа, не подозревавший о преступлении,

согласился отложить экспедицию и встретиться с Педрариасом для совещания. При входе во дворец Бальбоа был арестован и немедленно предстал перед судом по обвинению в нелояльности королю и намерении восстать против губернатора. Он был быстро приговорен к смертной казни, хотя обвинение было настолько абсурдным, что судьи, вынесшие приговор, "поддержанные всей колонией, горячо ходатайствовали о его помиловании". "Испанцы с изумлением и скорбью наблюдали за публичной казнью человека, которого они повсеместно считали более способным, чем кто-либо, кто когда-либо командовал в Америке, вынашивать и осуществлять великие замыслы". Эта вопиющая несправедливость, вылившаяся в общественный скандал, объяснялась пагубным влиянием епископа Бургоса в Испании, который был первоначальной причиной смещения Бальбоа с поста губернатора Дариена.

От экспедиции, задуманной Бальбоа, теперь отказались; но перенос колонии вскоре после этого на тихоокеанскую сторону перешейки можно считать шагом к осуществлению точно такой же попытки Пиццаро.

Некоторым читателям, читающим историю, слово "Дариен" лишь напоминает о горьком предубеждении, которое питалось к Вильгельму III, нашему "голландскому королю", несмотря на особые просьбы лорда Маколея и других. Некоторые шотландские торговцы приняли схему, рекомендованную наиболее надежными властями^[23] той эпохи, а именно, поселение наполовину коммерческой, наполовину военной колонии на атлантическом побережье перешейки. Такая компания, по словам Патерсона, была бы хозяевами "врат морей" и "ключа от вселенной". Ост-Индские компании Англии и Голландии проявляли завистливое отношение к шотландским купцам, и поэтому от короля не следовало ожидать никакой помощи, хотя он дал королевскую санкцию Шотландскому парламентскому акту о создании компании. Шотландский народ, однако, рьяно продолжал реализацию плана. Около 1200 человек "отплыли из Лейта под благословения многих тысяч собравшихся соотечественников". Они благополучно достигли Дарьенского залива и обосновались на побережье в местностях, которым дали названия Новая Каледония и Нью-Сент-Эндрюс". Правительство Испании (тайно подстрекаемое, как считалось, английским королем) решило напасть на колонию эмбрионов. Вскоре последовало крушение всего плана, несомненно, в большей степени из-за зависти английских купцов (которые считали, что любое расширение торговли в Шотландии или Ирландии было положительным убытком для Англии) и недобросовестности нашего голландского короля, чем по каким-либо другим причинам. Из колонии, согласно Дэлримплу (ii, 103), не более тридцати человек когда-либо снова видели свою страну.

В 1526 году была сформирована компания английских купцов для торговли с Вест-Индией и "Испанским Мэйном", имевшая большой успех. Другие купцы поступили так же. Вскоре после того, как испанский двор учредил береговую охрану для ведения войны с этими торговцами; и поскольку у них была полная власть захватывать и убивать всех, кто не выполнял поручения короля Испании, в Европе ходили ужасные истории о нанесении увечий, пытках и мести. Когда Наветренные острова были постепенно заселены французскими и английскими авантюристами, Фридрих Толедский был послан с большим флотом уничтожить эти мелкие колонии. Это жестокое обращение привело плантаторов в отчаяние, и под названием "пираты",^[24] они продолжили "возмездие, настолько ужасно жестокое [*против*Примечаний к Рокби], что прочтение заставляет читателя содрогнуться. От пиратства на море они перешли к грабительским набегам на испанские территории, в которых проявляли ту же яростную и непреодолимую доблесть, ту же жажду добычи и ту же жестокую бесчеловечность по

отношению к своим пленникам ". Гордости и самонадеянности Испании частично противостояли английские монархи, но не с реальным эффектом до времен Кромвеля, сильнейшего из всех правителей Британии. При его морском правительстве Испания была лишена острова Ямайка, а буканьеры, к своему отвращению, обнаружили, что флаг великого Протектора служит защитой от всякого пиратства и несправедливости.

Однако при Карле II буканьеры возобновили конфликт с испанцами, и в 1670 году Генри Морган с 1500 английскими и французскими головорезами решил пересечь перешеек подобно Бальбоа, чтобы разграбить хранилища золота и серебра, которые находились в городе Панама и других местах тихоокеанского побережья. Взяв штурмом сильную крепость в устье реки Чагрес, они десять дней пробивались сквозь густые леса и после долгих трудностей достигли Панама, где обнаружили, что ее защищает регулярная армия, вдвое превосходящая их по численности. Испанцы, однако, были разбиты, и Морган основательно разграбил город, взяв в плен всех знатных горожан, чтобы впоследствии вымогать большие выкупы.

Десять лет спустя Дарьенский перешеек пересек Дампир, еще один знаменитый пират, но его отряд был слишком мал, чтобы напасть на Панаму. Они захватили несколько испанских судов в заливе и зачем-то разграбили все побережье. Следующее описание отважного пирата небезынтересно для тех, кто осознает нынешнюю важность этого места:

Недалеко от реки стоит Новая Панама, очень красивый город, в просторном заливе того же названия, в который впадает множество длинных и судоходных рек, некоторые из которых не лишены золота; кроме того, он украшен множеством приятных островов, местность вокруг него открывает восхитительный вид на море.... Дома в основном кирпичные и довольно высокие, особенно президентский, церкви, монастыри и другие общественные сооружения, которые представляют собой лучшее зрелище, которое я видел в Вест-Индии.

Нынешнее процветание Панама обусловлено ее крупной транзитной торговлей, которая недавно оценивалась в 15 000 000 фунтов стерлингов в год. Промысел жемчуга, знаменитый во времена визита Бальбоа, сейчас не представляет особой ценности. Поскольку самая узкая часть перешейка составляет всего тридцать миль, естественно, было много инженерных предложений по соединению Тихого и Атлантического океанов каналом. М. де Лессепс основал французскую компанию в 1881 году для строительства судоходного канала с восемью шлюзами и длиной более сорока шести миль; но в 1889 году раскопки прекратились после того, как было извлечено около 48 с половиной миллионов кубометров земли и породы. Тем временем железная дорога длиной 47 с половиной миль соединяет Колон в Атлантике с Панамой в Тихом океане.

Мексиканский перешеек Теуантепек, всего 140 миль в поперечнике, отделяет залив Кампичи от Тихого океана, и, за исключением Панамского канала, некоторые инженеры выступали за железную дорогу для перевозки больших судов *целиком* из Атлантики в Тихий океан. Эта схема встретила большую поддержку в Соединенных Штатах, но до сих пор не была реализована.

Третье предложение о соединении двух великих океанов, вероятно, наиболее осуществимо, поскольку оно следует за наиболее глубоко выраженной впадиной перешейка. Никарагуанский судоходный канал, если схема будет реализована, пройдет от Грейтауна на Атлантическом побережье до Брито на Тихом океане, примерно в 170 милях друг от друга, через республику Никарагуа, которая лежит к северу от Панама и к югу от Гватемалы. Одним из очевидных

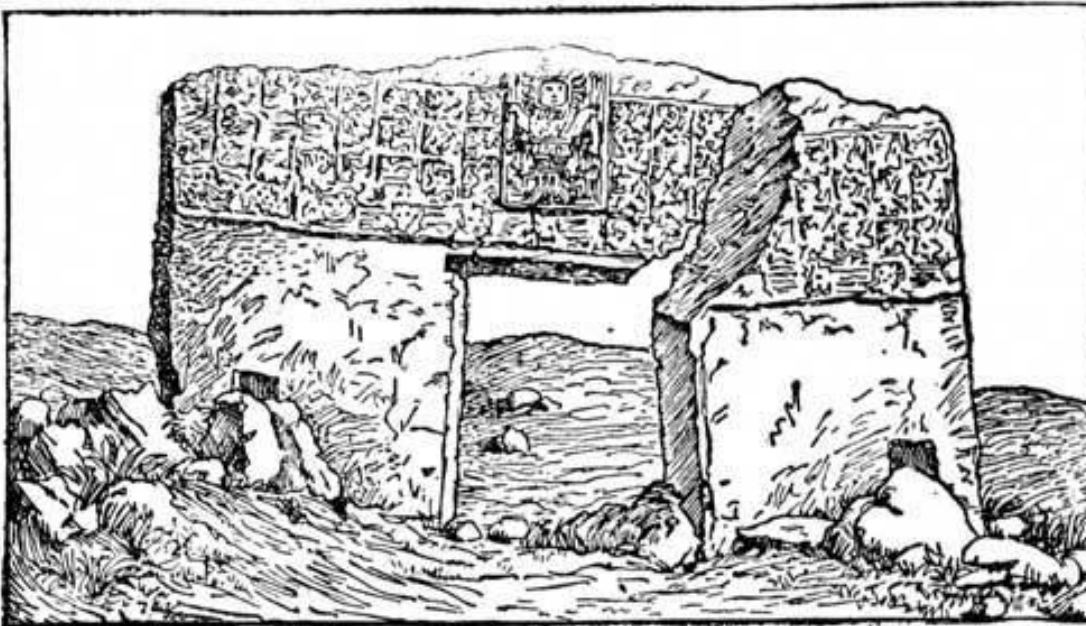
преимуществом этого судоходного канала является то, что великое озеро используется, обеспечивая уже около трети водного пути; фактически, только двадцать восемь миль являются настоящим каналом, а остальное судоходство по рекам, озерам и лагунам. В последних технических требованиях инженеры предложили запрудить реку (Сан-Хуан) каменной стеной высотой семьдесят футов и длиной 1900 футов, подняв таким образом уровень воды до 106 футов над уровнем моря. Для работы никарагуанского судоходного канала потребуется всего три шлюза.

ГЛАВА IX

ВЫМЕРШАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПЕРУ

§ (А) Перуанская археология

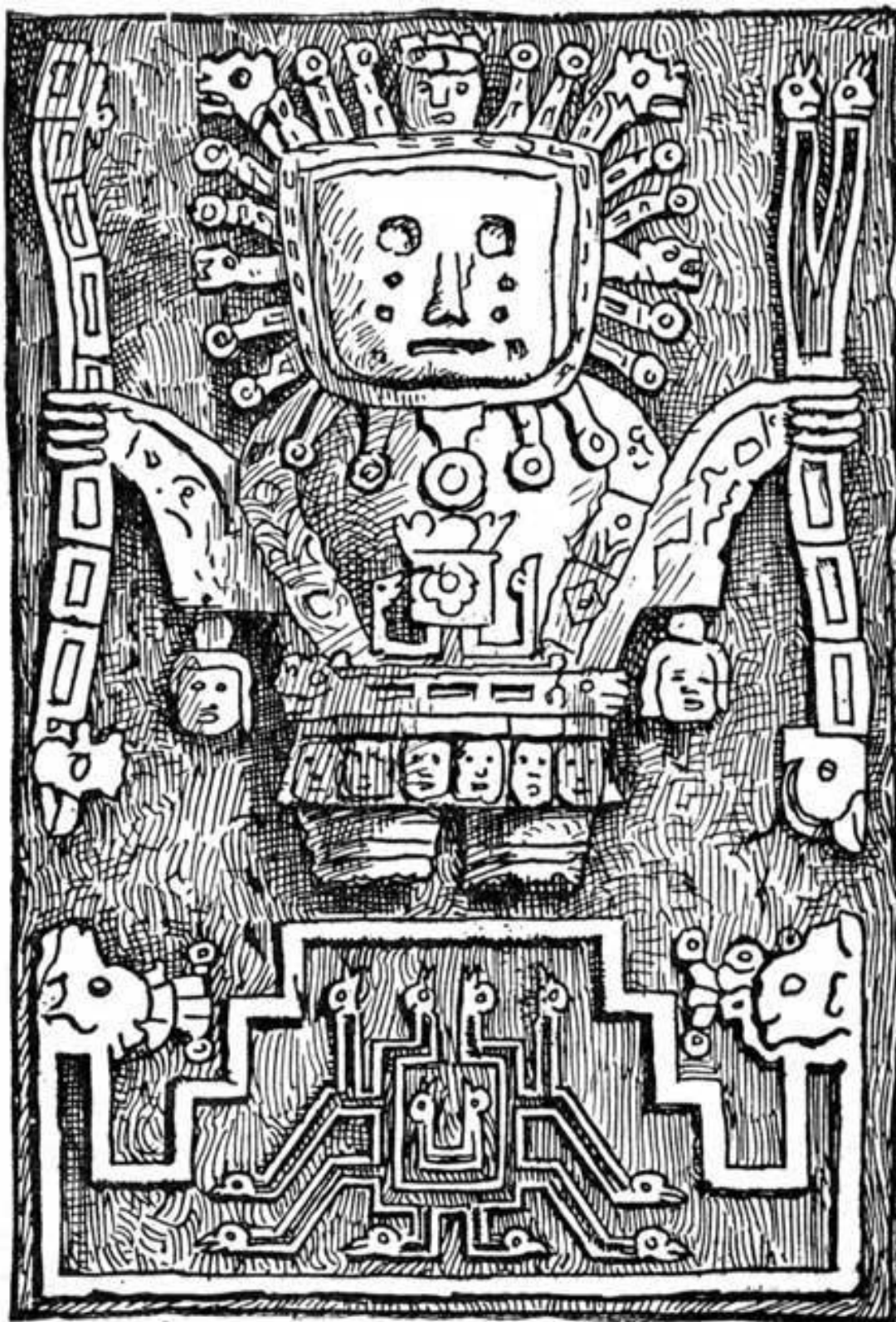
Поскольку исчезнувшая цивилизация инков Перу является наиболее важной фазой развития среди всех американских рас, их доисторические останки также чрезвычайно интересны для археолога.

Дверной проем из монолита. Недалеко от озера Титикака. Рис. 1.

1. *Архитектура.*—Во внутренних районах страны мы находим много замечательных примеров каменного строительства, таких как стены из огромных многоугольных камней, четырехгранных, пятигранных или шестигранных, около шести футов в поперечнике, уложенных без раствора и так тонко отполированных и подогнанных, что между ними невозможно просунуть лезвие ножа. Прочности каменной кладки иногда способствует то, что выступающие части камня помещаются в соответствующие углубления в камне над или под ним. Камни часто представляли собой чрезвычайно твердый гранит, или базальт, и т.д., поэтому путешественники-антиквары задавались вопросом, как в древние времена туземцы могли

резать и полировать их без каких-либо металлических инструментов. Обычное объяснение состоит в том, что работа выполнялась путем терпеливого трения одного камня о другой с помощью острого песка, поскольку "время не имело значения" в случае рабочих у диких и примитивных рас. Большинство антикваров считают, что задолго до периода инков существовала могущественная империя, к которой мы должны отнести такие циклопические руины; тем более что конструкция и стиль так сильно отличаются от того, что можно найти в период инков. Огромные камни встречаются в Тиауанаку (недалеко от озера Титикака), Куско, Ольянтае и у алтаря Конча. Рис. 1 - разрушенный дверной проем в Тиауанаку, состоящий из огромных монолитов. Рис. 2 - увеличенное изображение над дверным проемом, показанное на рис. 1. Дверной проем образует вход на четырехугольную площадку (400 на 350 ярдов), окруженную большими камнями, стоящими дыбом. Ворота на рис. 1 - один из самых удивительных существующих каменных памятников, представляющий собой *один блок твердой породы*, глубоко погруженный в землю. Нынешний рост составляет более семи футов. Вся внутренняя сторона, "от линии на уровне верхней перекладины дверного проема до верха", представляет собой скульптурную массу, "которая говорит с нами, - говорит сэр К. Р. Маркхэм, - сложными загадками обычаев и художественной культуры, верований и традиций древней "вымершей цивилизации".

Изображение над

дверным проемом, показанное на рис. 1.

Недалеко от озера Титикака. Рис. 2.

Горельефная фигура над дверным проемом (рис. 2) представляет собой голову, окруженную лучами, "каждый из которых заканчивается кругом или головой животного". С пояса свисают

шесть человеческих голов, и еще две - на локтях. В каждой руке скипетр, заканчивающийся на нижнем конце головой кондора — огромного американского стервятника, знакомого перуанцам. Эта хищная птица, вероятно, была эмблемой королевской власти доисторической династии, ныне давно забытой.

Некоторые старые историки говорят о богато украшенных резьбой статуях, которые раньше стояли в этой ограде, и "множестве цилиндрических колонн". О каменной кладке этих руин в целом Сквайер говорит: "Камень облицован с точностью, которую не может превзойти никакое мастерство, его прямые углы выточены с точностью, которую не смог бы превзойти самый тщательный геометр. Я не верю, что на этом или другом континенте существует лучшее произведение камнерезного искусства, чем рассматриваемый материал".

Крепость над Куско, столицей инков, считается самым грандиозным памятником исчезнувшей американской цивилизации. "Подобно пирамидам и Колизею, он нетленен.... Укрепленное сооружение длиной 600 ярдов, построенное из гигантских камней в три ряда, образующих стены, поддерживающие террасы и парапеты.... Камни сделаны из голубого известняка, огромного размера и неправильной формы, но подогнаны друг к другу с редкой точностью. Один камень имеет высоту двадцать семь футов на четырнадцать, а другие - пятнадцать футов на двенадцать - обычное дело для всей работы".

Во всей архитектуре доисторических перуанцев настоящей арки не найти, хотя есть подход к описанной ранее "арке майя", завершающий дверной проем над головой наложенными друг на друга камнями.

Огромные крепости Оллантай и Писак на самом деле представляют собой холмы, которые с помощью окружающих стен были преобразованы в огромные пирамиды со множеством террас, возвышающихся друг над другом. Все крупные здания, такие как храмы и дворцы, были спланированы в соответствии со "сторонами света", главный вход всегда был обращен к восходящему солнцу. На сооружение гробниц древними перуанцами уже обращали внимание (v. глава iv).

К югу от Куско находятся руины храма Кача, который, как считается, относится к периоду между уже описанными циклопическими сооружениями и архитектурой инков. Главная часть имеет 110 ярдов в длину и построена из обработанных камней; а в середине здания из конца в конец проходит стена, пронизанная двенадцатью высокими дверными проемами. Там также были два ряда колонн, которые раньше поддерживали пол.

Эти следы циклопических строителей указывают на чрезвычайно раннюю эпоху, но некоторые исследователи перуанских древностей уверенно указывают на явные свидетельства существования еще более примитивной расы — возможно, их можно сравнить с теми строителями "памятников друидов", которых сейчас модно называть "людьми неолита". Некоторые "кромлехи", или захоронения, были найдены в Боливии и других частях Перу; и во многих отношениях они параллельны каменным памятникам, найденным в Великобритании, а также Бретани и других частях Европы. Некоторые из этих перуанских кромлехов состоят из четырех больших плит сланца, каждая высотой около пяти футов, шириной четыре или пять и толщиной более дюйма. Поверх них кладется пятая. Поверх всего этого сложена пирамида из глины и необработанных камней. Возможно, эта раса строителей кромлеха имела такое же отношение к строителям храмов, описанных выше, какое строители Китс-Коти-Хауса, между

Рочестером и Мейдстоуном, имели к строителям храма Стоунхендж на равнине Солсбери. Если бы им пришлось отступать по мере того, как ледяной покров удалялся все дальше от зоны знойного периода, то, согласно теории ледникового периода, жители кромлеха в обоих случаях в конце концов стали бы просто эскимосами.

2. *Акведуки.*— Древние перуанцы достигли большого мастерства в распределении воды, особенно для орошения. Были образованы искусственные озера или водохранилища, так что за счет перекрытия ручьев в сезон дождей создавался хороший запас воды для сухого сезона. Некоторые великие памятники их гидротехники все еще сохранились, такие как обширные цистерны, прочные дамбы вдоль рек для предотвращения перелива, туннели для осушения озер во время переизбытка воды и, в некоторых местах, искусственные каскады.

3. *Дороги и мосты.* Дороги и хайвеи инков были настолько превосходны, что "во многих местах" они до сих пор являются наиболее удобными путями передвижения. Они имеют ширину от пятнадцати до двадцати пяти футов и выложены мелкими камнями, часто уложенными в бетон. Поскольку использование вьючных животных было почти неизвестно, дороги поднимались не по крутому склону зигзагами, а по ступеням, вырубленным в скале. На определенных расстояниях для путешественников были возведены общественные приюты, и некоторые из них до сих пор являются лучшими ночлежными домами, которые можно найти вдоль маршрутов. Мосты были деревянными, из веревок, сделанных из волокна магуи, или из камня. Некоторые из последних все еще находятся в отличном состоянии, несмотря на буйство горных потоков, которым они подвергались на протяжении четырех столетий.

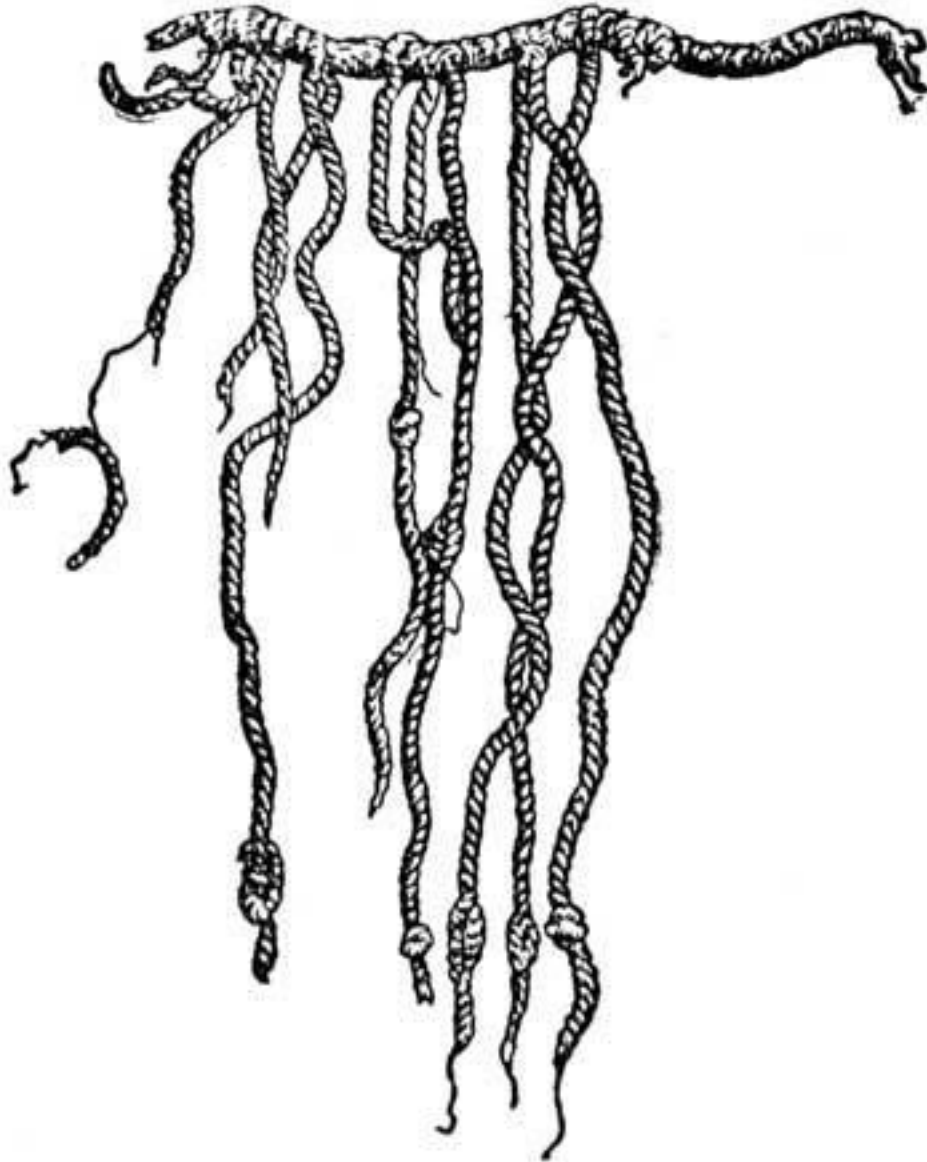
4. *Скульптура.*— Раса майя с Юкатана и Центральной Америки намного превосходила доисторических перуанцев в области каменной скульптуры. За исключением примеров, уже упомянутых в разделе 1, их художники, по-видимому, не создали ничего, что могло бы продемонстрировать мастерство изготовления, а тем более плодородие воображения. Во многом это объясняется отсутствием у них подходящих инструментов.

5. *Работа ювелира.*—В этой области искусства древние перуанцы значительно преуспели, особенно в инкрустации и позолоте. Чеканка золота и золочение были выполнены с поразительной тщательностью, и очень тонкие слои сусального золота на многих изделиях поначалу заставили испанцев поверить, что они сделаны из цельного металла. На этих тонких слоях были изображены орнаментальные узоры, включая птиц, бабочек и тому подобное.

6. *Керамика.*—В этом отделе промышленного искусства доисторические перуанцы проявили большие способности как "в отношении разнообразия дизайна, так и технического мастерства в подготовке материала. Вазы с заостренными доньшками и расписными боками, напоминающими о вазах древней Греции и Этрурии, часто находят на побережье." Заслуга этих художников заключалась в совершенной имитации природных объектов, таких как птицы, рыбы, фрукты, растения, черепа, люди в различных позах, лица (часто с графической индивидуальностью). Некоторые кувшины в точности напоминали "волшебные вазы", которые до сих пор встречаются в Индостане, и их можно опорожнить, только если держать под определенным углом.

7. Хотя эти древние перуанцы не знали перспективы и правил игры света и тени, у них было точное представление о цвете. "Прядение, ткачество и крашение, - цитируя сэра К. Р. Маркхэма, - были видами искусства, которые служили источником занятости для многих людей благодаря

количеству и разнообразию тканей.... Здесь были богатые платья, расшитые золотом или сделанные из золотой нити; тонкие шерстяные накидки, украшенные каймой из маленьких квадратных пластинок золота и серебра; цветные хлопчатобумажные ткани со сложными узорами; и ткани из волокон алоэ и овечьих сухожилий для бриджей. Более грубые ткани из шерсти ламы также производились в огромных количествах".

Кипу.

8. *Кипу* (то есть "узел").—Не имея письменности или даже какой-либо из более простых форм пиктограмм, которые изобрели некоторые индейские расы, уступающие им в утонченности, перуанцы не имели средств отправить сообщение, касающееся дани или количества воинов в армии, или даты, за исключением *кипу*. Он состоял из одного основного шнура длиной около двух футов, удерживаемого горизонтально, к которому были прикреплены другие шнуры различных цветов и длины, свисавшие вертикально. Узлы на вертикальных шнурах и их различная длина служили с помощью организованного кода для передачи определенных слов и фраз. Каждый цвет и каждый узел имели множество условных значений; таким образом, *белый* = серебро, *зеленый* = кукуруза, *желтый* = золото; но в другом кипу, *белый* = мир, *красный* =

война, солдаты и т.д. Первоначально кипу был всего лишь средством счисления и ведения счетов, таким образом:

одиначный узел	=	10
двойной узел	=	100
тройной узел	=	1000
два одиначных	=	20
два парных	=	200

и т.д.

9. Великие каменные памятники, описанные в нашем первом разделе, принадлежали, по мнению некоторых авторов, династии Пируа, правившей высокогорьями Перу и Боливии задолго до времен инков. Центром цивилизации этой древней расы были берега озера Титикака.

10. *Древняя столица.*—Куско, центр управления до времен завоевания испанцами и долгое время единственный город в перуанской империи, заслуживает отдельного абзаца в разделе археология. О его замечательной крепости уже упоминалось, и есть другие циклопические руины, такие как великая стена, в которой находится "камень двенадцати углов". Некоторые памятники периода инков также привлекают большое внимание, такие как храм Кури-канча длиной 296 футов, дворец Амару-канча (то есть "место змей"), названный так из-за рельефных змей, изваянных снаружи. Об этих и других зданиях Сквайер отмечает, что "стыки выполнены с точностью, неизвестной в нашей архитектуре; миру нечего показать в области резьбы по камню и подгонки, которые превзошли бы мастерство и точность, продемонстрированные в сооружениях инков в Куско". Чтобы получить место для своей столицы, инкам пришлось провести огромную инженерную работу, заключив два горных потока между стенами из массивной каменной кладки, настолько прочной, что она прослужила даже до наших дней. Долина Куско была истоком перуанской цивилизации, центром и зарождением империи. Отсюда и название Куско = "пуп", точно так же, как древние греки называли Афины *umbilicus terræ*, а наши кузены из Новой Англии с любовью называют Бостон, штат Массачусетс, "центром вселенной"!

Золотое

украшение (? Зодиак) из гробницы в Куско.

§ (В) Перу до прибытия испанцев

"Национальный миф" перуанцев состоял в том, что на озере Титикака появились два сверхъестественных существа, оба дети Солнца. Одним из них был Манко Капак, первый инка, который научил людей земледелию; другой была его жена, которая научила женщин прясть и ткать. От них по прямой линии произошли все инки. Как представитель Солнца, инка был верховным жрецом и главой иерархии, и поэтому председательствовал на великих религиозных празднествах. Он был источником, из которого вытекало все — все достоинство, вся власть, все вознаграждение. Луи Великолепный в период расцвета своего могущества мог быть воспринят как прообраз императора инки: оба могли буквально использовать фразу "Государство - это мое", "Государство! Я - Государство!"

В королевских дворцах и одежде предполагалась великая варварская пышность. Все покои были украшены золотыми и серебряными украшениями.

Поклонение Солнцу, представляющему Творца, Обитателя Космоса, Учителя и Правителя Вселенной,^[25] была религией инков, унаследованной от их далеких предков. Великий храм в Куско с его великолепной демонстрацией богатств назывался "местом золота, обитель Учителя

Вселенной". На стене была прикреплена эллиптическая золотая пластина, изображавшая Божество.

До сих пор сохранилось достаточно свидетельств того, что туземцы развивали инженерную промышленность до прибытия Писарро. Мы приводим некоторые подробности о двух основных автомагистралях, обе соединяют Кито с Куско, а затем проходят на юг, в Чили. Во-первых, высокогорная дорога длиной 1600 миль, пересекающая великое перуанское плоскогорье и ведущая по непроходимым сьеррам, занесенным снегом; с галереями, прорубленными на многие лиги в живой породе, с реками, пересеченными мостами, и ущельями чудовищной глубины, заполненными прочной каменной кладкой. Проезжая часть состояла из тяжелых плит из свободного камня. Во-вторых, шоссе низкого уровня вдоль побережья между Андами и Тихим океаном. Доисторическим инженерам пришлось столкнуться здесь с совершенно иной задачей. Дамба была возведена на высокой земляной насыпи, по краю которой были посажены деревья. На полосах песчаных отходов в землю были вбиты огромные кучи (многие из них можно увидеть и по сей день), чтобы обозначить маршрут.

Еще одним колоссальным усилием была доставка воды в страну без дождей по морскому побережью, особенно в определенные районы, которые можно было освоить и сделать плодородными. Некоторые из акведуков были огромной длины — один из них имел длину от 400 до 500 миль.

В следующей таблице приведен перуанский календарь на год:

I. Райми, <i>праздник зимнего солнцестояния</i> ,	
в честь Солнца	22 июня.
Сезон пахоты	22 июля.
Сезон сева	22 августа.
II. <i>Праздник весеннего равноденствия</i>	
Сезон пивоварения	22 сентября.
Поминовение усопших	22 октября.
III. <i>Праздник летнего солнцестояния 22 декабря.</i>	
Сезон упражнений	22 ноября.
Сезон созревания	22 января.
IV. <i>Праздник осеннего равноденствия</i>	
Начало сбора урожая	22 февраля.
Месяц сбора урожая	22 марта.
	22 апреля.
	22 мая.

Поскольку Кито находится точно на экваторе, вертикальные лучи солнца в полдень в день равноденствия не отбрасывают тени. Поэтому эта северная столица, прежде всего, "пользовалась особым почитанием как излюбленная обитель великого божества".

На празднике Райми, или в день Нового года, обычно приносили в жертву ламу, разжигая огонь с помощью вогнутого зеркала из полированного металла, собирающего солнечные лучи в фокус на высушенном хлопке.

Национальный праздник ацтеков мы сравнивали со светским праздником римлян; так что теперь райми перуанцев можно сравнить с Панафенеями в древних Афинах, когда жители Аттики в великолепной процессии поднимались к святилищу на Акрополе.

В Мексике испанские путешественники часто сталкивались с жестоким голодом; а в Индии даже в наши дни (возможно, к позору нашего руководства) почти каждый год многие тысячи умирают от голода. При древних перуанцах все было совсем по-другому, потому что по закону "продукты земель, освященных Солнцу, а также тех, что были выделены для инков, хранились в *тамбо*, или общественных хранилищах, как заявленный запас на случай дефицита".

Испанцы обнаружили, что эти доисторические земледельцы использовали неисчерпаемые запасы гуано, найденные на всех островах Тихого океана. Только в середине девятнадцатого века британский фермер осознал ценность этого удобрения.

ГЛАВА X

ПИСАРРО И ИНКИ

Когда храбрый Бальбоа впервые достиг вершины хребта перешеек и посмотрел на юг, на Панамский залив, он, возможно, увидел "Серебряный колокол", который образует вершину могучего вулкана Чимборасо. Еще дальше к югу в том же направлении лежала "золотая земля", о которой он слышал.

Бальбоа был несправедливо лишен возможности исследовать эту неизвестную страну, но среди испанских солдат в Панаме было двое, которые решили осуществить план Бальбоа. Младшему, Писарро, было суждено соперничать с Кортесом как исследователю и завоевателю; Альмагро, его товарищ по экспедиции, был менее хитер и жесток. Отплыв из Панамы, испанцы сначала высадились на побережье ниже Кито и обнаружили, что туземцы носят золотые и серебряные безделушки. Во время второго путешествия с большим количеством людей они исследовали побережье Перу и посетили Тумбес, город с высоким храмом и дворцом инков.

Они увидели страну, полностью населенную и возделанную; туземцы были прилично одеты и обладали изобретательностью, настолько превосходящей изобретательность других обитателей Нового Света, что могли пользоваться ручными домашними животными. Но что больше всего привлекло внимание посетителей, так это такое изобилие золота и серебра, причем не только в украшениях, но и в нескольких сосудах и утвари общего пользования, изготовленных из тех драгоценных металлов, которые не оставляли места для сомнений в том, что в стране их было в избытке.

После своего возвращения Писарро посетил Испанию и заручился покровительством Карла V, который назначил его губернатором и генерал-капитаном новооткрытой страны. В следующее плавание из Панамы Писарро отправился со 180 солдатами на трех небольших кораблях — "ничтожная сила, несомненно, способная вторгнуться в великую империю Перу".

Писарро очень повезло во время его прибытия, потому что два брата яростно боролись в гражданской войне за получение суверенитета. Их отец, Хуана Капак, двенадцатый инка по

наследству от Манко Капака, недавно умер после аннексии королевства Кито и удвоения таким образом могущества империи. Писарро подружился с Атауальпой, который стал инкой после поражения и смерти своего брата, и между ними была устроена дружеская встреча. Испанский наблюдатель описывает перуанцев так:

Прежде всего прибыли 400 человек в военной форме; самого инку на ложе, украшенном перьями и почти полностью покрытом золотыми и серебряными пластинами, украшенными драгоценными камнями, несли на плечах его главные приближенные. Процессию сопровождали несколько оркестров певцов и танцоров, и вся равнина была покрыта войсками, более 30 000 человек.

После того, как испанский капеллан вступил в религиозный спор с инкой, который отказался признать власть папы римского и швырнул требник на землю, он возмущенно воскликнул, что Слово Божье было оскорблено язычником.

Писарро немедленно подал сигнал к штурму: заиграла боевая музыка, загремели пушки и мушкеты, конница яростно ринулась в атаку, пехота бросилась вперед с мечами в руках. Перуанцы, пораженные внезапностью нападения, встревоженные эффектом огнестрельного оружия и неотразимым действием кавалерии, бежали в ужасе со всех сторон. Писарро во главе своего отборного отряда вскоре проник в королевскую резиденцию и, схватив инку за руку, отвел его как пленника в испанские покои.

В качестве выкупа Атауальпа согласился заплатить вес золота на сумму более пяти миллионов фунтов стерлингов.

Вместо того, чтобы сохранить верность Инке и вернуть ему свободу, Писарро подло допустил, чтобы его судили по нескольким ложным обвинениям и приговорили к сожжению заживо.

Услышав об огромном выкупе, многие испанцы поспешили из Гватемалы, Панамы и Никарагуа поделить недавно открытой добычей в Перу, "стране золота". Таким образом, Писарро, теперь значительно усиленный солдатами, пробился к столице Куско. Найденные там богатства превышали по стоимости то, что было получено в качестве выкупа за Атауальпу.

Будучи губернатором Перу, Писарро выбрал новое место для своей столицы, ближе к побережью, чем Куско, и основал там Лиму. Сейчас это крупный центр торговли. Писарро жил здесь в большом государстве до 1542 года, когда его постигла судьба через группу заговорщиков, стремившихся отомстить за смерть Альмагро, своего бывшего соперника, которого он жестоко казнил как предателя. В воскресенье, 26 июня, в полдень, когда вся Лима погрузилась в сиесту, заговорщики незамеченными прошли через два внешних двора дворца и быстро расправились с солдатом-авантюристом, робко защищавшимся мечом и щитом. "Смертельный удар прямо в горло", и история о дерзком Писарро была рассказана.

*Raro antecedentem scelestum
Deseruit pede Poena claudo.*

Когда
Doom, хоть и хромал, не выжидал своего часа,

Чтобы ухватиться за заглавок скрывающегося Преступления?

У. Э. Гладстон.

СНОСКИ

[1] Том Джонс, xvi, глава 2, 3 и т.д.

[2] Профессор Р. Б. Андерсон говорит: "Бассейн реки Чарльз следует выбрать как наиболее вероятное место посещений Лейфа Эриксона и др." [*против* карты.]

[3] Что касается ирландского заявления о доколумбовом открытии Америки, см. Также Гумбольдта (Cosmos, ii, 607) и Лэйнга (Heimsk., i, 186).

[4] МИСС Книга Лисмора.

[5] Рассказ предоставлен Гумбольдтом и Д'Авезаком.

[6] Некоторые цитаты из стихотворения Саути приведены в главах V, VI.

[7] Поэт, однако, совершает канцелярскую ошибку, записывая Кортеса за Бальбоа.

[8] Микросхемы из немецкой мастерской, i, 327.

[9] Прескотт, i, I, стр. 8, 9.

[10] Саагун, История. de Nueva España, vi, 19.

[11] Известная группа из семи маленьких звезд в созвездии Быка. Обычному зрению "семь сестер" кажутся всего лишь *шестью*: различить седьмую - это проверка опытного глаза и отличного зрения.

[12] Белый или европеоидный 640 000 000, желтый или монгольский 600 000 000, черный или африканский 200 000 000, красный или американский 20 000 000.

[13] См. Титульный лист.

[14] Д. Г. Бринтон.

[15] Стр. 68-70, v. стр. 95.

[16] Руины упоминались в главе iv (v. стр. 84, также 130.),,,.)

[17] Саагун (vi, 22) цитирует точные инструкции отца своему сыну: он должен вымыть лицо и руки перед тем, как сесть за стол, и не должен уходить, пока не повторит операцию и не почистит зубы.

[18] Испанцы называли эту красивую птицу *галлопаво* (лат. *pavo*, "павлин"). Дикая индейка крупнее и красивее ручной, и поэтому Бенджамин Франклин, саркастически отзываясь об

"Американском орле", настаивал на том, что дикая индейка является надлежащей национальной эмблемой.

[19] Имя Монтесума означает "печальный или суровый человек", титул, соответствующий его чертам, но не мягкому характеру.

[20] Историк Робертсон называет сумму в 5000 фунтов стерлингов; но Прескотт считает, что *лесо де оро* составляет 2 12 шилл. 6д.; отсюда 20 000 в тексте дают $20\,000 \times 2-5 / 8 = 2500 \times 21 = 52\,500$ фунтов стерлингов.

[21] Саути (Мэдок, i, 7).

[22] Не следует путать с индейской деревней на берегу озера Маракайбо, которой (по аналогичному мотиву) Веспуччи дал это название — ныне столица крупной республики.

[23] Например, Патерсон, основатель Банка Англии, Флетчер Солтун, маркиз Твиддейл, тогдашний главный министр Шотландии, сэр Джон Далримпл и т.д.

[24] Назван в честь *букана*, разновидности мясных консервов, используемых этими марсоходами. Этому своеобразному искусству консервирования они научились у коренных карибов.

[25] Согласно сэру К. Р. Маркхэму, ФБР

Примечание переписчика:

Многие неточности в написании и расстановке переносов в этом тексте такие же, как в оригинале.